

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КРИСТОФЕР ПРИСТ

МАШИНА ПРОСТРАНСТВА
ОПРОКИНУТЫЙ МИР

Фантастика: классика и современность

Кристофер Прист

**Машина пространства.
Опрокинутый мир**

«АСТ»

1974, 1983

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Машина пространства. Опрокинутый мир / К. Прист — «АСТ»,
1974, 1983 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-104947-8

Роман «Опрокинутый мир», получивший Премию британской ассоциации научной фантастики, рассказывает о странном огромном Городе, который непрерывно передвигается по рельсам, и его обитателях, неустанно прокладывающих железнодорожные пути впереди и разбирающих рельсы позади движения Города. Гельвард Манн из Гильдии Разведчиков возвращается в места, покинутые Городом, и делает поразительное открытие... «Машина пространства» продолжает историю уэллсовских романов «Машина времени» и «Война миров». Невероятные приключения и страшные опасности, временные парадоксы, марсианская цивилизация – здесь есть все, что так дорого любителям чистой приключенческой фантастики, какой она была в начале XX века!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104947-8

© Прист К., 1974, 1983
© АСТ, 1974, 1983

Содержание

Машина пространства	7
Глава I. Женщина-коммивояжер	7
1	7
2	9
3	10
Глава II. Ночной разговор	12
1	12
2	15
3	16
4	18
5	19
6	21
Глава III. В доме на Ричмонд-Хилл	22
1	22
2	22
3	26
Глава IV. Сэр Уильям излагает свою теорию	31
1	31
2	36
3	37
Глава V. В будущее!	40
1	40
2	41
3	43
4	44
5	45
6	47
7	47
8	50
Глава VI. В неведомой стране будущего	51
1	51
2	53
3	56
4	59
Глава VII. Мы раскрываем истину	61
1	61
2	62
3	64
4	66
5	70
Глава VIII. Город скорби	74
1	74
2	75
3	76
4	78
5	80

Глава IX. Наши наблюдения	84
1	84
2	84
3	86
4	87
5	88
6	88
7	91
8	93
9	94
Глава X. Нашествие	95
1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Кристофер Прист

Машина пространства. Опрокинутый мир

Christopher Priest
THE SPACE MACHINE
INVERTED WORLD

© Christopher Priest, 1974, 1983

© Перевод. О. Битов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Машина пространства

Герберту Дж. Уэллсу посвящаяю

Глава I. Женщина-коммивояжер

1

В апреле 1893 года в одной из деловых поездок случилось мне остановиться в гостинице «Девоншир армз» в йоркширском городке Скиптон. Мне было тогда двадцать два года, и я выполнял, признаюсь, не без успеха, скромные обязанности разъездного представителя фирмы «Джошиа Вестермен и сыновья. Кожаная галантерея и модные товары». Не стану долго распространяться о характере моих занятий, поскольку они никогда не представлялись мне особенно интересными; тем не менее при всей своей непритязательности именно моя деятельность коммивояжера дала толчок удивительной цепи событий, которая и составляет главное содержание этого повествования.

«Девоншир армз» – типичная провинциальная гостиница, низкое серое кирпичное здание с вечными сквозняками, плохо освещенными коридорами, отслаивающейся штукатуркой и неопрятными пятнами на стенах. Единственное уютное место во всей гостинице называется комнатой отдыха; хотя она мала и загромождена мебелью, а кресла стоят так тесно, что между ними почти невозможно пройти, здесь по крайней мере тепло зимой и по вечерам горит газ, в то время как спальни освещены лишь тусклыми чадающими керосиновыми лампами.

Чем же заняться вечером постояльцу-коммивояжеру, если не укрыться в четырех стенах этой комнаты и не повести ленивую беседу с собратьями по профессии? Для меня лично послеобеденный час от восьми до девяти превращался, как правило, в самый мучительный час в сутках – по давно заведенному неписаному правилу курить раньше девяти не позволялось, это время отводилось только на разговоры. Пробьет девять – появятся трубки и сигары, воздух мало-помалу станет удушливо сизым, головы откинутся на спинки кресел, глаза сомкнутся. Тогда, быть может, мне удастся почитать, не обижая других, или написать письма.

В тот вечер, который я вспоминаю особенно часто, я после обеда совершил небольшую прогулку и вернулся в гостиницу незадолго до девяти. Заглянув на минутку в свою комнату, я надел домашнюю куртку, потом спустился на первый этаж и направился в комнату отдыха.

Там уже сидели трое, и хотя до срока еще доставало целых семи минут, я заметил, что Хьюз, представитель инструментальной фабрики из Бирмингема, уже раскуривает свою трубку. Я кивнул остальным и прошел к креслу в самом дальнем углу комнаты.

В четверть десятого на пороге появился Дайкс. Это был молодой человек примерно моих лет; признаюсь, я не испытывал к нему особой симпатии, однако он все равно взял в привычку общаться со мной в подчеркнуто доверительной манере. Не дожидаясь приглашения, он последовал прямо в мой угол и уселся напротив меня. Я поспешно прикрыл блокнот, заслоняя от Дайкса текст письма, который перед тем прикидывал.

– Курить будете, Тернбулл? – осведомился он, протягивая портсигар.

– Нет, благодарю вас.

Я было начинал курить трубку, но вот уже с год как отказался от этой привычки.

Он достал сигарету для себя и продемонстрировал мне изощренный ритуал ее зажигания. Дайкс был коммивояжером, как и я; ему нравилось попрекать меня, что я чересчур кон-

сервативен в своих обычаях. Меня, напротив, забавляли его напыщенные замашки – мы ведь нередко находим удовольствие в промахах и недостатках окружающих.

– Сегодня в гостинице остановилась женщина-коммивояжер, – произнес он обыденным тоном, но при этом слегка наклонился ко мне, наверное, чтобы придать выразительность своим словам. – Как вам это понравится, Тернбулл?

– Потрясающая новость, – согласился я. – Вы не ошибаетесь?

– Я вернулся довольно поздно. – Дайкс понизил голос. – Случайно заглянул в регистрационную книгу. Мисс А. Фицгиббон из Суррея. Любопытно, не правда ли?

Как теперь понимаю, я старался держаться подальше от каждодневных забот других коммивояжеров, и тем не менее сообщение Дайкса меня заинтересовало. Любой из нас волей-неволей впитывает в себя сведения, касающиеся собственной профессии, и до меня давно доходили слухи, что иные фирмы начали нанимать не представителей, а представительниц. Я сам, правда, пока таких не встречал, но разве не логично допустить, что с продажей определенных товаров – скажем, туалетных или постельных принадлежностей – лучше справится женщина? В своих поездках мне, конечно, не раз доводилось вести переговоры с работающими женщинами; какие же аргументы можно сыскать против того, чтобы они сами попробовали свои силы в торговых сделках?

Я поневоле бросил взгляд через плечо, хотя и понимал, что ни одна дама не сумела бы войти в комнату незамеченной.

– Что до меня, то я ее не видел, – отозвался я.

– Никто не видел и вряд ли увидит. Уж не надеетесь ли вы, что миссис Энсон позволит юной леди из хорошего дома переступить порог комнаты отдыха?

– Так, значит, вы ее все-таки видели?

Дайкс покачал головой:

– Она обедала вдвоем с миссис Энсон в малой столовой. Я видел лишь прибор, который туда пронесли.

Однако мой интерес к проблеме еще не был исчерпан:

– А как вы думаете, то, что говорят о женщинах-коммивояжерах, имеет под собой основания?

– Несомненно! – ответил Дайкс не задумываясь. – Это не профессия для уважающей себя женщины.

– Но вы же сами только что сказали, что эта мисс Фицгиббон из хорошего...

– Эвфемизм, дорогой мой, не более чем эвфемизм!..

Он откинулся в кресле и с нарочитым удовольствием затянулся сигаретой.

Общество Дайкса бывало подчас довольно занимательным, а его пренебрежение к условностям доходило до готовности попотчевать собеседника пикантным анекдотом. Мне оставалось выслушивать эти анекдоты в завистливом молчании, поскольку я по большей части проводил вечера в вынужденном одиночестве. Многие коммивояжеры были холостяками, возможно, по натуре, а скорее потому, что постоянные переезды из города в город не способствовали возникновению прочных привязанностей. Не удивительно, что как только в нашу среду просочились слухи о начинании фирм, решивших привлечь к разъездной работе женщин, курительные и комнаты отдыха в гостиницах по всей стране переполнились домыслами вполне определенного толка. Дайкс первый без устали снабжал нас информацией на этот счет, но с течением времени стало ясно, что перемен в нашем образе жизни пока что не предвидится. По правде говоря, до этого случая я ни разу даже не слышал, чтобы женщина-коммивояжер остановилась со мной в одной гостинице.

– А знаете, Тернбулл, мне пришло в голову познакомиться с мисс Фицгиббон прямо сегодня вечером.

– Но что вы ей скажете? Должен же кто-то представить вас...

– Ну, это несложно. Вот сейчас встану, подойду к дверям гостиной миссис Энсон, постучусь и приглашу мисс Фицгиббон прогуляться со мной немного перед сном...

– Я, право...

Фраза осталась недоконченной: я внезапно понял, что Дайкс не может замышлять ничего подобного всерьез. Он знал хозяйку нашей гостиницы не хуже моего, и нам обоим не составляло труда догадаться, как она воспримет эдакую дерзость. Пусть мисс Фицгиббон окажется трижды эмансипированной особой, миссис Энсон будет по-прежнему неколебимо придерживаться правил, внушенных ей прабабушками.

– Впрочем, зачем я расписываю вам свою тактику? – произнес Дайкс. – Мы оба пробудем здесь до конца недели. Вот тогда я и сообщу вам о своих успехах.

– А если, – предложил я, – каким-то образом выяснить, что за фирму она представляет? Тогда у вас появятся шансы подкараулить ее в дневное время.

Он заговорщически улыбнулся.

– Кажется, Тернбулл, мы с вами рассуждаем одинаково. Про фирму я уже выяснил. Не хотите ли заключить небольшое пари? Победителем будет признан тот из нас, кто первым заговорит с названной дамой.

Я почувствовал, что краснею.

– Держать пари не в моих правилах, Дайкс. Да и глупо было бы вступать с вами в спор, раз уж вы добились явного преимущества.

– Могу поделиться с вами тем, что узнал. Никакой она не коммивояжер, а личный секретарь, и работает не на какую-то определенную фирму, а по поручениям своего патрона-изобретателя. По крайней мере так меня уверяли.

– Личный секретарь изобретателя? – переспросил я недоверчиво. – Вы, верно, шутите!

– Так мне рассказывали, – повторил Дайкс. – Зовут его сэр Уильям Рейнольдс, и он очень известен. Никаких подробностей я, правда, не знаю, да они мне и ни к чему: мои личные интересы ограничиваются его секретаршей...

Я сидел, совсем забыв про блокнот с начатым письмом, лежащий на коленях; неожиданный поворот событий совершенно поразил меня. Нескромные замыслы Дайкса меня, в сущности, нисколько не волновали, сам я при любых обстоятельствах старался не терять достоинства, однако имя сэра Уильяма Рейнольдса говорило мне очень многое. Задумавшись, я смотрел, как Дайкс докуривает свою сигарету, потом поднялся и сказал:

– К сожалению, мне пора идти.

– Но еще рано! Давайте выпьем по стаканчику вина, я угощаю. – Он потянулся к кнопке электрического звонка. – Мне так хочется, чтобы вы приняли предложенное пари.

– Нет, благодарю вас. С вашего разрешения, мне надо кончить это письмо. Быть может, завтра?..

Кивнув ему на прощанье, я направился к двери. Когда я выходил из комнаты отдыха в коридор, мне встретилась миссис Энсон.

– Добрый вечер, мистер Тернбулл.

– Спокойной ночи, миссис Энсон.

На лестничной площадке я замешкался и обратил внимание, что дверь в гостиную распахнута настежь: но никакой юной леди в гостиной не было и в помине.

Вернувшись к себе в комнату, я зажег лампу и присел на край кровати. Мысли мои разбегались, и я тщетно старался привести их в порядок.

2

Имя сэра Уильяма произвело на меня глубочайшее впечатление, поскольку в то время он считался одним из самых знаменитых ученых Англии. Более того, я лично был крайне заин-

тересован в одном деле, косвенно связанном с сэром Уильямом, и сведения, которыми Дайкс поделился между прочим, могли сослужить мне большую пользу.

1880–1890-е годы ознаменовались внезапной лавиной научных открытий; для тех, кто испытывал склонность к нововведениям, время было чрезвычайно увлекательное. Мы стояли на пороге Двадцатого Столетия, мы рисовали себе, как вступаем в золотой век в окружении чудес науки, и эта перспектива вдохновляла лучшие умы человечества. Казалось, чуть не каждую неделю появляются новые чудодейственные механизмы, которые сулят изменить самые основы нашего существования: электрические омнибусы, экипажи без лошадей, синематограф, американские говорящие машины... Не думать об этом было, по-моему, просто нельзя.

Но решительнее всего завладели моим воображением экипажи без лошадей. За год до описываемых событий мне как-то довелось прокатиться на таком самодвижущемся устройстве, и я совершенно уверился, что, невзирая на сопровождающий движение шум и неудобства, за такими машинами великое будущее.

Собственно, именно благодаря той единственной поездке я и оказался – пусть косвенно – заинтересован в развитии зарождающегося вида транспорта. Прочитав в газете статью об американских мотористах, я попытался убедить владельца фирмы мистера Вестермена включить в круг выпускаемых товаров необычное изделие. Наименование для этого изделия я предложил простое – «маска для защиты зрения». Делалась маска из кожи и стекла; на голове она удерживалась специальными ремешками и защищала глаза от летящего из-под колес песка, насекомых и тому подобного.

Надо признать, что мистер Вестермен отнюдь не разделял моих восторгов и не был убежден ни в достоинствах такой маски, ни в целесообразности ее производства. Он согласился выпустить всего-навсего три опытных образчика и уполномочил меня предложить их нашим постоянным покупателям, дав понять, что всерьез займется маской лишь после того, как я представлю гарантированные заказы. Впрочем, это не мешало мне считать идею маски чрезвычайно ценной и очень гордиться своей инициативой, хотя, по чести сказать, за полгода, что я возил опытные образчики в своем саквояже, не нашлось ни единого покупателя, который проявил бы к ним хоть малейший интерес. Судя по всему, люди не разделяли моей уверенности в блестящем будущем экипажей без лошадей.

Иное дело сэр Уильям Рейнольдс. Он уже был одним из самых известных мотористов в стране. Установленный им рекорд скорости – немногим более семнадцати миль в час, – показанный на дистанции между Ричмондом и площадью Гайд-Парк-Корнер, до сих пор оставался непревзойденным.

Если бы только он поверил в мою маску, то и другие мотористы неизбежно последовали бы его примеру!

Вот почему для меня знакомство с мисс Фицгиббон становилось настоящей необходимостью. Однако в ту ночь, ворочаясь на гостиничной кровати, я даже смутно не догадывался, как глубоко изменит эта «маска для защиты зрения» мою собственную жизнь.

3

Весь следующий день я был занят по преимуществу тем, что гадал, как бы мне подступиться к мисс Фицгиббон. Хотя я и не отказался от обхода окрестных контор и магазинов, но никак не мог сосредоточиться на делах и вернулся в «Девоншир армз» раньше обычного.

Как справедливо отметил Дайкс накануне вечером, ухитриться в этой гостинице найти повод для встречи с представительницей прекрасного пола – задача не из легких. Ни на одну из возможностей, предусмотренных этикетом, надеяться не приходилось, так что нужно было обращаться к мисс Фицгиббон непосредственно. Разумеется, я мог бы попросить миссис Энсон

представить меня, но, признаться, подозревал, что присутствие означенной дамы при нашей беседе сразу же все погубит.

Отвлекало меня от исполнения служебных обязанностей и невольное любопытство в отношении самой мисс Фицгиббон. Если миссис Энсон взяла на себя роль опекуниши, значит, та, кого она охраняет, еще совсем молода; тот факт, что гостя не замужем, также свидетельствует об этом. Но раз так, моя задача затрудняется еще более, ибо любой шаг с моей стороны будет несомненно и ошибочно принят за доказательство намерений сродни намерениям Дайкса.

Внизу в приемной никого не оказалось, и я воспользовался случаем тайком заглянуть в регистрационную книгу для постояльцев. Дайкс информировал меня точно – последняя строчка в книге была заполнена аккуратным четким почерком: «Мисс А. Фицгиббон, дом Рейнольдса, Ричмонд-Хилл, Суррей».

Прежде чем подняться к себе, я заглянул в комнату отдыха и увидел Дайкса, который стоял перед камином, погруженный в чтение «Таймс». Я предложил своему вчерашнему собеседнику пообедать вместе, а потом навестись в какую-нибудь пивную.

– Превосходная мысль! – воскликнул он. – Вы что, празднуете удачу?

– Да нет. Скорее уж думаю о будущем.

– Правильная стратегия, Тернбулл. Обедаем в шесть?

Так мы и поступили, а после обеда устроились в уютном баре заведения под названием «Королевская голова». И только когда мы управились с двумя стаканами портера и Дайкс закурил сигару, я поднял вопрос, который занимал меня более всего.

– Вы по-прежнему жалеете, что я не заключил вчера с вами пари? – спросил я.

– Что вы имеете в виду?

– Неужели вы не понимаете?

– А, – сообразил он. – Женщина-коммивояжер!

– Она самая. Если бы я принял предложенное вами пари, то, чего доброго, уже проиграл бы вам пять шиллингов?

– Не так скоро, друг мой. Таинственная незнакомка провела в обществе миссис Энсон весь вечер, пока я не отправился ко сну, а поутру ее было вообще не видно, не слышно. Воистину бриллиант, который наша хозяйка стережет пуще глаза.

– Вы думаете, они давно знакомы?

– Вряд ли. Ведь приезжая зарегистрировалась в книге.

– Ваша правда, – заметил я.

– Со вчерашнего дня вы совершенно переменили тон. Вчера я решил, что незнакомка вас не интересуется.

И поспешил исправить свою оплошность:

– Право, я спросил без всякой задней мысли. Вы так твердо рассчитывали с ней познакомиться, вот и осведомился, как ваши успехи.

– Как бы это выразиться, Тернбулл... Принимая во внимание обстоятельства, я пришел к выводу, что лучше мне приберечь свои таланты для Лондона. Не вижу никакой возможности познакомиться с юной леди, не вовлекая в это дело миссис Энсон. Другими словами, мой дорогой, я предпочел отказаться от пустой траты сил...

И Дайкс пустился в рассказы о своих недавних победах. Я мысленно улыбнулся: пусть я не узнал о мисс Фицгиббон ничего нового, зато по крайней мере выяснил, что не рискую попасть в нелепое и унижительное положение конкурента.

Слушал я Дайкса вполуха до без четверти девять и потом предложил вернуться в гостиницу, пояснив, что мне опять надо написать письмо. Мы расстались в прихожей – Дайкс прошествовал в комнату отдыха, а я отправился к себе. Дверь в гостиную была плотно затворена, но из-за двери доносился голос миссис Энсон.

Глава II. Ночной разговор

1

Прислуга в гостинице взяла в привычку – наверное, по указанию миссис Энсон – сбрызгивать абажуры керосиновых ламп одеколоном. В результате весь первый этаж был пропитан липким запахом, таким неотвязным, что даже сейчас, едва на меня повеет одеколоном, я тут же вспоминаю «Девоншир армз».

Однако в тот вечер, когда я поднимался по лестнице, мне почудилось, что я улавливаю еще какой-то аромат – гораздо более сухой, настоящий на травах, менее приторный, чем тот, который навязывала нам миссис Энсон... Но ощущение тут же исчезло, я вошел к себе в комнату и притворил дверь.

Засветив обе керосиновые лампы, я задержался перед зеркалом и привел себя в порядок. Чтобы от меня не разлило пивом, я почистил зубы и в придачу пососал мятную лепешку. Потом побрился, расчесал волосы и усы и надел чистую рубашку, а покончив с этим, поставил кресло поближе к двери и пододвинул к нему стол. Одну из ламп я поставил на стол, другую задул. Тут меня осенила новая мысль, и я, взяв одно из махровых полотенец миссис Энсон, положил его на ручку кресла. Теперь я был готов. Оставалось только усесться в кресло и раскрыть роман.

Прошло больше часа; я просидел все это время с книжкой на колене, но не прочел ни слова. Я различал, и то еле-еле, приглушенный гул голосов внизу, а в остальном тишина была полной.

Наконец на лестнице послышались легкие шаги, и я приготовился к выходу. Отложил книжку, перекинул махровое полотенце через руку. Подождал, пока шаги не прошуршали мимо двери, и распахнул ее. Я увидел женскую фигуру, удаляющуюся по тускло освещенному коридору; заслышав шум, женщина обернулась. Это была всего-навсего горничная – она несла кому-то грелку в темно-красном чехле.

– Добрый вечер, сэр, – произнесла она, нехотя сделала книксен в мою сторону и пошла дальше своей дорогой.

Я пересек коридор, закрыл за собой дверь ванной, медленно сосчитал до ста, а потом вернулся в свою комнату.

Теперь ожидание давалось мне с трудом – я был возбужден гораздо сильнее, чем раньше. Спустя несколько минут я опять услышал шаги на лестнице, на сей раз, пожалуй, чуть потяжелее. Я опять выждал, пока они не простучали мимо моей двери, и тогда высунулся в коридор. Это оказался Хьюз, возвращающийся к себе в номер. Мы обменялись кивком, и я снова прошествовал в ванную.

Когда я вновь вернулся к себе, то почувствовал, что начинаю сердиться: прибегнуть к таким тщательным приготовлениям, пойти на такие уловки – и все впустую. Тем не менее я твердо решил довести дело до конца, действуя по намеченному плану.

В третий раз, когда послышались шаги, я узнал походку Дайкса: он поднимался, прыгая через ступеньку. Спасибо, что не пришлось еще раз разыгрывать представление с махровым полотенцем.

Миновало еще полчаса; я уже почти отчаялся и поневоле стал подозревать, что просчитался. В конце концов, мисс Фицгиббон с тем же успехом могла поселиться в личных апартаментах миссис Энсон; какие у меня основания считать, что она заняла комнату именно на этом этаже? И все же удача не изменила мне. Лучше поздно, чем никогда – с лестницы вновь донеслись шаги, и когда я выглянул в коридор, то увидел со спины стройную молодую женщину. Я

швырнул полотенце обратно в комнату, подхватил свой саквояж с образцами, тихо прикрыл дверь и двинулся за незнакомкой.

Если она и заметила, что ее преследуют, то виду не подала. Она спокойно дошла до самого конца коридора, где была еще одна короткая лесенка наверх. Повернувшись, поставила ногу на нижнюю ступеньку. Я поспешил вслед. Когда я достиг лесенки, незнакомка как раз вставляла ключ в замочную скважину. Теперь она посмотрела на меня сверху вниз.

– Извините меня, мисс, – произнес я. – Разрешите представиться. Меня зовут Тернбулл, Эдуард Тернбулл.

Под ее пристальным взглядом я почувствовал себя до крайности неуютно: и впрямь, какой-то глупец пялится на женщину от подножия лесенки. Она ничего не сказала, хотя и удостоила меня легким кивком.

– Я, кажется, имею честь обращаться к мисс Фицгиббон? – продолжал я. – К мисс А. Фицгиббон?

– Да, это я, – подтвердила она приятным, хорошо поставленным голосом.

– Мисс Фицгиббон, вы вправе посчитать мою просьбу из ряда вон выходящей, но у меня есть одно изделие, которое, по-моему, может представить для вас интерес. Вы не разрешите показать вам его?

Прежде чем ответить, она еще раз оглядела меня сверху вниз. Потом спросила:

– Что это за изделие, мистер Тернбулл?

Я испуганно обернулся в сторону коридора: ведь там в любой момент мог появиться кто-то из других постояльцев.

– Мисс Фицгиббон, – сказал я, – позвольте мне подняться к вам?

– Нет, – отрезала она. – Лучше я сама спущусь. – У нее в руках был объемистый кожаный ридикюль; оставив его на площадке подле своей двери и чуть приподняв подол, она не спеша спустилась по ступенькам обратно.

Когда она очутилась возле меня, я произнес:

– Постараюсь не задержать вас более чем на одну-две минуты. Поистине счастливое совпадение, что вы остановились в этой гостинице...

Еще не договорив, я присел на корточки и начал возиться с застежками своего саквояжа. Наконец он с грехом пополам открылся, и я вынул одну из «масок для защиты зрения». Поднимаясь с пола с маской в руке, я перехватил пристальный взгляд мисс Фицгиббон. Этот прямой, слегка насмешливый взгляд обескуражил меня окончательно.

– Что же у вас такое, мистер Тернбулл? – нетерпеливо спросила она.

– Я называю это «маской для защиты зрения». – Она не удостоила меня ответом, и я продолжал в смятении: – Как видите, маска годится как для пассажиров, так и для водителя, а при желании ее можно снять буквально за одну секунду...

При этих словах молодая женщина сделала шаг назад и, казалось, была готова вновь поставить ногу на ступеньку.

– Пожалуйста, не уходите! – взмолился я. – Видимо, я выражаюсь недостаточно ясно...

– Это еще мягко сказано. Объясните толком, что такое у вас в руке и отчего вы сочли возможным остановить меня в коридоре гостиницы.

Ее слова звучали теперь столь холодно и формально, что я окончательно запутался в выражениях.

– Мисс Фицгиббон, насколько мне известно, вы работаете у сэра Уильяма Рейнольдса?

Она кивнула, и тогда я, запинаясь, принялся заверять ее, что уж его-то моя маска заинтересует всенепременно.

– Но вы так и не соизволили сказать, для чего она служит.

– Она защищает глаза от сора при езде на автомобиле, – ответил я и, повинуясь внезапному побуждению, поднял маску и прижал ее к лицу обеими руками.

В ответ молодая женщина коротко рассмеялась, но смех ее, как я почувствовал, уже не был недружелюбным.

– Так это автомобильные очки! – воскликнула она. – Что же вы сразу не сказали?

– Вы видели такую маску раньше? – спросил я, не в силах скрыть удивления.

– В Америке их применяют уже давно.

– Значит, у сэра Уильяма тоже есть что-то подобное?

– Нет, но, быть может, он считает, что ему очки вовсе не нужны.

Я снова опустился на корточки, чтобы порыться в саквояже.

– У меня есть и другая модель, специально для женщин, – заявил я, торопливо перебирая товары, которыми был набит саквояж. В конце концов я нашел маску меньшего размера, изготовленную на фабрике мистера Вестермена, и встал, протягивая ее своей собеседнице. В спешке я нечаянно опрокинул саквояж, и на полу выросла гора альбомов и альбомчиков, бумажников и несессеров. – Попробуйте надеть эту маску, мисс Фицгиббон. Сделана из лучшей лайковой кожи.

Подняв глаза на молодую женщину, я заподозрил было, что она вот-вот рассмеется снова, но нет – она хранила полную серьезность.

– Я отнюдь не убеждена, что мне нужны ваши...

– Уверю вас, они вам вполне подойдут. – Моя искренность сумела все-таки побороть ее скептицизм, и она приняла у меня очки. – Они снабжены застежкой. Пожалуйста, наденьте их.

Я вновь наклонился и кое-как запихнул рассыпанные товары в нутро саквояжа. Попутно я еще раз украдкой оглянулся: коридор был по-прежнему пуст.

Когда я выпрямился, мисс Фицгиббон уже успела накинуть маску на лоб и пыталась совладать с застежкой. Громоздкая шляпа с цветами, венчающая ее прическу, затрудняла эту задачу до крайности. Признаюсь, мне было не по себе с самого начала нашей беседы, но прежде мое смущение и в счет не шло по сравнению с испытываемым теперь. Необдуманное поведение и неуклюжие манеры поставили меня в положение самого стеснительного свойства. Мисс Фицгиббон явно решила поиздеваться надо мной, и, пока она возилась с застежкой, я клял себя, что у меня не хватает духу отобрать у нее очки и убраться восвояси. Разумеется, я ничего не сделал, просто тупо следил, как она воюет с застежкой. Наконец она улыбнулась вымученной улыбкой.

– Кажется, эта штука запуталась у меня в волосах, мистер Тернбулл.

Она дернула за тесемку маски и поморщилась от боли. Я и хотел бы как-то помочь ей, но был слишком взволнован. Еще рывок за тесемку – с тем же успехом: металлическая застежка прочно застряла в длинных волосах.

В дальнем конце коридора послышались голоса, поскрипывание деревянной лестницы. Мисс Фицгиббон, видимо, тоже расслышала что-то, поскольку обернулась на звук.

– Что прикажете делать? – тихо спросила она. – Не могу же я попасться людям на глаза с таким украшением в волосах...

Она рванула тесемку и опять поморщилась.

– Разрешите помочь? – осведомился я, нерешительно протянув руку.

На стене у лестничной площадки закачалась чья-то тень – кто-то поднимался снизу, из прихожей.

– Нас с секунды на секунду застанут здесь! – забеспокоилась мисс Фицгиббон. Злополучные очки болтались у нее возле щеки. – Лучше ненадолго скроемся ко мне в комнату.

Голоса звучали все ближе.

– К вам в комнату? – откликнулся я изумленно. – Вдвоем, без свидетелей? Ведь до сих пор...

– Кого вы предложите мне в свидетели? – спросила она. – Уж не миссис ли Энсон?

И, подобрав юбки, мисс Фицгиббон поспешила вверх по ступенькам к своей двери. Я постоял в нерешительности еще мгновение, потом подхватил незакрытый саквояж и последовал за ней. Подождал, пока молодая женщина отворит дверь, и переступил порог.

2

Комната оказалась гораздо больше моей и много уютнее. На стене висели два газовых рожка, и, когда мисс Фицгиббон открыла газ, комнату наполнил яркий, теплый свет. В камине пылали угли, на окнах красовались длинные бархатные портьеры. Один угол занимала широкая, французского стиля кровать с откинутым покрывалом. Большая же часть комнаты была занята мебелью, которая пришлась бы к месту в гостинице средней руки: шезлонг и еще два кресла, несколько ковриков, огромный сервант, книжный шкафчик и маленький стол.

Я беспокойно топтался у двери, а мисс Фицгиббон сразу же направилась к зеркалу и, выпутав из волос очки, положила их на стол. Потом сняла шляпу и сказала:

– Прошу садиться, мистер Тернбулл.

Я посмотрел на очки.

– Мне, вероятно, следует уйти.

Мисс Фицгиббон помолчала, прислушиваясь к голосам, доносящимся из коридора.

– Пожалуй, вам есть смысл чуточку задержаться здесь, – решила она. – К чему рисковать, что вас увидят выходящим из моей комнаты в столь поздний час...

Я из вежливости посмеялся вместе с ней, но должен признаться, что эта вольная шутка меня изрядно шокировала. Я сел в одно из кресел у стола, а мисс Фицгиббон подошла к камину и пошевелила угли кочергой, чтобы они разгорелись повеселее.

– Извините, я вас ненадолго покину, – произнесла она. Когда она проходила мимо, на меня вдруг пахнуло тем самым ароматом трав, который я уловил на лестнице двумя часами раньше.

Мисс Фицгиббон скрылась за маленькой внутренней дверью, плотно затворив ее за собой. Я остался сидеть, в душе проклиная себя на чем свет стоит. Вся эта история совершенно вывела меня из равновесия: кому угодно стало бы ясно, что автомобильная маска хозяйке комнаты вовсе не нужна и нисколько ее не интересует. А надежда, что она убедит сэра Уильяма испробовать мои очки, представлялась мне теперь просто несбыточной. Я раздосадовал мисс Фицгиббон, а то еще, чего доброго, и скомпрометировал ее. Ведь если миссис Энсон или кто другой в гостинице пронюхает, что я в ночное время находился наедине с юной леди, ее репутация окажется непоправимо запятнанной.

Когда минут через десять мисс Фицгиббон вернулась ко мне, я уловил донесшееся из-за внутренней двери шипенье водопроводного крана и сделал вывод, что там расположена ванная. Очевидно, я не ошибся, поскольку мисс Фицгиббон заново напудрилась и к тому же уложила волосы по-другому, распустив тугий узел, который носила до того, и позволив освобожденным прядям упасть на плечи. А когда она опять прошла мимо меня к креслу, я ощутил, что излюбленный ею аромат трав стал намного сильнее.

Она села и, вздохнув, откинулась на спинку кресла. Держалась она теперь удивительно естественно и просто.

– Знаете, мистер Тернбулл, – сказала она, – мне кажется, я должна перед вами извиниться. Не сердитесь, что поначалу я вела себя так заносчиво.

– Напротив, это я должен извиниться, – тотчас же возразил я. – Мне не следовало...

– Наверное, у меня наступила естественная реакция, – продолжала она, словно не слыша меня. – Я пробыла четыре часа в обществе миссис Энсон, и за все четыре часа она не умолкала ни на минуту.

– Я полагал, что вы с ней приятельницы.

– Она добровольно приняла на себя роль моего опекуна и наставника. Я получила от нее кучу житейских советов. – Мисс Фицгиббон встала, подошла к серванту и вынула два стаканчика. – Не спрашиваю, мистер Тернбулл, пьете ли вы, поскольку обоняние уже подсказало мне ответ. Хотите бренди?

– Спасибо, не откажусь, – отозвался я, проглотив упрек.

Она наполнила стаканчики из плоской фляги, которую достала из ридикюля, и поставила их на столик.

– Подобно вам, мистер Тернбулл, я иногда ощущаю потребность подкрепить свои силы.

С этими словами она снова села. Мы подняли стаканчики и пригубили спиртное.

– Что же вы так угрюмо молчите? – спросила она. – Надеюсь, я вас не слишком смутила? – Мне оставалось лишь беспомощно глядеть на нее и ругательски ругать себя за всю эту идиотскую затею. – Вы часто бываете в Скиптоне?

– Два-три раза в год. Мисс Фицгиббон, я полагаю, что должен пожелать вам спокойной ночи. Мне не следует оставаться здесь с вами наедине.

– Но я так и не уловила, зачем вам понадобилось показывать мне эти очки.

– Я надеялся, вы воздействуете на сэра Уильяма, чтобы он попробовал их в поездке.

Она кивнула в знак того, что наконец поняла меня.

– Вы что, торгуете очками?

– Видите ли, мисс Фицгиббон, фирма, которую я представляю, занимается производством...

Я замер на полуслове, поскольку в это самое мгновение до меня донесся звук, явно привлекавший и внимание мисс Фицгиббон. Мы оба услышали, как за дверью скрипнула половица.

Мисс Фицгиббон прижала палец к губам, и мы застыли в мучительном молчании. Но тишину тут же прервал резкий и настойчивый стук в дверь.

3

– Мисс Фицгиббон!

Это была миссис Энсон.

Я в отчаянии уставился на свою новую знакомую.

– Что же нам делать? – прошептал я. – Если меня обнаружат здесь в такой час...

– Тише! Предоставьте это мне.

Снаружи вновь донеслось:

– Мисс Фицгиббон!

Прежде чем ответить, мисс Фицгиббон быстро отошла в дальнюю часть комнаты и встала подле кровати.

– В чем дело, миссис Энсон? – отозвалась она слабым, заспанным голосом.

Последовала короткая пауза, затем:

– Горничная не забыла принести вам грелку?

– Нет, не забыла, благодарю вас. Я уже лежу.

– При непотушенном свете, мисс Фицгиббон?

Молодая женщина кивком показала на дверь и отчаянно замахала на меня руками. Я сообразил, что от меня требуется, и отодвинулся в сторону, чтобы меня не увидели сквозь замочную скважину.

– Я немного почитала перед сном, миссис Энсон. Доброй вам ночи.

За дверью вновь воцарилось молчание, такое напряженное, что хотелось крикнуть, лишь бы оборвать его.

– Мне показалось, я слышала у вас в комнате мужской голос, – решила наконец миссис Энсон.

– Я совершенно одна, – ответила мисс Фицгиббон.

От меня не укрылось, что она вспыхнула, но от смущения или от гнева – сказать не берусь.

– Не думаю, чтобы я обманулась.

– Подождите минутку, – попросила мисс Фицгиббон. Подойдя ко мне на цыпочках, она подняла голову и почти коснулась губами моего уха. – Придется впустить эту ведьму, – прошептала она. – Но я придумала, как нам быть. Пожалуйста, отвернитесь.

– Что?.. – оторопело переспросил я.

– Отвернитесь, сделайте милость... Ну, пожалуйста!

Я уставился на нее в мучительном недоумении, но в конце концов подчинился. На слух я определил, что она отошла к платяному шкафу, а вслед за тем до меня донесся треск кнопок и пуговиц – она расстегивала платье! Я зажмурился и еще прикрыл глаза рукой. Противоестественность положения, в котором я очутился, была просто чудовищной.

Дверца шкафа захлопнулась, и я ощутил прикосновение к своей руке. Открыв глаза, я увидел, что мисс Фицгиббон стоит рядом в полосатой фланелевой ночной рубашке до пят. Она распустила волосы, и они свободно заструились по щекам.

– Заберите это, – шепнула она, сунув мне в руки стаканчики с бренди, – и ждите в ванной.

– Мисс Фицгиббон, я настаиваю на своих подозрениях! – заявила миссис Энсон.

Спотыкаясь, я поплелся к двери ванной. У самой двери я рискнул обернуться и застиг мисс Фицгиббон за тем, что она отбросила с кровати покрывало и старательно мнет подушку и простыни. Потом, схватив мой саквояж, она зашвырнула его под шезлонг. Я вошел в ванную и закрыл за собой дверь. В темноте нащупал спиной притолоку, оперся о нее и попытался унять дрожь в руках.

Мисс Фицгиббон отомкнула наружную дверь.

– Что вам угодно, миссис Энсон?

Хозяйка гостиницы буквально ворвалась в комнату. Нетрудно было представить себе, как она обводит все вокруг подозрительным взглядом, и я, признаться, ждал, что она вот-вот вломится в ванную.

– Мисс Фицгиббон, уже очень поздно. Почему вы еще не спите?

– Я читала. Смею вас заверить, что, не постучись вы ко мне, я бы уже спала.

– Я отчетливо слышала мужской голос.

– Но вы же видите – я одна. Наверное, голос доносился из соседней комнаты.

– Он доносился отсюда.

– Вы что, подслушивали под дверью?

– Разумеется, нет! Просто я проходила по коридору, направляясь к себе.

– Тогда вы легко могли ошибиться. Я тоже слышала голоса.

Тон миссис Энсон внезапно переменялся:

– Дорогая Амелия, я забочусь исключительно о вашем благополучии. Вы не знаете этих коммивояжеров, как знаю их я. Вы молоды и неопытны, и я отвечаю за вашу безопасность.

– Миссис Энсон, мне двадцать два года, и я способна сама позаботиться о своей безопасности. Будьте добры, оставьте меня, я хочу спать.

Тон миссис Энсон опять изменился:

– Откуда мне знать, что вы меня не обманываете?

– Посмотрите вокруг, миссис Энсон! – Мисс Фицгиббон подбежала к двери ванной и рывком распахнула ее. Дверь больно ушибла мне плечо, но одновременно спрятала меня за створкой. – Смотрите внимательнее. Не угодно ли вам обыскать платяной шкаф? Или вы предпочитаете сначала заглянуть под кровать?

– Ну зачем же говорить колкости, мисс Фицгиббон. Мне вполне достаточно вашего слова.

– Тогда будьте добры оставить меня в покое. Я работала весь день и хочу наконец заснуть.

Помолчав немного, миссис Энсон произнесла:

– Ну что ж, Амелия. Спокойной вам ночи.

– Спокойной ночи, миссис Энсон.

Я услышал, как хозяйка вышла из комнаты, спустилась по ступенькам в коридор. Мисс Фицгиббон выждала довольно долгое время, потом закрыла входную дверь. Вошла ко мне в ванную, обессиленно оперлась о притолоку.

– Ушла, – только и сказала она.

4

Мисс Фицгиббон взяла у меня из рук стаканчик и проглотила бренди одним глотком.

– Хотите еще? – тихо спросила она.

– Да, если можно.

Фляга была уже почти пуста, но мы честно поделили то, что там оставалось. В отсветах газа лицо мисс Фицгиббон казалось мертвенно-бледным; подозреваю, что и я выглядел не лучше.

– Я, конечно, сейчас же уйду.

Она покачала головой:

– Вас увидят. Миссис Энсон не посмеет вломиться сюда снова, но уж будьте уверены, что ляжет она не сразу.

– Что же делать?

– Придется повременить с уходом. Думаю, через часок ее терпение истощится.

– Мы ведем себя так, словно в самом деле в чем-то провинились, – заметил я. – Почему мне нельзя выйти прямо сейчас и рассказать миссис Энсон все как было?

– Потому что мы уже прибегли к обману, и к тому же она видела меня в ночной рубашке.

– Ах, да...

– Придется выключить газ, будто я действительно легла спать. Тут есть маленькая керосиновая лампа, как-нибудь обойдемся. – Мисс Фицгиббон показала на складную ширму. – Если вы, мистер Тернбулл, передвинете эту штуку к двери, она заслонит свет и приглушит наши голоса.

– Так я и сделаю.

Мисс Фицгиббон подбросила в камин кусок угля, зажгла керосиновую лампу и выключила газ. Я помог ей переместить кресла поближе к огню, а лампу поставил на каминную полку. И вдруг услышал прямой вопрос:

– Вам не хочется оставаться здесь?

– Я предпочел бы уйти, – ответил я, заикаясь от смущения, – но вы, вероятно, правы. Я вовсе не жажду встречи с миссис Энсон, по крайней мере в настоящий момент.

– Тогда постарайтесь взять себя в руки.

– Мисс Фицгиббон, – сказал я, – мне было бы гораздо проще, если бы вы вновь оделись как полагается.

– Но под этой рубашкой на мне еще и белье.

– Все равно.

Я опять ненадолго отправился в ванную, а когда вернулся, мисс Фицгиббон была уже в платье. Причесываться она, впрочем, не стала, но это мне нравилось – ее лицо, на мой вкус, выигрывало в обрамлении распущенных волос. Когда я снова уселся, она обратилась ко мне:

– Могу я просить вас об одном одолжении, не рискуя шокировать вас окончательно?

– О чем вы?

– Мне будет легче выдержать этот час, если вы перестанете обращаться ко мне столь официально. Меня зовут Амелия.

- Знаю. Миссис Энсон называла вас при мне по имени. Меня зовут Эдуард.
- Вы неисправимый формалист, Эдуард.
- Ничего не могу поделать. Так меня воспитали.

Напряжение спало, и я сразу почувствовал усталость. Судя по тому, как мисс Фицгиббон – простите, Амелия – откинулась в кресле, она устала не меньше моего. Переход на дружескую манеру обращения принес нам обоим облегчение, словно вторжение миссис Энсон упразднило общепринятый этикет. Мы были на волоске от гибели и уцелели, и это нас сблизило.

- Как вы думаете, Амелия, миссис Энсон и впрямь заподозрила, что я здесь?

Моя собеседница взглянула на меня лукаво:

- Заподозрила? Да она прекрасно знала, что вы здесь!

- Значит, я вас скомпрометировал?

- Нет, это я вас скомпрометировала. Представление с переодеванием – моя выдумка.

– Вы очень откровенны, – сказал я. – Право, до сих пор я никогда не встречал таких людей, как вы.

– Ну что ж, Эдуард, хоть вы и чопорны, как индюк, но я тоже, пожалуй, не встречала таких, как вы.

5

Теперь, когда худшее осталось позади, а о последствиях можно было до поры не задумываться, я вдруг понял, что необычность ситуации доставляет мне удовольствие. Наши кресла стояли вплотную друг к другу, в комнате царил уютный полумрак, пламя керосиновой лампы отбрасывало на лицо Амелии мягкие, манящие тени. Все это внушало мне мысли, которые не имели ни малейшего отношения к обстоятельствам, предшествовавшим этой минуте. Рядом со мной сидела женщина, которую отличали редкая красота и присутствие духа, и даже подумать о том, что через какой-то час придется с нею расстаться, было непереносимо.

Сперва разговором завладел я, рассказав Амелии немного о себе. Я поведал ей, в частности, что мои родители эмигрировали в Америку вскоре после того, как я окончил школу, и что с тех пор я живу один и работаю на мистера Вестермена.

– Неужели у вас никогда не возникало желания поехать вслед за родителями? – поинтересовалась Амелия.

– Искушение, конечно, немалое. Они часто шлют мне письма, из которых видно, что Америка – замечательная страна. Но я решил, что сначала надо как следует узнать Англию и что, прежде чем воссоединиться с родителями, мне лучше некоторое время пожить самостоятельной жизнью.

- Ну и как? Удалось вам узнать про Англию что-нибудь новенькое?

– Вряд ли, – ответил я. – Хоть я и живу неделями вне Лондона, но много ли увидишь из гостиниц наподобие этой?

Теперь можно было, не нарушая приличий, осведомиться о родственниках самой Амелии. Она рассказала, что росла без родителей – они утонули в море, когда она была еще совсем маленькой, – и что сэр Уильям был назначен ее опекуном. Отец мисс Фицгиббон был его приятелем еще со школьной скамьи и выразил такую волю в своем завещании.

- Так вы и живете в доме Рейнольдса? – спросил я. – Это не просто служба?

– Мне платят небольшое жалованье, но главное – сэр Уильям отвел мне две комнатки во флигеле.

- Как я хотел бы познакомиться с сэром Уильямом! – пылко воскликнул я.

- Чтобы он мог примерить очки в вашем присутствии? – съязвила Амелия.

- Искренне сожалею, что осмелился обратиться к вам с подобным предложением.

– А я рада, что вы это сделали. Вы, пусть невольно, скрасили мой сегодняшний вечер. Каюсь, я начинала подозревать, что в гостинице просто нет никого, кроме миссис Энсон, – так крепко эта особа вцепилась в меня. Между прочим, я совершенно уверена, что сэр Уильям купит у вас очки, невзирая на то, что уже забросил свой самоходный экипаж.

Я не скрыл удивления.

– Но я слышал, что сэр Уильям – ревностный моторист. Почему же он охладел к своему увлечению?

– Он ученый, Эдуард. Его интересы многообразны, и он постоянно переключается с одного изобретения на другое.

Так мы беседовали довольно долгое время, и чем дальше, тем увереннее я себя чувствовал. С одного предмета мы перескакивали на другой, вспоминая пережитые прежде события и приключения. Очень скоро я выяснил, что Амелия путешествовала много больше меня – ей случалось сопровождать сэра Уильяма в его заморских странствиях. Она рассказывала мне о своей поездке в Нью-Йорк, а также в Дрезден и Лейпциг, и эти рассказы произвели на меня большое впечатление.

Наконец огонь в камине догорел, и мы допили последние капли бренди. Я произнес с сожалением:

– Как вы думаете, Амелия, мне, наверное, пора возвращаться к себе?

Секунду-другую она молчала, потом слегка улыбнулась и, к моему изумлению, мягко положила пальцы на мою руку.

– Только если вы сами решительно хотите уйти.

– Тогда я, пожалуй, задержусь еще на несколько минут.

Едва я произнес эти слова, как пожалел о них. Амелия вела себя более чем по-дружески, но, право, мы уже потолковали обо всем, что нас интересовало, и теперь откладывать свой уход значило потрафлять своего рода безумию, обусловленному ее близостью. Я не представлял себе, сколько времени прошло с тех пор, как миссис Энсон убралась восвояси, – вытащить часы в создавшихся обстоятельствах было бы непростительно, – но чутье подсказывало мне, что гораздо больше часа, на который мы оба согласились. Задерживаться еще было бы неприлично.

Амелия все не торопилась убрать свою руку с моей.

– Мы должны продолжить разговор, Эдуард, – предложила она. – Давайте встретимся в Лондоне как-нибудь вечером. Или вы пригласите меня пообедать. Чтобы можно было говорить, не снижая голоса, сколько захочется.

Я спросил:

– Когда вы думаете возвращаться к себе в Суррей?

– По-видимому, завтра во второй половине дня.

– Я буду весь день в городе. Быть может, позавтракаем вместе? Я знаю маленькую таверну по дороге в Илки...

– Хорошо, Эдуард. С удовольствием.

– А теперь я лучше вернусь к себе. – Я достал из кармана часы и убедился, что с момента вторжения миссис Энсон пролетело целых полтора часа. – Извините, что так долго задерживал вас своей болтовней.

Амелия ничего не ответила, только покачала головой. Я подхватил свой саквояж и сделал шаг к двери. Амелия тоже встала и задула лампу.

– Я помогу вам отодвинуть ширму, – сказала она.

Единственным источником освещения в комнате оставались догорающие угольки в камине. На их фоне четко вырисовывался силуэт Амелии – она подошла ко мне совсем близко. Вдвоем мы оттащили ширму в сторону, и я нажал на дверную ручку. В коридоре все было тихо и спокойно. Тишина казалась такой глубокой, что я вдруг задал себе вопрос: а могла ли

ширма заглушить наши голоса? Не привлек ли наш ночной разговор внимание постояльцев, а не только одной миссис Энсон? Я обернулся.

– Спокойной ночи, мисс Фицгиббон.

Ее пальцы вновь дотронулись до моей руки, и я почувствовал на щеке тепло ее дыхания. На какую-то долю секунды она коснулась меня губами.

– Спокойной ночи, мистер Тернбулл.

Она быстро сжала мне руку, потом отодвинулась и беззвучно затворила дверь.

6

У меня в комнате было холодно, постель остыла, и я никак не мог уснуть. Я проворочался с боку на бок всю ночь, и мысли мои без конца возвращались к вопросам, от которых я просто не мог уйти. Утром, на удивление свежий, несмотря на бессонницу, я первым спустился к завтраку, но, едва я сел на свое обычное место, ко мне приблизился старший официант.

– Миссис Энсон просила кланяться вам, сэр, – заявил он, – и озаботиться этим сразу же после завтрака.

Я вскрыл тонкий коричневый конверт – там лежал счет. Выйдя из столовой, я обнаружил, что мой багаж уже упакован и вынесен в холл. Старший официант принял у меня деньги и проводил к двери. Никто из других постояльцев не видел этой сцены; миссис Энсон также не показывалась на глаза.

Я стоял на пронизывающем утреннем холодке, не в силах прийти в себя от внезапности столь насильственного отъезда. Затем, немного подумав, отнес вещи на станцию и сдал их в багажное отделение. Часа полтора-два, не меньше, я крутился в окрестностях гостиницы, но АМЕЛИИ так и не встретил. В полдень я заглянул в таверну по дороге в Илки, однако новая моя знакомая не появилась и там. С приближением вечера мне оставалось лишь вернуться на станцию и с последним поездом уехать в Лондон.

Глава III. В доме на Ричмонд-Хилл

1

Неделю, следующую за преждевременным возвращением из Скиптона, я провел в деловой поездке в Ноттингем. И проявил такое усердие в работе, что с лихвой наверстал упущенное за предыдущие дни. К вечеру в субботу, к тому моменту, когда я перешагнул порог своей квартирки близ Риджентс-парка, прискорбное происшествие в Скиптоне почти изгладилось из моей памяти. Впрочем, нет, подобное утверждение было бы не вполне точным: невзирая на все последствия, встреча с Амелией представлялась мне очень примечательной. Вероятно, на новое свидание с ней не стоило и надеяться, но мне тем не менее хотелось бы перед ней извиниться.

Только, право же, я мог бы и догадаться, что следующий шаг сделает именно она: в субботу, когда я вернулся к себе, меня поджидало письмо из Ричмонда. Письмо было напечатано на пишущей машине, и в нем меня извещали, что сэр Уильям заинтересовался приспособлением для езды на автомобиле, которое я демонстрировал, и выразил желание увидеться со мной. А посему меня приглашали на воскресенье 21 мая – в этот день сэр Уильям будет рад побеседовать со мной за послеобеденным чаем. Письмо было подписано: «А. Фицгиббон».

Ниже официального послания Амелия добавила от руки:

«Сэр Уильям обычно проводит большую часть дня у себя в лаборатории. Не хотите ли приехать немного пораньше, часа в два пополудни? Погода заметно улучшилась, и я думаю, что мы с вами могли бы покататься на велосипедах по Ричмонд-парку. Амелия».

Я не заставил себя долго просить. Честно говоря, уже через пять минут я написал, что принимаю приглашение, а через час опустил ответ в почтовый ящик. Послеобеденный чай – что может быть лучше!

2

В назначенный день, сойдя с поезда на станции Ричмонд, я не спеша шагал по улицам городка. Лавки, как правило, были закрыты, но движение было оживленное – по большей части фаэтоны и ландо, в которых целыми семьями восседали лондонцы, выехавшие на воскресную прогулку, – а тротуары запружены пешеходами. Я шествовал рядом с ними, чувствуя себя подтянутым и элегантным в новом костюме, купленном накануне. Ради столь необычного случая я даже позволил себе сумасбродство – купил жесткую соломенную шляпу и, поддавшись легкомысленному настроению, лихо заломил ее набок. Единственное, что напоминало сейчас о моей повседневной жизни, был саквояж в руке, но я вытряхнул оттуда все содержимое, за исключением трех пар очков. Непривычная легкость саквояжа также подчеркивала особый характер предстоящего визита.

Разумеется, я приехал слишком рано – ведь из дому я вышел сразу после завтрака. Я настолько боялся опоздать, что поневоле впал в ошибку, когда рассчитывал, сколько времени мне понадобится на дорогу. Я с удовольствием прогулялся пешком до вокзала Ватерлоо, путешествие на поезде заняло всего-навсего минут двадцать, и вот я у цели, а вокруг свежий воздух и тепло ласкового майского утра.

В центре городка я миновал церковь как раз в ту минуту, когда закончилась служба и паства выбиралась из-под сводов на солнечный свет – джентльмены, бесстрастно спесивые в своих парадных сюртуках, и дамы, оживленные, в ярких платьях, с разноцветными зонтиками. Я отправился дальше, достиг Ричмондского моста и перешел Темзу, поглядывая вниз на лодки, плывущие на веслах меж лесистых берегов.

Все это составляло резкий контраст с лондонской суетой и гарью; как ни привлекала меня жизнь в столице, а только нескончаемая людская толчея, грохот движения и нездоровая серая пелена промышленных дымов помимо воли давили на психику. Приятно было найти такое славное местечко, и совсем недалеко от Лондона, где сохранились красота и изящество – качества, которых, как мне частенько казалось, уже нет в природе.

Я еще погулял по одной из прибрежных тропинок, а потом двинулся обратно в Ричмонд. Отыскал ресторанчик, открытый по воскресеньям, и основательно подкрепился. Покончив с едой, я возвратился на станцию, чтобы исправить свою оплошность: я забыл выяснить расписание вечерних поездов на Лондон.

Наконец пришла пора отправиться по указанному в письме адресу, и я вновь прошел через городок, следуя тем же маршрутом, пока не добрался до улицы, ведущей вниз к Ричмондскому мосту. Здесь налево ответвлялась боковая улочка, которая карабкалась на холм Ричмонд-Хилл. Вся левая сторона улочки была застроена; поначалу, у подножия холма, дома располагались ярусами друг над другом, и я заметил одну-две лавчонки. На верхнем ярусе находилась пивная – насколько мне помнится, «Королева Виктория», – а дальше характер и стиль построек разительно изменялись. Как правило, они стояли поодаль от улицы, почти невидимые за густыми деревьями. Еще больше деревьев росло справа – там был уже самый настоящий парк, а поднявшись выше, я увидел Темзу, изящной дугой прорезающую луга Твикенхэма. Место было очень красивое, почти идиллическое.

Близ вершины холма улочка превратилась в неровную проселочную дорогу, ведущую к воротам, за которыми начинался Ричмонд-парк как таковой. Тротуара не осталось и в помине, и вскоре передо мной открылась совсем узенькая тропка, тянущаяся вверх по склону. Я двинулся по этой тропке и вышел к поставленным по обе стороны каменным столбам с высеченной на них надписью: «Дом Рейнольдса». Значит, я благополучно прибыл по нужному адресу.

К дому вела недлинная, но круто изогнутая дорожка, и самой усадьбы от въезда было не разглядеть. Я зашагал по дорожке, слегка удивленный тем, что деревьям и кустам разрешают здесь расти неподстриженными. Кое-где они образовали такие заросли, что дорожка по ширине едва-едва могла пропустить экипаж.

Еще мгновение – и я увидел дом и был, признаюсь, поражен его размерами. Центральная часть здания была, по моей невежественной оценке, возведена лет сто назад, однако по краям к ней были пристроены два просторных, много более современных флигеля, а образованный ими двор частично перекрывала крыша из застекленных деревянных рам наподобие оранжерей.

В непосредственной близости к дому кустарник был вырублен, и к одному из флигелей примыкала ухоженная лужайка – судя по всему, она охватывала здание полукольцом, выбегая к заднему фасаду.

Оранжерейная пристройка почти заслонила главный вход – с первого взгляда я его даже не заметил. Вокруг, казалось, не было ни души – в доме и в саду царил тишина, и в окнах не замечалось никакого движения. Но когда я проходил мимо окон флигеля, послышался резкий лязг металла по металлу, сопровождаемый вспышкой желтого света. На мгновение мне пригляделся силуэт мужчины – тот склонился над чем-то, окруженный облаком искр. Затем лязг прекратился, и за окнами все вновь померкло.

Я нажал кнопку электрического звонка, прикрепленную у двери, и через несколько секунд мне открыла полная женщина средних лет в черном платье с белым передником. Я сдернул с головы шляпу.

– Мне хотелось бы видеть мисс Фицгиббон, – произнес я, переступая порог. – Я полагаю, что меня ждут.

– У вас есть визитная карточка, сэр?

Я чуть было не вытащил свою карточку коммивояжера, какими нас снабжал мистер Вестермен, однако вовремя спохватился, что мой визит носит скорее частный характер.

– Нет, просто назовите мое имя – Эдуард Тернбулл.

– Не угодно ли обождать?

Горничная проводила меня в приемную и вышла, прикрыв дверь.

Наверное, я поднимался на холм чересчур резво, потому что вдруг почувствовал, что мне жарко, кровь прилила к щекам, а на лбу выступил пот. Со всей возможной быстротой я промокнул лицо платком, затем, чтобы успокоиться, обвел комнату взглядом в надежде, что представленная здесь мебель поведаст мне о вкусах сэра Уильяма. В действительности приемная оказалась обставленной аскетично, почти голой. Маленький восьмиугольный столик перед камином, а подле него два выгоревших кресла – вот и все, что здесь было, если не считать портьер и потертого ковра.

Служанка вернулась.

– Прошу вас пройти за мной, мистер Тернбулл, – предложила она. – Свой саквояж можете оставить в прихожей.

Я проследовал за ней по коридору, потом мы свернули влево и очутились в уютной гостиной. Застекленная дверь вела из гостиной в сад. Горничная показала мне, чтобы я шел этим путем, и наконец я увидел Амелию: она сидела под яблонями на лужайке, за железным, выкрашенным в белую краску столиком.

– Мистер Тернбулл, мисс, – возвестила служанка из-за моего плеча, и Амелия отложила книгу, которую перед тем читала.

– Эдуард! – приветствовала она меня. – Вы приехали раньше, чем я думала. Это чудесно! Для велосипедной прогулки день – лучше не придумаешь...

Я сел за столик напротив нее. Служанка все еще стояла у открытой двери в гостиную.

– Миссис Уотчет, не принесете ли вы нам лимонаду? – обратилась к ней Амелия. И ко мне: – После подъема к нам на холм вы, верно, умираете от жажды. Выпьем по бокалу лимонада и тогда отправимся...

Я был в восхищении от того, что снова вижу ее, она оказалась еще милее, чем образ, запечатлевшийся в моей памяти. Ее белая блузка и темно-синяя шелковая юбка составляли прелестное сочетание, а на голове у нее был капор, украшенный цветами. Длинные каштановые волосы, тщательно расчесанные и сколотые с боков, ровной волной падали на спину. Она сидела лицом к солнцу, и, когда ветви яблонь покачивались на легком ветру, их тени, чудилось, ласкали ей кожу. Ко мне она была обращена в профиль, но ее привлекательность от этого не страдала, не в последнюю очередь благодаря прическе, изящно оттеняющей черты лица. Я любовался грацией, с какой она сидела, нежностью ее кожи, теплотой глаз.

– Я не взял с собой велосипеда, – признался я. – Просто не был уверен...

– У нас их хоть отбавляй. Возьмете один из наших. Знаете, Эдуард, я очень рада, что вы сумели приехать сюда. Мне надо о многом вам рассказать.

– Очень сожалею, что навлек на вас неприятности, – произнес я, желая как можно быстрее снять с души мучившую меня тяжесть. – Миссис Энсон ни на секунду не усомнилась, что в вашей комнате прятался именно я.

– Я поняла, что вам показали на дверь.

– Сразу же после завтрака, – подтвердил я. – Сама миссис Энсон не удостоила меня...

В этот момент на сцене вновь появилась миссис Уотчет с подносом, на котором позвякивали стеклянный кувшин и два высоких бокала, и я предпочел оставить фразу недоконченной. Пока служанка разливала лимонад, Амелия указала мне на какой-то диковинный южноаме-

риканский кустик, росший в саду (сэр Уильям привез упомянутый кустик из своих заморских странствий), и я выразил к этому предмету живейший интерес. Когда мы вновь остались вдвоем, Амелия предложила:

– Продолжим разговор на лоне природы. Надо полагать, миссис Уотчет, услышь она о нашем ночном приключении, была бы шокирована ничуть не меньше миссис Энсон.

В том, как она употребила местоимение «наше», мне почудилось что-то особенное, и я ощутил приятную и не столь уж невинную внутреннюю дрожь.

Лимонад был восхитительный – ледяной, с острой кислинкой, щекочущей нёбо. Я опорожнил свой бокал с неподобающей быстротой.

– Расскажите мне хоть немного о новых работах сэра Уильяма, – попросил я. – Вы упоминали, что он утратил интерес к экипажам без лошадей. Чем же он увлекается в настоящее время?

– Если вы собираетесь встретиться с сэром Уильямом, то, быть может, спросите его об этом сами? Но ни для кого уже не секрет, что он построил летательный аппарат тяжелее воздуха.

Я устался на нее, не веря собственным ушам.

– Вы шутите! Такой аппарат не может летать!

– Летают же птицы – а они тяжелее воздуха.

– Да, но у них есть крылья.

Она смерила меня долгим задумчивым взглядом.

– Можете полюбоваться на него сами, Эдуард. Аппарат за теми деревьями.

– В таком случае, – воскликнул я, – мне не терпится увидеть это немыслимое изобретение!

Мы оставили бокалы на столе, и Амелия повела меня через лужайку к окаймляющим ее деревьям. Миновав их, мы двинулись дальше в направлении Ричмонд-парка, который кое-где подступал вплотную к приусадебным лужайкам, и вскоре вышли на площадку – выровненную и утрамбованную, да еще залитую каким-то твердым покрытием. На площадке стоял летательный аппарат.

Он был внушительнее, чем я мог себе вообразить, – в своей наиболее широкой части он достигал, наверное, двадцати футов. Конструкция явно осталась незавершенной: голая рама из деревянных стоек и ни малейших признаков водительского сиденья. С обеих сторон корпуса свешивались длинные крылья, концы которых доставали до земли. В целом аппарат походил, пожалуй, на сидящую стрекозу, хотя до грациозности этого насекомого ему было очень и очень далеко.

Мы подошли к механической стрекозе вплотную, и я пробежал пальцами по поверхности ближнего крыла. Ткань, на ощупь напоминающая шелк, была, по-видимому, натянута на деревянные рейки, причем натянута настолько туго, что издавала под пальцами гулкий звук.

– Как же он действует? – поинтересовался я.

Амелия перешла от крыла к корпусу аппарата.

– Мотор крепится вот здесь, – ответила она, указывая на четыре стойки, более массивные, нежели все остальные. – А эта система блоков несет канаты, поднимающие и опускающие крылья.

Действительно, крылья были закреплены на шарнирах, позволяющих им перемещаться вверх и вниз, и, приподняв одно крыло за кончик, я убедился, что движется оно плавно и мощно.

– Почему же сэр Уильям не продолжил работу? – воскликнул я. – Полет, наверное, рождает удивительные ощущения!

– Он разочаровался в своем замысле, – сказала Амелия. – Конструкция перестала его удовлетворять. Однажды вечером он признался мне, что собирается пересмотреть всю тео-

рию полета, поскольку этот аппарат лишь подражает – и то без особого успеха – движениям птицы. Сэр Уильям пришел к выводу, что идею необходимо пересмотреть. К тому же поршневым мотор, который был установлен, слишком тяжел для полета и не обладает достаточной силой.

– Человек, наделенный такими талантами, как сэр Уильям, без труда мог бы усовершенствовать мотор, – заметил я.

– Именно это он и сделал. Взгляните сами.

Амелия обратила мое внимание на странное устройство, закрепленное в глубине корпуса. На первый взгляд оно казалось изготовленным из меди и слоновой кости, но были там и какие-то хрустальные поверхности, которые почему-то не удавалось толком рассмотреть: составные части устройства скрывались за их мерцающими, многогранными контурами.

– Что это? – спросил я, весьма заинтригованный.

– Прибор, изобретенный сэром Уильямом. В нем заключено вещество, увеличивающее мощность мотора, и нешуточным образом. Но я уже говорила вам, что сэр Уильям не был удовлетворен конструкцией в целом и забросил свой аппарат.

– А куда девался мотор?

– Сэр Уильям забрал его в дом и использует, чтобы снабжать лабораторию электрическим током.

Я наклонился пониже, силясь разобраться, что это за хрустальные поверхности, но даже с близкого расстояния мне не удавалось установить, как они сделаны. Летательный аппарат не оправдал моих ожиданий; если бы он поднялся в воздух, это было бы, надо думать, потешное зрелище. Выпрямившись, я увидел, что Амелия отступила на шаг.

– Скажите, – обратился я к ней, – вам случалось помогать сэру Уильяму в лаборатории?

– Да, когда он просил меня об этом.

– Значит, вы его доверенное лицо?

– Если вас заботит, способна ли я уговорить его купить ваши очки, то полагаю, что да.

Я ничего не ответил: злосчастная история с очками совершенно выскочила у меня из головы.

Мы медленно двинулись обратно в сторону дома, вышли на лужайку, и только тогда Амелия смиростивилась:

– Теперь, быть может, отправимся на велосипедную прогулку?

– С радостью.

Мы вернулись в дом, и Амелия вызвала миссис Уотчет. Достойной женщине было сказано, что мы сейчас выйдем из дому, но чай тем не менее следует сервировать как обычно, в четыре тридцать. Затем мы отправились к навесу, под которым хранились велосипеды, выбрали себе по машине и вывели их, придерживая за руль, через сад к границе Ричмонд-парка.

3

Мы устроились в тени деревьев, нависающих над берегом живописного пруда, и Амелия наконец поведала мне, что произошло с ней наутро после нашего разговора.

– На завтрак меня не позвали, – рассказывала она, – а я очень устала и проспала. В половине девятого меня разбудила сама миссис Энсон, которая принесла мне завтрак в постель. Затем, как нетрудно догадаться, я удостоилась чести выслушать лекцию о воззрениях миссис Энсон на вопросы морали. Лекция, как водится у этой дамы, была весьма продолжительной.

– Она была разгневана? И вы не пытались ей ничего объяснить?

– Нет, она не была разгневана или по крайней мере сдерживала свой гнев. Но объяснять что бы то ни было просто не имело смысла. Миссис Энсон тут же картинно поджимала губы.

Она твердо знала, что произошло, пришла на этот счет к совершенно определенному выводу, и мне сперва казалось, что, сделай я хотя бы робкую попытку поколебать этот вывод, опровергнуть вынесенный заранее приговор, она умрет от негодования. Потому я сидела и покорно выслушивала ее наставления. Вкратце они сводились к тому, что я образованная и воспитанная юная леди и «жить в распушенности», как выразилась миссис Энсон, мне отнюдь не подобает. Однако в известной мере эти проповеди были и вправду поучительны. Я вдруг осознала, что, бичуя других за их воображаемые проступки, хозяйка в то же время сгорает от страстного, неукротимого любопытства. Невзирая на весь свой напускной гнев, миссис Энсон втайне надеялась разузнать, что же случилось на самом деле.

– Полагаю, ее любопытство осталось неудовлетворенным? – осведомился я.

– Почему же? – улыбнулась Амелия, подобрав с земли веточку и обрывая с нее листок за листком, пока не оголился гибкий ярко-зеленый пруттик. – Я сообщила ей кое-какие красочные подробности.

Я невольно рассмеялся – сам не знаю, нервно или смущенно, – однако храбро спросил:

– А вы не могли бы поделиться со мной хотя бы некоторыми из них?

– Пощадите мою скромность, благородный сэр! – вскричала Амелия, нарочито хлопая ресницами, и тут же, не выдержав, расхохоталась. – Удовлетворив свое любопытство и напроочив мне, что я покачусь по наклонной плоскости, миссис Энсон поспешила из моей комнаты прочь. Тут и сказке конец. Я съехала из гостиницы так быстро, как только смогла. Но миссис Энсон все-таки задержала меня, я опоздала на завод, где должна была побывать в тот день, и не успела освободиться к завтраку, о котором мы с вами договорились. Искренне сожалею.

– Не стоит извинений, – ответил я, почему-то очень довольный собой, хотя скандальная репутация, которую я приобрел в Скиптоне, была совершенно незаслуженной.

Мы сидели рядом под огромным деревом, прислонив велосипеды к дереву по соседству. В нескольких ярдах от нас два мальчугана в матросских костюмчиках спускали на воду игрушечную яхту. С ними была няня, следившая за их затеей без тени интереса в глазах.

– Поедем дальше, – сказал я. – Мне хотелось бы лучше познакомиться с парком.

Вскочив с земли, я протянул руки, чтобы помочь Амелии подняться. Мы подбежали к нашим велосипедам и, оседлав их, повернули против ветра, двигаясь, пожалуй, в направлении Кингстона-на-Темзе. Сначала мы ехали довольно лениво, но вдруг, как раз когда впереди наметился небольшой подъем, Амелия бросила вызов:

– Давайте наперегонки!

Я нажал на педали, однако подъем в сочетании со встречным ветром не позволял разогнаться. Амелия держалась впереди.

– Ну, что же вы, пошевеливайтесь! – весело крикнула она и вырвалась еще немного дальше.

Я еще прибавил скорость и ухитрился сравняться с ней, но она тут же снова ушла вперед. Я приподнялся в седле, напряг все силы, пытаясь нагнать ее, но, как ни пыжился, между нами сохранялась дистанция в три-четыре ярда. Внезапно, словно бы устав играть со мной, Амелия стремительно оторвалась от преследования и, пренебрегая риском, подпрыгивая на неровностях тропинки, в мгновение ока взлетела вверх по склону. Я понял, что мне нипочем за ней не угнаться, и сразу отказался от неравной борьбы. Просто следил, как она удаляется от меня, – и вдруг с ужасом осознал, что она спокойно сидит в седле и, насколько можно было судить, катится вверх по инерции!

Ошеломленный, я наблюдал, как ее велосипед перевалил гребень холма со скоростью двадцать миль в час или даже более и исчез из виду.

Я продолжал крутить педали, поневоле впадая в раздражение – гордость моя была уязвлена. Вскарабкавшись на гребень, я вновь увидел Амелию в десятке ярдов от себя. Она слезла с велосипеда и бросила его рядом на траву; переднее колесо еще вращалось. Сама она сидела

поблизости и смеялась: по-видимому, ее забавляло мое лицо, разгоряченное, взмокшее от пота.

Я швырнул свой велосипед неподалеку и присел на траву в самом дурном расположении духа, какое мне доводилось испытывать когда-либо в ее присутствии.

– Вы мошенничали, – упрекнул я ее.

– А кто вам мешал? – парировала она, все еще смеясь.

Я отер лицо платком.

– Вы не состязались со мной, а намеренно унижали меня.

– Ну, Эдуард! Не принимайте этого так близко к сердцу. Просто я хотела кое-что вам показать.

– Что именно? – осведомился я кислым тоном.

– Мой велосипед. Вы ничего не заметили?

– Нет, не заметил.

Я никак не желал смягчиться.

– Взгляните на переднее колесо.

– Оно все еще крутится.

– Попробуйте остановить его.

Дотянувшись до пневматической шины, я ухватился за нее, но тут же отдернул руку, обожженную трением. А колесо вращалось как ни в чем не бывало.

– Что за наваждение?! – изумился я, разом забыв про свое дурное настроение.

– Одно из изобретений сэра Уильяма. Такое же установлено и на вашем велосипеде.

– Но как оно действует? Вы катились по инерции вверх по склону. Это противоречит всем законам физики.

– Позвольте, я покажу вам, в чем дело.

Она подошла к своему велосипеду и взялась за руль. Сжала правую ручку каким-то определенным образом, и необъяснимое вращение сразу же прекратилось. Приподняв велосипед, она поставила его на колеса.

– Вот здесь, внизу. – Достаточно было понять, куда смотреть, чтобы я заметил между правой ручкой и тормозным рычагом крошечную полоску слюды. – Передвиньте ее пальцами, вот так – и, пожалуйста...

Велосипед сам собой покатился вперед, но Амелия оторвала переднее колесо от земли, и оно принялось вращаться в воздухе.

– Если захотите остановиться, сдвиньте полоску на прежнее место, и велосипед снова станет самым обыкновенным...

– И моя машина оборудована таким же образом?

– Совершенно верно.

– Так что же вы мне сразу не сказали? Это сэкономило бы нам уйму сил!..

Амелия опять не удержалась от смеха, глядя, как торопливо я поднял свой велосипед. И действительно, под правой ручкой был точно такой же кусочек слюды.

– Мне не терпится самому опробовать это чудо! – воскликнул я и вскочил в седло.

Едва обретя равновесие, я нажал на полоску слюды, и велосипед покатился быстрее.

– Получается, получается!.. – еще успел выкрикнуть я, взмахнув от восторга руками, и тут переднее колесо наехало на пучок травы, и я оказался на земле.

Амелия подбежала ко мне и помогла мне подняться.

Мой норовистый велосипед валялся в пяти ярдах от меня, а переднее колесо продолжало весело вращаться.

– Что за волшебное изобретение! – Я был полон воодушевления, невзирая на аварию. – Вот теперь мы с вами посоревнуемся всласть!

– Хорошо, – согласилась Амелия. – Но сначала вернемся к прудам.

Я подхватил упавший велосипед, она побежала к своему. Мгновение – и вот уже мы оба оседлали машины и увлеченно покатали обратно на гребень холма. На этот раз состязание было много более равным; когда, перевалив гребень и держа курс к прудам, мы выбрались на пологий уклон, то шли буквально колесо в колесо. Ветер бил мне в лицо, и минуты две спустя я почувствовал, что потерял шляпу. Капор Амелии тоже слетел у нее с головы, но ленты завязок удерживали его за спиной.

Достигнув пруда, мы промчались мимо няни с двумя мальчуганами, которые проводили нас удивленным взглядом. Заливаясь смехом, мы описали круг по берегу большего из двух прудов, потом оттянули полоски слюды и вернулись под деревья с умеренной скоростью. Когда мы слезли с седел, я не удержался от вопроса:

– Что же это все-таки за устройство, Амелия? Как оно действует?

Я слегка задышался, хотя физическая энергия, которую я затратил, была, в сущности, ничтожной.

– Посмотрите, – ответила моя спутница. Легким круговым движением она сняла литую резиновую ручку, оголив железную трубчатую основу. Повернула руль под таким углом, чтобы я мог заглянуть внутрь трубки... и там, словно в гнезде, было запрятано вещество, похожее на хрусталь, – то самое, какое я впервые увидел в глубине летательного аппарата.

– Внутри рамы скрыт провод, – пояснила Амелия, – соединяющий руль с колесом. Втулка колеса наполнена таким же веществом.

– Но что это за вещество? – настаивал я. – Из чего оно состоит?

– Этого я не знаю. Вернее, знаю некоторые его составляющие, поскольку заказывала их для сэра Уильяма, но понятия не имею, как надо их соединить, чтобы добиться желаемого эффекта...

Она добавила, что усовершенствованный велосипед был построен сэром Уильямом несколько лет назад, когда катание на велосипедах вошло в моду. Он ставил себе целью помочь пожилым и физически слабым людям подниматься на велосипеде в гору.

– Вы отдаете себе отчет, что одно это изобретение могло бы принести ему целое состояние?

– Сэр Уильям не стремится к богатству.

– Пусть так, но подумайте о благе общества! Машина, подобная этой, могла бы произвести переворот в промышленности, изготавливающей средства передвижения!

Амелия покачала головой:

– Вы не знаете сэра Уильяма. Уверена, что он взвешивал, не взять ли на свое изобретение патент, но предпочел оставить мир в неведении. Катание на велосипедах – это спорт, а следовательно, удел молодежи. Велосипеды существуют ради физических упражнений на вольном воздухе. А вы сами убедились: чтобы ездить на таком велосипеде, не нужно тратить вообще никаких усилий.

– Да, но подобному изобретению могут найтись и другие применения!

– Несомненно. Потому-то я и сказала, что вы не знаете сэра Уильяма, да и нелепо было бы этого ожидать. Он человек неумной интеллектуальной энергии. Как только одна задача решена, он немедленно переключается на другую. Усовершенствованный велосипед предшествовал экипажу без лошадей, а тому на смену пришел летательный аппарат.

– А сейчас, – поинтересовался я, – он забросил летательный аппарат ради какой-то новой идеи?

– Совершенно верно.

– Смею ли я спросить вас, ради какой?

– Вы сегодня встретитесь с сэром Уильямом лично, – ответила Амелия. – Быть может, он сам расскажет вам о ней.

Я обдумал это предложение.

– Но вы жаловались, что иной раз он бывает крайне необщителен. Что, если он не захочет ничего рассказывать?

Мы снова сидели рядышком под тем же деревом, что и прежде.

– Тогда, – отозвалась Амелия, – вы, Эдуард, попросите меня об этом еще раз.

Глава IV. Сэр Уильям излагает свою теорию

1

Время шло, и вскоре Амелия объявила, что пора возвращаться.

– Устроим новые гонки или поедem на педалях, по старинке? – спросил я, хотя, признаюсь, мне не хотелось ни того, ни другого: хотелось оставить все, как есть, сидеть и сидеть вдвоем под деревьями.

Было по-прежнему солнечно, по парку плыла приятная, мягкая, ненавязчивая жара.

– Поедем по старинке, – твердо решила она. – Катиться по инерции – невелика польза.

– Тогда не будем торопиться, – предложил я. – Мы еще повторим такую прогулку, Амелия? То есть я хотел сказать, покатаемся на велосипедах еще раз, в следующую субботу или воскресенье?

– Из этого может ничего не получиться, – ответила она. – Иногда по воскресеньям я бываю занята, а время от времени мне приходится уезжать.

При мысли о том, что она путешествует вместе с сэром Уильямом, я ощутил укол беспричинной ревности.

– Но если вы будете здесь, в Ричмонде, мы покатаемся снова?

– Если вам захочется пригласить меня.

– Я вас приглашаю.

Оседлав свои машины заново, мы первым делом доехали обратно по тому маршруту, какой избрали для гонки, и отыскиали мою потерянную шляпу. С ней ничего не случилось, и я водрузил ее на голову, но, чтобы ветер опять не сдул ее, надвинул пониже на глаза.

Обратный путь проходил без происшествий и по большей части в молчании. Наконец-то я догадался об истинной причине своего приезда в Ричмонд; я стремился сюда вовсе не за тем, чтобы встретиться с сэром Уильямом. Да, разумеется, я по-прежнему преклонялся перед его именем, но с какой радостью я променял бы предстоящую беседу на возможность провести еще час-другой и тем более весь вечер в парке с Амелией!

Мы вернулись в сад через маленькую калитку неподалеку от заброшенного сэром Уильямом летательного аппарата и отвели велосипеды на их постоянное место, под навес.

– Я пойду переоденусь, – сказала Амелия.

– Зачем? Вы и так восхитительно выглядите, – возразил я.

– А вы? Уж не собираетесь ли вы беседовать с сэром Уильямом в костюме, присыпанном травкой?

Она протянула руку и сняла травинку, которая каким-то образом забилась мне под воротник.

В дом мы вошли, как и вышли, через застекленную дверь гостиной. Амелия нажала на кнопку звонка, и в ответ на вызов явился слуга.

– Хиллиер, это мистер Тернбулл. Он зван на чай, а затем останется и на обед. Помогите ему привести себя в порядок.

– Охотно, мисс Фицгиббон. – Слуга повернулся ко мне: – Не угодно ли пожаловать сюда, сэр?

Он обозначил жестом, чтобы я следовал за ним, и направился в сторону коридора. Амелия окликнула его:

– И еще, Хиллиер. Передайте, пожалуйста, миссис Уотчет, что мы будем готовы через десять минут и просим сервировать чай в курительной.

– Слушаюсь, мисс.

Хиллиер поднялся на второй этаж и показал мне скромную ванную, где меня поджидали мыло и полотенца. Пока я умывался, он взял у меня сюртук и хорошенько прошелся по нему щеткой.

Чтобы попасть в курительную, пришлось снова спуститься вниз. Это была небольшая комната, обжитая, уютно обставленная. Амелия уже ждала меня; наверное, моя реплика насчет ее наружности все-таки польстила ей, – переодеваться она не стала, а лишь надела поверх блузки крошечный жакетик.

Посуда была расставлена на восьмиугольном столике, и мы уселись в ожидании сэра Уильяма. Судя по часам на каминной полке, наступила половина пятого, потом миновало еще несколько минут, и Амелия позвала миссис Уотчет.

– Вы звонили к чаю?

– Да, мисс, но сэр Уильям еще в лаборатории.

– Тогда, быть может, вы напомните ему, что у нас сегодня гость?

Миссис Уотчет отправилась выполнять поручение, но не прошло и двух секунд, как дверь в дальнем углу комнаты отворилась и к нам поспешил присоединиться высокий, крепко сложенный мужчина. На нем были рубашка и жилет, сюртук он перебросил через руку. Рукава рубашки были закатаны, и теперь он пытался опустить их. Это, впрочем, не помешало ему бросить взгляд в моем направлении, и я немедленно встал.

– Чай готов? – обратился он к Амелии. – А я почти все закончил!

– Сэр Уильям, помните, я говорила вам относительно Эдуарда Тернбулла?

Он удостоил меня еще одним взглядом.

– Тернбулл? Рад вас видеть! – И с нетерпеливым жестом добавил: – Садитесь, садитесь! Амелия, помогите мне справиться с манжетами...

Он вытянул руку, а она расправила манжет и застегнула запонку. Как только она совладала с этой задачей, он раскатал другой рукав и предоставил в распоряжение Амелии второй манжет. Потом надел сюртук и подошел к камину. Выбрал себе трубку и наполнил ее табаком из коробки, стоящей на полке.

Я ждал, сдерживая волнение; может статься, тот факт, что сэр Уильям накануне завершения большой работы, означает, что я выбрал не самое подходящее время для визита?

– Нравится ли вам этот стул, Тернбулл? – внезапно спросил он, не оборачиваясь.

– Откиньтесь на спинку, – подсказала Амелия. – Да садитесь не на краешек, а как следует...

Я послушался – и мне вдруг почудилось, что спинка и сиденье изменили форму, чтобы точнее соответствовать каждой линии моего тела. Чем глубже я откидывался назад, тем удобнее прогибалась спинка.

– Моя собственная конструкция, – пояснил сэр Уильям, поворачиваясь наконец к нам и поднося к трубке зажженную спичку. Затем, казалось бы, без всякой связи с предыдущим, спросил: – Какова ваша узкая специальность?

– Моя узкая... что?..

– Какая область науки привлекает вас больше всего? Вы ведь ученый, не так ли?

– Сэр Уильям, – вмешалась Амелия, – если помните, я рассказывала вам, что мистер Тернбулл увлекается автомобилями.

Только тут я вспомнил, что мой саквояж так и остался там, где я бросил его, – в прихожей.

Сэр Уильям взглянул на меня еще раз.

– Автомобилями? Гм... Неплохое увлечение для молодого человека. Но, боюсь, мой интерес к ним был преходящим. Свой экипаж я разобрал на составные части, потому что они могут пригодиться мне в лаборатории...

– Автомобили все более входят в моду, – сказал я. – Так или иначе, в Америке...

– Да, да, но я ученый, Тернбулл. Автомобили – это лишь одна узкая борозда в необозримом поле новых открытий. Мы на рубеже двадцатого века, и этому веку суждено стать веком науки. Горизонты научной мысли поистине необъятны...

Сэр Уильям обращался, казалось, вовсе не ко мне, он смотрел куда-то в даль, поверх моей головы, вертя в пальцах потухшую спичку.

– Согласен с вами, сэр, – произнес я, – вы затронули тему, привлекающую всеобщее внимание...

– Да, но весьма немногие делают из нее правильные выводы. Обычно считают, что наука усовершенствует все, что у нас сегодня есть. Говорят, например, что железнодорожные поезда пойдут быстрее, а пароходы станут вместительнее. Я же полагаю, что и поезда и пароходы отойдут в область предания. К концу двадцатого века, Тернбулл, человек будет путешествовать по планетам Солнечной системы так же свободно, как сегодня по улицам Лондона. Мы познакомимся с людьми, населяющими Марс и Венеру, не хуже, чем сегодня знакомы с немцами и французами. Смею вас даже заверить, что мы не ограничимся планетами, а отправимся еще дальше, к звездам Вселенной!..

В эту минуту в комнате появилась миссис Уотчет. В руках у нее был серебряный поднос, на котором разместились чайник, кувшинчик с молоком и сахарница. Что до меня, я воспринял это вторжение с известным облегчением: ошеломляющие идеи сэра Уильяма и его взвинченная, нервная манера держаться создавали сочетание почти непереносимое. И он, похоже, тоже был рад, что его прервали; пока служанка, поставив поднос на стол, разливала чай, сэр Уильям отступил назад и, опершись на камин, принялся заново раскуривать трубку. Только теперь мне наконец представилась возможность рассмотреть его хорошенько, рассмотреть самого человека, а не его причуды.

Он был, как я уже упоминал, высок и плечист, но по-настоящему поражала в нем голова. Высокий и широкий лоб, бледное лицо, серые глаза. Над висками волосы слегка поредели, но на затылке были густыми и взъерошенными, что еще более увеличивало размер головы, и к тому же он носил кустистую бороду, которая подчеркивала белизну кожи.

Признаюсь, я пожалел, что не застал его в более спокойном состоянии: за какие-то пять минут, проведенные в комнате, он разрушил без следа те приятные чувства, которые внушило мне общество Амелии, и я опять стал нервничать – не меньше, чем он.

Потом меня внезапно осенило, что он, быть может, просто не умеет беседовать с незнакомыми людьми, что ему гораздо привычнее часами работать наедине с собой. В то же время моя профессия предусматривала множество новых знакомств, требовала от меня умения сходиться с людьми, и, как это ни парадоксально, я вдруг понял, что должен взять инициативу на себя. Как только миссис Уотчет вышла из комнаты, я произнес:

– Вы сказали, сэр, что почти закончили свою работу. Надеюсь, я вам не помешал?..

Искренность моего вопроса возымела желаемое впечатление. Он шагнул к одному из свободных стульев и сел, и его голос, когда он ответил мне, звучал несравнимо спокойнее.

– Вы тут безусловно ни при чем. Если захочу, продолжу после чая. И в любом случае передышка была мне совершенно необходима.

– Могу я осведомиться о характере вашей новой работы?

Сэр Уильям глянул мельком на Амелию, но та хранила на лице непроницаемое выражение.

– Мисс Фицгиббон не рассказывала вам о том, чем я занят в настоящее время?

– Немного рассказывала, сэр. Например, я видел построенный вами летательный аппарат. К моему удивлению, он расхохотался.

– Уж не считаете ли вы меня безумцем, Тернбулл? Зачем мне ввязываться в столь безнадежное предприятие? Мои ученые коллеги в один голос уверяют, что аппараты тяжелее воздуха летать не могут. А вы думаете иначе?

– Идея нова для меня, сэр. – Он ничего не ответил, лишь продолжал сверлить меня взглядом, и я поспешил добавить: – Мне представляется, что проблема упирается в отсутствие достаточно мощного источника энергии. Конструкция сама по себе вполне логична.

– Нет, нет, конструкция тоже никуда не годится. Я подошел к делу совсем не с той стороны. Идея механического полета уже изжила себя, изжила, хотя аппарат, который вы видели, даже не был еще испытан в воздухе!

Он торопливо отхлебнул чаю, потом с поразительной скоростью вскочил со стула и устремился к шкафчику на другом конце комнаты. Приоткрыв ящик, он вынул оттуда конверт и вручил мне.

– Посмотрите-ка на них, Тернбулл. Посмотрите и скажите, что вы об этом думаете.

Я открыл конверт и обнаружил внутри семь фотографических портретов. На первом был изображен мальчик, на втором – тоже мальчик, но чуть постарше, на третьем – подросток, на четвертом – юноша и так далее.

– Это все портреты одного и того же человека? – спросил я, уловив несомненную общность лиц.

– Вот именно, – подтвердил сэр Уильям. – На портретах мой двоюродный брат. По счастью, он позировал фотографу через равные промежутки времени. Теперь скажите мне, Тернбулл, не замечаете ли вы в этих портретах чего-то особенного? Нет конечно. Каким чудом могли бы вы отгадать мои мысли? Это семь портретов – семь срезов четвертого измерения!

Я недоуменно нахмурился. Амелия пришла мне на помощь:

– Сэр Уильям, ваша концепция, вероятно, вновь для мистера Тернбулла.

– Она не сложнее, чем концепция летательных аппаратов тяжелее воздуха. Если вас, Тернбулл, не смутила эта концепция, почему бы вам не разобраться в четвертом измерении?

– Вы имеете в виду... – робко вымолвил я.

– Пространство и время! Вы угадали, Тернбулл! Время, величайшую из загадок...

Я вновь повернулся к Амелии в надежде, что она не откажется мне помочь, и встретил ее пристальный, изучающий взгляд. На ее губах обозначилась улыбка, и тут я понял, что она-то выслушивает соображения сэра Уильяма на этот счет отнюдь не в первый раз.

– Эти портреты, Тернбулл, представляют собой двумерные изображения трехмерного индивидуума. Они воспроизводят его рост, ширину его плеч, они могут даже передать намеком глубину объекта... но сами они навсегда останутся плоскими, двумерными кусочками бумаги. Тем более не в состоянии они воссоздать тот факт, что объект всю свою жизнь путешествует во времени. И все же, вместе взятые, они служат мостиком в четвертое измерение...

Он мерил комнату шагами и, выхватив у меня фотографии, в возбуждении размахивал ими. Затем пересек комнату еще раз и расставил портреты на камине, один подле другого.

– Пространство и время неразделимы. Я пересек комнату и, следовательно, переместился в пространстве на несколько ярдов. И вместе с тем я передвинулся во времени на несколько секунд. Вам ясно, что я хочу сказать?

– Что одно движение как бы дополняет другое? – предположил я не слишком уверенно.

– Именно! И я сейчас работаю над тем, чтобы разделить эти два вида движения – чтобы дать нам способ путешествовать в пространстве обособленно от времени и путешествовать во времени обособленно от пространства. Позвольте я покажу вам, чего достиг...

С этими словами он круто повернулся на каблуках и стремительно вышел из комнаты. Громко хлопнула дверь.

Я был совершенно сбит с толку и только таращил глаза на Амелию, покачивая головой.

– Мне бы следовало знать, – сказала она, – что сэр Уильям разволнуется не на шутку. Поверьте, Эдуард, он не всегда такой. Но когда он проводит в лаборатории весь день, погруженный в работу, то вечером частенько бывает очень возбужден.

– Куда он делся? – спросил я. – Нам не надо пойти за ним?

– Он отправился обратно в лабораторию. По-моему, он собирается показать вам что-то, над чем трудился сегодня.

Она оказалась права: дверь снова распахнулась, и сэр Уильям вернулся к нам. В руках он бережно нес небольшую деревянную коробку и искал глазами, куда бы ее поставить.

– Помогите мне передвинуть стол, – попросила меня Амелия.

Вдвоем мы отставили чайный столик в сторонку и выдвинули на его место другой. Сэр Уильям водрузил свою коробку в центре стола и опустился в кресло. Возбужденное состояние хозяина улеглось так же быстро, как и возникло.

– Прошу вас внимательно осмотреть эту модель, – сказал он, – но не трогать руками. Она очень хрупка.

Он откинул крышку. Изнутри коробка была выстлана мягкой, похожей на бархат тканью; на этом ложе покоился малюсенький механизм, который я по первому впечатлению принял за часовой. Сэр Уильям осторожно извлек механизм из футляра и положил на стол.

Я наклонился и стал пристально разглядывать хитроумный приборчик. И сразу же, невольно вздрогнув от неожиданности, понял, что значительная часть его сделана из того диковинного, напоминающего хрусталь вещества, которое я уже дважды видел сегодня. Сходство с часами, как я теперь разобрался, было обманчивым – на эту мысль наводила точность, с какой крошечные детали были пригнаны одна к другой, да и материалы, из которых их изготовили. Перечислить эти материалы я не сумел бы при всем желании: тут были никелевые стерженьки, какие-то загогулилки из полированной меди, шестеренки из блестящего хрома, а может, из серебра. Часть деталей была выточена из чего-то белого, возможно, из слоновой кости, а основание прибора сделано из твердого, видимо, эбенового дерева. Впрочем, затрудняюсь описывать в подробностях то, что открылось моему взору; под каким углом ни взгляни, повсюду были вкрапления таинственного вещества – не то хрусталя, не то кварца, – ускользающего от глаз, искрящегося сотнями микроскопических граней.

Я поднялся и слегка отступил назад. На отдалении модель вновь приобрела сходство с часовым механизмом, хотя и несколько необычным.

– Красивая вещица, – прошептал я.

Амелия тоже не отводила взгляда от приборчика.

– Вы, молодой человек, одним из первых в мире видите перед собой изобретение, которое даст нам власть над четвертым измерением.

– И этот прибор в самом деле работает? – не удержался я от вопроса.

– Безусловно. Он успешно прошел испытания. Он может путешествовать во времени – как в прошлое, так и в будущее, по моему выбору.

– А вы не могли бы продемонстрировать его в действии, сэр Уильям? – встала Амелия.

Вместо ответа ученый вдруг откинулся в кресле и с задумчивым выражением лица уставился на свою удивительную модель. Так он сидел, пожалуй, минут пять, не обращая на нас с Амелией никакого внимания, словно нас и не существовало. Лишь однажды он резко наклонился вперед, чтобы осмотреть прибор с близкого расстояния. В это мгновение я вознамерился что-то сказать, но Амелия остановила меня жестом, и я промолчал. Потом сэр Уильям взял модель со стола и поднял ее к свету, вернее, подержал против света, падающего из окна. Пальцем другой руки дотронулся до серебряной шестеренки, затем, будто нехотя, поставил приборчик на прежнее место. И опять откинулся в кресле, с величайшим вниманием изучая собственное творение.

На сей раз он оставался недвижим без малого десять минут, и я ощутил растущее беспокойство: не раздражает ли его наше присутствие? Наконец он вновь наклонился, засунул модель обратно в футляр и встал.

– Прошу извинить меня, мистер Тернбулл, – сказал он. – Мне только что пришла в голову идея одного небольшого усовершенствования.

– Вы хотите, чтобы я ушел, сэр?

– Нет, нет, несколько.

Он подхватил деревянную коробку и выскочил из комнаты, снова хлопнув дверью.

Я вопросительно посмотрел на Амелию. Она улыбнулась, и ее улыбка сразу же сняла напряжение, которым были отмечены истекшие полчаса.

– Он еще вернется? – осведомился я.

– Не думаю. Последний раз, когда он вел себя таким образом, он заперся в лаборатории, и ни одна живая душа, кроме миссис Уотчет, не видела его целых четыре дня.

2

Амелия позвала Хиллиера, и слуга обошел комнаты, зажигая лампы. Солнце еще не село, но скрылось за окружающими усадьбу деревьями, и в дом прокрались густые тени. Явилась миссис Уотчет, чтобы собрать чайные принадлежности. Тут только я заметил, что выпил всего полчаши, и залпом проглотил остальное. Жажда после велосипедной прогулки по-прежнему давала себя знать.

Когда мы вновь остались одни, я спросил:

– Он сумасшедший?

Амелия не ответила – она прислушивалась к чему-то. Знаком приказала мне помолчать, и спустя секунд пять дверь снова распахнулась. На пороге вновь вырос сэр Уильям, только на этот раз он был в пальто.

– Амелия, я уезжаю в Лондон. Хиллиер отвезет меня в экипаже.

– Вы вернетесь домой к обеду?

– Нет, я уезжаю на весь вечер. Переночую сегодня в клубе. – Он обернулся ко мне: – Вопреки ожиданию, Тернбулл, разговор с вами натолкнул меня на новую мысль. Благодарю вас, сэр.

Он вышел из комнаты так же стремительно, как и вошел, и вскоре мы услышали, как он отдает слугам распоряжения в прихожей. Через три минуты до нас донесся стук копыт и верезжание колес экипажа по усыпанной гравием дорожке. Амелия подошла к окну, провожая экипаж взглядом, затем возвратилась ко мне и сказала:

– Нет, сэр Уильям не сумасшедший.

– Но он ведет себя как безумец!

– Это чисто внешнее впечатление. Мне представляется, что он гений. Гений и безумство отчасти сродни друг другу.

– Вы уяснили себе его теорию?

– Более или менее. Если вы, Эдуард, не уловили ее сути, это вовсе не свидетельствует о слабости вашего интеллекта. Сэр Уильям настолько сжился со своей теорией, что, объясняя ее другим, опускает большую ее часть. Учтите также, что он видел вас впервые и что естественным он бывает, как правило, лишь в окружении хорошо знакомых людей. Есть у него небольшой круг друзей из Линнеевского клуба в Лондоне – вот с теми он, сама слышала, разговаривает непринужденно, без натуги.

– Тогда мне, наверное, не следовало приставать к нему с вопросами.

– Да нет, он совершенно одержим этой своей идеей. Не вырази вы интереса к ней, он навязал бы нам ее насильно. Все окружающие вынужденно ознакомились с его теорией. Даже миссис Уотчет выслушивала ее дважды.

– Ну и как? Поняла достойная женщина хоть что-нибудь?

– Не думаю, – отвечала Амелия с улыбкой.

– Тогда, наверное, не стоит обращаться к ней за разъяснениями. Придется вам взять этот труд на себя.

– Я не так уж много могу сказать. Сэр Уильям построил машину времени. Она прошла испытания, при некоторых из них я присутствовала, и результаты оказались вполне удовлетворительными. Сам он, правда, еще не признавался в этом, но подозреваю, что он задумал экспедицию в будущее.

Я чуть не рассмеялся и еле-еле успел прикрыть лицо рукой. Амелия поспешила заверить:

– Нет, нет, это в высшей степени серьезно.

– Помилуйте, как же может человек его комплекции уместиться в устройстве такого размера?

– То, что вы видели, – всего лишь рабочая модель. Сэру Уильяму удалось построить машину куда больших размеров. – Тут она рассмеялась в свою очередь. – А вы что, решили, что я подразумеваю путешествие с помощью модельки, какую он нам демонстрировал?

– Вот именно.

Когда Амелия смеялась, она выглядела очень привлекательной, и я вовсе не досадовал на себя за свою ошибку.

– Простите, но я все равно не верю в такую машину – ни в большую, ни в маленькую, – заявил я.

– Можете посмотреть на нее своими глазами. Она от вас в каком-то десятке ярдов.

Я так и подпрыгнул:

– Где же она?

– У сэра Уильяма в лаборатории. – Кажется, Амелии передалось мое воодушевление: она поднялась вслед за мной, и притом с живостью: – Пойдемте, я покажу вам.

3

Мы вышли из курительной через дверь, которой до нас пользовался один сэр Уильям, и двинулись по коридорчику к другой двери, по-видимому, недавно навешенной. Эта дверь и вела в лабораторию, разместившуюся, как я понял теперь, в стеклянной пристройке – той самой, что соединяла два флигеля.

Не знаю, чего я ждал от лаборатории, но первым моим впечатлением было ее разительное сходство с цехом машиностроительного завода, куда мне однажды довелось заглянуть.

С краю под потолком был укреплен вал, вероятно, связанный с паровой машиной, от которого вниз шли ременные передачи, приводящие в движение ряды массивных станков. Тут были токарные и фрезерные станки, резак для листового металла, кузнечный пресс, ацетиленовое сварочное оборудование, пара тяжелых тисков и бесчисленное множество инструмента, разбросанного вокруг. Пол был густо усыпан стружкой и обрезками металла; там и сям попадались и кусочки обработанных материалов, аккуратно вырезанные или выточенные, но, очевидно, давно заброшенные.

– Сэр Уильям многое делает собственными руками, – сказала Амелия, – хотя в отдельных случаях какие-то детали приходится заказывать на стороне. В Скиптон, где мы с вами встретились, я ездила как раз по такому поручению.

– Где же машина времени? – поинтересовался я.

– Вы стоите с нею рядом.

Неожиданно для себя я понял, что конструкция, возле которой я находился и которую поначалу принял за кучу бросового металла, на самом деле подчинена определенной схеме. Присмотревшись, я уловил известное сходство этой конструкции с моделью, показанной мне сэром Уильямом, только модель казалась совершенной, как всякая миниатюра, а эту машину самые ее размеры делали более грубой. Однако довольно было наклониться к ней поближе, чтобы заметить, что каждая составляющая ее часть выточена со всей тщательностью и отполирована до блеска.

Машина времени достигала семи-восьми футов в длину, четырех-пяти – в ширину. В самой высокой своей точке она поднималась футов на шесть от пола, но, поскольку конструкция носила строго функциональный характер, ограничиться при ее описании указанием общих размеров было бы явно недостаточным. К примеру, значительная часть машины представляла собой простую прямоугольную металлическую раму и возвышалась над полом всего на три фута.

Внутри машины можно было различить все до мельчайшей подробности... и тем не менее мое описание станет сейчас по необходимости смутным. Ибо, в сущности, я не видел ничего, кроме бесконечной череды поверхностей из того же таинственного вещества, какое скрывалось в велосипедах сэра Уильяма и в глубине его летательного аппарата; иными словами, все, что казалось видимым, благодаря этому обманчивому, похожему на хрусталь веществу становилось на поверку невидимым. За хрустальными гранями переплетались тысячи проволочек и рычажков, но сколько бы я ни вглядывался в механизм, под какими бы углами ни приближался к нему, я был не в силах ничего толком рассмотреть.

Немного легче было разобраться в рычагах управления. Ближе к концу рамы на ней закрепили крытое кожей сиденье, закругленное наподобие кавалерийского седла. А подле сиденья нагромодили целую батарею рукоятей, тяг и циферблатов.

Главным среди них, без сомнения, был большой рычаг, установленный в точности перед седлом. Верхушку рычага венчал вроде бы совершенно неуместный здесь велосипедный руль. Вероятно, руль предназначался для того, чтобы водитель машины мог ухватиться за рычаг обеими руками. По обе стороны от руля располагались десятки второстепенных рычажков, каждый на самостоятельном шарнире, что позволяло вводить их в действие независимо друг от друга и от положения главного рычага.

Машина настолько заворожила меня, что я даже ненадолго забыл о присутствии Амелии. И тут она заговорила, признаться, слегка испугав меня:

– Построено основательно, не правда ли?

– И какой срок понадобился сэру Уильяму, чтобы соорудить все это? – поинтересовался я.

– Без малого два года. Прикоснитесь к ней, Эдуард. Убедитесь, что она вполне материальна и прочна.

– Боюсь, – ответил я. – Боюсь испортить что-нибудь по незнанию.

– Ну, возьмитесь хотя бы вот за эту планку. Уверю вас, это вполне безопасно.

Амелия поднесла мою руку к одной из медных полос, составляющих часть рамы. Я осторожно положил пальцы на металл – и тут же отдернул их прочь: едва я взялся за планку, машина отчетливо содрогнулась как живая.

– Что с ней? – воскликнул я.

– Машина времени сейчас на самом малом ходу, только чтобы не утратить связи с четвертым измерением. Она материальна – и тем не менее в материальном мире, каким мы его знаем, ее не существует. Понимаете, она продолжает путешествие во времени даже сейчас, когда мы стоим подле нее.

– Вы шутите! Если бы она путешествовала во времени, ее тут уже не было бы...

– Напротив, Эдуард. – Амелия обратила мое внимание на массивное маховое колесо перед седлом, которое примерно соответствовало серебряной шестеренке на показанной сэром Уильямом модели. – Присмотритесь. Замечаете, что оно вращается?

– Да, да, конечно, – подтвердил я, наклоняясь как можно ниже.

Действительно, колесо потихоньку, почти неуловимо вращалось.

– Если бы оно не двигалось, машина оказалась бы неподвижной во времени. И с нашей точки зрения – так объяснял сэр Уильям – немедленно исчезла бы в прошлом. Ведь мы сами тоже непрерывно путешествуем во времени – вперед, в будущее...

– Следовательно, и машина должна находиться в действии непрерывно, – добавил я.

Пока мы беседовали, вечер вступил в свои права, тьма сгустилась и расплзлась по лаборатории. Амелия отошла от машины, протянула руку к какому-то другому устройству и резко дернула за шнур, привязанный к выступающему наружу маховику. Устройство не то кашлянуло, не то фыркнуло, и по мере того, как оно набирало скорость, восемь шаров, свисающих с потолочных балок, стали разгораться все более ярким светом.

Амелия бросила взгляд на стенные часы, стрелки которых показывали двадцать пять минут седьмого.

– До обеда остается полчаса, – сказала она. – Доставит ли вам удовольствие небольшая прогулка по саду?

Я отвлекся от фантастических изобретений, созданных гением сэра Уильяма.

Пусть себе машина времени потихоньку перемещается в грядущее, зато Амелия остается моей современницей, и она здесь, рядом. Она не порождение фантазии, она принадлежит настоящему, а не прошлому и не будущему. И я ответил, понимая, что мое пребывание в Ричмонде скоро подойдет к концу:

– Не угодно ли вам опереться о мою руку?

Она мягко взяла меня под локоть, мы отвернулись от машины времени, от шумного двигателя внутреннего сгорания и через дверь в дальнем углу лаборатории вышли в прохладный вечерний сумрак сада. В последний и единственный раз я оглянулся на стеклянные стены пристройки и на озаряющее их ослепительно-белое сверкание электрических ламп.

Глава V. В будущее!

1

Я еще раньше выяснил, что последний поезд на Лондон уходит из Ричмонда в десять тридцать, и если я собирался успеть на него, то должен был проститься не позже десяти. Но вот уже пробило половину девятого, а мне не хотелось и думать о возвращении в свое убогое жилище. Что до перспективы отправиться на следующее утро на работу, то она приводила меня в подлинное отчаяние. По завершении обеда, к которому подавали сухое, но крепкое вино, мы перешли из столовой в заманчивую полутьму гостиной, где я осушил бокал портвейна и почти прикончил второй такой же; нежный запах духов Амелии дразнил мои чувства, и мною овладели самые дерзкие фантазии.

Амелия была возбуждена не меньше моего, и я подумал, что от нее не ускользнула перемена в моем поведении. Буквально до этой минуты я ощущал в ее присутствии известную скованность, отчасти потому, что мой опыт общения с молодыми женщинами оставлял желать лучшего, а особенно потому, что Амелия казалась мне самой необыкновенной из всех молодых женщин. Я понемногу привыкал к ее свободным манерам, к духу эмансипации, пронизывающему все ее поступки, – но только теперь стал догадываться, что без всяких рассуждений, стремительно и слепо влюбился в нее.

Утверждают, что в вине – истина; и хотя я не утратил способности сдерживать себя, подавляя непрощенные пылкие страсти, наш разговор принял сугубо личный характер.

Когда пробило половину десятого, я понял, что медлить далее не в состоянии. У меня оставалось всего полчаса, я не имел ни малейшего представления о том, когда увижу ее снова, и счел момент подходящим, чтобы сказать Амелии без всяких околичностей: она для меня стала куда дороже, чем просто приятная собеседница.

Я щедро плеснул себе в бокал еще портвейна и, раздумывая, какие выбрать слова, залез в жилетный карман и вытащил часы.

– Моя дорогая Амелия, – начал я. – Сейчас уже без двадцати пяти десять, а в десять мне придется уехать. Но до того я должен кое-что вам сообщить.

– Зачем вам уезжать? – откликнулась она, решительно прервав нить моих мыслей.

– Должен же я успеть на поезд.

– Ну пожалуйста, не уходите!..

– Мне надо вернуться в Лондон.

– Хиллиер отвезет вас. Если даже вы опоздаете на поезд, он отвезет вас прямо в Лондон, домой.

– Хиллиер уже в Лондоне, – напомнил я.

Она рассмеялась; стало заметно, что она слегка навеселе.

– А я и забыла. Значит, придется идти пешком.

– Значит, в десять мне придется вас покинуть.

– Нет, нет... Я попрошу миссис Уотчет приготовить для вас комнату.

– Амелия, я не могу остаться, как бы мне того ни хотелось. Мне же с утра на работу.

Она наклонилась ко мне, и в глазах у нее заплясали огоньки.

– Тогда я отвезу вас на станцию сама.

– Разве у вас в доме есть еще один экипаж?

– Можно, пожалуй, сказать и так. – Амелия поднялась, опрокинув пустой бокал. – Пойдемте, Эдуард, я доставлю вас на станцию в машине времени сэра Уильяма!

Она взяла меня за руку и потащила к двери едва ли не волоком. Мы расхохотались; трудно описывать наши поступки задним числом – мы не вполне отвечали за них, они были продиктованы пусть не сильным, но все-таки опьянением. Что касается меня лично, мою податливость оправдывает легкомысленное настроение минуты. Я крикнул Амелии на бегу:

– На какую же станцию мы попадем, путешествуя во времени?

– А вот увидите.

Мы достигли лаборатории и вбежали внутрь, захлопнув за собой дверь. Электрические лампы под потолком пылали по-прежнему, и в их жестком свете наша затея приобрела иную окраску.

– Амелия, – произнес я, пытаюсь образумить ее. – Что вы собираетесь делать?

– То, что я вам сказала. Отвезти вас на станцию.

Я встал перед нею и взял ее руки в свои.

– Мы оба слишком разгорячились, – сказал я. – Пожалуйста, перестаньте меня разыгрывать. Вы что, всерьез надумали воспользоваться машиной сэра Уильяма?

Я почувствовал, как напряглись ее пальцы.

– Я вовсе не так пьяна, как вам кажется. Просто я веду себя непринужденно и тем не менее отдаю себе полный отчет в своих поступках.

– Тогда давайте вернемся в гостиную.

Амелия отстранилась и приблизилась к машине времени. Едва она дотронулась до одного из медных поручней, машина задрожала крупной дрожью, как раньше.

– Вы слышали, что объяснял сэр Уильям. Пространство и время неразделимы. Потому-то вам и нет нужды уходить через пять минут. Хотя машина предназначена для путешествий в будущее, она способна перемещаться и в пространстве. Короче, можно преодолеть на ней тысячи лет, а можно и применить для цели вполне прозаической – подбросить гостя на станцию.

– Вы по-прежнему разыгрываете меня, – сказал я. – К тому же я вовсе не убежден, что машина действительно может путешествовать во времени.

– Она прошла испытания.

– Я при них не присутствовал.

Амелия повернулась ко мне с самым серьезным видом.

– Тогда позвольте мне доказать вам, что машина действует!

– Нет, нет, Амелия! К чему такой безрассудный риск?

– Какой же риск, Эдуард? Я знаю, что делать. Я достаточно часто следила за испытаниями, которые проводил сэр Уильям.

– Но откуда нам знать, что с машиной ничего не случится?

– Никакой опасности нет.

Раздираемый противоречивыми чувствами, я просто покачал головой. Амелия опять повернулась к машине и, коснувшись одного из циферблатов, что-то с ним сделала, потом потянула на себя рычаг, увенчанный велосипедным рулем.

И в то же мгновение машина времени исчезла!

2

– Взгляните на стенные часы, Эдуард.

– Что вы сделали с машиной?

– Не играет роли. Который теперь час?

Я поднял взгляд на стену:

– Без восемнадцати десять.

– Прекрасно. Ровно без шестнадцати десять машина вернется на место.

– Откуда?

– Из прошлого. А точнее, из своего настоящего. В данный момент машина путешествует в будущее – в точку, отдаленную на две минуты от момента отправления.

– Но почему машина исчезла? И где она сейчас?

– Перемещается в четвертом измерении. – И Амелия сделала шаг вперед – туда, где только что стояла машина, и, помахав мне рукой, хладнокровно пересекла пустоту. Потом посмотрела на часы.

– А теперь отойдите назад, Эдуард. Машина сейчас появится в точности на прежнем месте.

– Тогда отойдите и вы, – сказал я.

Схватив ее за руку, я оттащил ее ярда на три от того места, где прежде стояла машина. Мы оба не отрывали глаз от часов. Секундная стрелка медленно прыгала по кругу... минутная показала без шестнадцати десять, прошло еще четыре секунды – и машина времени вновь возникла из небытия.

– Полюбуйтесь! – торжествующе воскликнула Амелия. – Что я вам говорила?!

Я тупо уставился на машину. Маховое колесо все так же неторопливо вращалось. Настал черед Амелии взять меня за руку.

– Хотите вы, Эдуард, или не хотите, а сесть в машину нам придется.

– Что-о? – переспросил я.

– Это совершенно необходимо. Дело в том, что на время испытаний сэр Уильям снабдил машину предохранительным устройством, которое автоматически возвращает ее к моменту старта. Устройство включится ровно через три минуты, так что, если нас не будет на борту, машина для нас навсегда потеряется в прошлом.

Я слегка нахмурился, однако спросил:

– Разве это устройство нельзя выключить?

– Можно, только я не собираюсь этого делать. Я намерена доказать вам, что машина – не розыгрыш.

– Послушайте, Амелия, да вы, оказывается, пьяны.

– Послушайте, Эдуард, вы тоже. За мной!

Прежде чем я успел остановить ее, Амелия подскочила к машине, нырнула под медные прутья рамы и уселась в седло. Чтобы справиться с этой задачей, ей пришлось приподнять юбки дюймов на пять; смею вас заверить, что подобное зрелище оказалось, на мой взгляд, куда более заманчивым, нежели любые путешествия во времени. К тому же она позвала меня:

– До возвращения машины осталось меньше минуты. Вы что, не поедете со мной?

Моим колебаниям сразу настал конец. Я вскарабкался на машину и примостился у Амелии за спиной, позади седла. По ее указанию я положил руки ей на талию и плотно прижался грудью к ее спине.

– А теперь следите за часами как можно внимательнее, – приказала она.

Я подчинился. Было без тринадцати десять. Секундная стрелка достигла верха циферблата, сместилась вправо, на четыре деления...

И застыла.

Потом начала прыгать в обратном направлении – сперва медленно, потом все быстрее.

– Мы движемся против течения времени, – прошептала Амелия, чуть задышавшись. – Вы видите часы, Эдуард?

– Вижу, – ответил я, не отрывая глаз от стрелок. – Очень хорошо вижу!

Секундная стрелка пробежала назад четыре минуты, затем стала замедлять темп. Когда часы вновь показали без восемнадцати десять – плюс четыре секунды, – стрелка затормозила, остановилась совсем. И опять запрыгала обычным порядком как ни в чем не бывало.

– Мы вернулись к тому мгновению, когда я дернула за рычаг, – сказала Амелия. – Ну что, поверили вы наконец, что машина времени – не надувательство?

Я все еще обнимал ее за талию, наши тела соприкасались теснее, чем я мог бы вообразить себе в самых смелых своих мечтах. Волосы Амелии нежно щекотали мне лицо, и я просто не мог думать ни о чем другом, кроме этой нежданной близости.

– Прокатите меня снова, – попросил я, мечтая лишь о том, чтобы растянуть этот блаженный миг. – Покажите мне будущее!

3

– Вам хорошо видно, что я делаю? – спросила Амелия. – Продолжительность путешествия устанавливается на этих шкалах с точностью до секунды. Я могу определить заранее, сколько оно продлится часов, дней или лет.

Пробудившись от пылких мечтаний, я выглянул из-за ее плеча. Оказывается, она обращала мое внимание на ряд крошечных циферблатов с обозначениями дней недели, месяцев, лет – и еще тут были циферблаты, отсчитывающие десятилетия, века и даже тысячелетия.

– Пожалуйста, не выбирайте столь дальние цели, – пошутил я, глядя на самый последний циферблат. – Я бы все-таки не хотел опоздать к поезду.

– Но мы же вернемся точно к моменту старта, даже если укатим на век вперед!

– Может, и так. Но не будем опрометчивы.

– Если вы нервничаете, Эдуард, можно ограничиться поездкой в завтра.

– Нет, нет, пусть это будет дальнейшее путешествие. Вы доказали мне, что машины времени можно не опасаться. Давайте отправимся в следующее столетие.

– Как хотите. Можно и дальше, если пожелаете.

– Меня интересует двадцатый век. Для начала двинемся на десять лет вперед.

– Только на десять? Это даже приключением не назовешь.

– Будем последовательны, – ответил я. Не причисляю себя к малодушным, но авантюристом тоже никогда не был. – Отправимся сначала в тысяча девятьсот третий, затем в тысяча девятьсот тринадцатый и так далее с десятилетними интервалами до самого конца столетия. Вероятно, за такой срок что-нибудь да изменится.

– Согласна. Вы готовы?

– Готов, – ответил я, вновь обнимая ее за талию.

Амелия склонилась над приборами. Я видел, как она установила на шкале 1903 год, но циферблаты с обозначениями месяцев и дней были расположены слишком низко, и я не мог их разглядеть. Она пояснила:

– Я выбрала двадцать второе июня. Это самый длинный день лета, так что будем надеяться, что погода окажется сносной.

Она положила руки на руль и напряженно выпрямилась. Я тоже собрал все свое мужество, готовясь к неведомому. И тут, к вящему моему удивлению, Амелия поднялась и отступила от седла на шаг.

– Пожалуйста, подождите меня минутку, Эдуард, – попросила она.

– Куда вы? – откликнулся я, признаться, не без тревоги. – Машина не уедет вместе со мной?

– Никуда она не денется, если не трогать рычаг. Только... Раз уж мы затеяли дальнейшее путешествие, я хотела бы взять с собой ридикюль.

– Зачем? – невольно вырвалось у меня. Пожалуй, Амелия чуть-чуть смутилась.

– Честно сказать, сама не знаю. Просто я никогда и никуда не езжу без ридикюля.

– Тогда уж прихватите и капор, – рассмеялся я, тронутый столь неожиданным проявлением женской натуры.

Она поспешно выскочила за дверь. Секунду-другую я тупо таращился на приборы, затем, повинаясь внезапному импульсу, тоже слез с машины и сбегал в прихожую за соломенной шляпой. Уж если путешествовать всерьез, то с шиком! На обратном пути я зашел в гостиную, щедрой рукой плеснул портвейна в бокалы и захватил их с собой в лабораторию.

Амелия вернулась прежде меня и уже сидела в седле. Свой ридикюль она поставила на пол машины подле главного рычага, а на голове у нее был капор.

Я протянул ей бокал.

– Выпьем за успех нашего предприятия!

– И за будущее, – отозвалась она.

Каждый из нас отпил примерно полбокала, потом я отнес остатки портвейна на скамью у стены и взгромоздился на свое место позади Амелии.

– Ну вот, теперь мы и в самом деле готовы, – произнес я, проверяя, прочно ли сидит на голове моя бесподобная шляпа.

Амелия взялась за руль и потянула его на себя.

4

Машина времени резко накренилась, словно скользнула в разверзшуюся перед нею бездну, и я испуганно вскрикнул, напрягаясь в ожидании падения или удара.

– Держитесь! – сказала Амелия, в общем-то без нужды – я бы и так не отпустил ее ни за что на свете.

– Что происходит? – прокричал я.

– Мы в безопасности. Это эффект перехода в четвертое измерение.

Я открыл глаза и нерешительно осмотрелся – и, к своему удивлению, обнаружил, что машина по-прежнему прочно стоит на полу лаборатории. Зато стрелки на стенных часах кружились как сумасшедшие, и тут же, буквально на глазах, из-за дома вошло солнце и стремительно понеслось в зенит. Не успел я оценить по достоинству этот факт, как на землю снова упала тьма, будто на крышу набросили черное одеяло.

У меня перехватило дыхание – и вдруг я почувствовал, что нечаянно втянул в себя прядку длинных волос Амелии. И при всем безумии нашего путешествия на миг порадовался этой тайной близости.

Амелия крикнула:

– Вам страшно?

Увиливать было некогда.

– Страшно! – крикнул я в ответ.

– Держитесь крепче! Опасности нет!

Наши голоса звенели от возбуждения, а ведь можно было и не повышать их: в четвертом измерении царила тишина.

Вновь вошло солнце и почти сразу же село. Следующий отрезок темноты оказался короче, чем предыдущий, а следующий за ним отрезок дневного света еще короче. Машина времени набирала скорость, устремляясь в будущее.

Через некоторое время – нам почудилось, через какие-то десять-пятнадцать секунд – смена дня и ночи стала настолько быстрой, что мы потеряли способность ее различать; все окружающее окрасилось в серый сумеречный цвет. Детали лаборатории расплылись, словно в тумане, а солнце превратилось в огненную полосу, перечеркнувшую темно-синее небо.

Отвечая Амелии, я невольно выпустил изо рта прядку ее волос. Самые впечатляющие зрелища, самые немыслимые чудеса не могли сравниться с тем чувством, какое возбуждала во мне эта девушка. Подстегнутый, вне всякого сомнения, выпитым вином, я осмелел до того, что склонился к Амелии и вновь захватил ее волосы губами, а затем приподнял голову, чтобы

ощутить, как они щекочат язык, Амелия не выразила явного протеста, тогда я выпустил изо рта одну прядку и захватил новую. Она все еще не останавливала меня. На третий раз я склонил голову набок, чтобы не мешала шляпа, и ласково, но решительно прижался губами к бархатной белой коже за ухом.

Эта вольность не встречала отпора ровно одно мгновение, потом Амелия резко выпрямилась, как если бы поразила чем-то, и воскликнула:

– Смотрите, Эдуард, машина притормаживает!

Над стеклянной крышей лаборатории солнце замедлило свой бег, и отрезки темноты между его появлениями снова стали отчетливыми, поначалу в виде мгновенных черных вспышек. Амелия принялась считывать показания приборов:

– Мы в декабре, Эдуард! В январе... в январе тысяча девятьсот третьего года! Нет, уже в феврале... – Она называла месяцы один за другим, и паузы от месяца к месяцу становились длиннее. Наконец послышалось: – Июнь! Эдуард, мы почти у цели...

Я взглянул на стенные часы, желая удостовериться, что Амелия не ошиблась, и тут заметил, что они почему-то остановились.

– Мы уже прибыли? – спросил я.

– Не совсем.

– Но часы на стене стоят!

Амелия едва удостоила объект моего внимания беглым взглядом.

– Никто не заводил их, вот они и встали.

– Тогда скажите мне, пожалуйста, когда мы приедем.

– Маховик вращается все тише... почти успокоился... Стоп!..

И с этим словом тишина четвертого измерения внезапно оборвалась. Где-то неподалеку от дома раздался сильный взрыв. Несколько потолочных рам от сотрясения лопнуло, на нас посыпались осколки стекла.

За прозрачными стенами стоял день, светило солнце. Но над садом стелился дым, и слышался треск горящей древесины.

5

За первым взрывом последовал второй, однако не такой близкий. Амелия вздрогнула и, с трудом повернувшись в седле, глянула мне в лицо.

– Куда же это нас занесло? – тревожно спросила она.

– Трудно сказать...

До нас донесся чей-то ужасный крик, и, точно это был условный сигнал, на крик отозвались эхом два других голоса. Грянул новый взрыв, громче предыдущих. Удар расколол еще большее число рам, осколки дождем зазвенели по полу. Одна из рам рухнула на машину времени, в каких-нибудь шести дюймах от моих ног.

Постепенно, как только наш слух приспособился к чудовищному смешению шумов, над всем возобладал один-единственный звук – низкий глубокий вой, постепенно поднимающийся, как фабричная сирена, и достигающий немисливо высоких нот. Этот вой мало-помалу подавил и треск огня, и крики людей. Едва утихнув, сирена принималась выть опять и опять.

– Эдуард! – Лицо Амелии стало белым как снег, и говорила она неестественно резким шепотом. – Что тут творится?

– Не могу себе и представить. Ясно одно: надо убираться восвояси. Отправляйте машину назад!

– Но я не знаю, как. Придется ждать автоматического возвращения.

– Как долго мы уже находимся здесь? – Прежде чем она успела ответить, раздался еще один оглушительный взрыв. – Тише, не шевелитесь! Долго нам тут не продержаться. Мы угодили в самый разгар войны.

– Войны? Но повсюду на Земле мир!

– В наше время – да...

Я снова задал себе вопрос, давно ли мы попали в этот ад 1903 года, и проклял часы за то, что они не ходят. Скорей бы настал тот миг, когда система автоматического возврата бросит нас вновь сквозь тишину и покой четвертого измерения в наше благословенное, мирное время!

Амелия, перегнувшись в седле, зарылась лицом мне в плечо. Я не размыкал объятий и пытался как мог успокоить ее среди этой кошмарной сумятицы.

Окинув взглядом лабораторию, я поразился странным переменам, которые произошли в ней с тех пор, как я попал сюда впервые: там и сям какие-то обломки, и на всем, кроме самой машины времени, толстый слой грязи и пыли.

И вдруг краем глаза я уловил движение за стенами лаборатории и, обернувшись, увидел кого-то, кто отчаянно бежал через лужайку к дому. Спустя секунду, разглядев бегущего чуть получше, я понял, что это женщина. Она приблизилась вплотную к стене лаборатории и прижалась лицом к стеклу. А позади женщины я заметил еще одного человека, тоже бегущего со всех ног.

– Амелия! – позвал я. – Смотрите!

– Что такое?

– Вон там!

Она повернулась в ту сторону, куда я указывал, но в это же мгновение свершились одновременно два события. Грохнул еще один раздирающий уши взрыв, и сопровождающее его пламя метнулось через лужайку, поглотив женщину, – и тут же машина времени дала головокругооборотный крен. На нас обрушилась тишина четвертого измерения, лаборатория вновь обрела прежний вид, и над крышей началась обратная смена дня и ночи.

Все еще сидя вполоборота ко мне, Амелия ударилась в слезы. Это были слезы облегчения, и я молча обнимал ее, не мешая выплакаться. Немного успокоившись, она спросила:

– Так что же такое вы увидели, прежде чем мы отправились обратно?

– Ничего особенного, – ответил я. – Глаза меня обманули.

Ни при каких обстоятельствах я не стал бы описывать женщину, которую видел под стенами лаборатории. Она выглядела совершенно одичавшей: волосы всклокочены и спутаны, лицо окровавлено, одежда порвана в клочья, и из-под них виднеется обнаженное тело. И уж тем более я не представлял себе, как выразить самое страшное свое впечатление. Я узнал эту женщину. Как же было мне не узнать ее, если это была Амелия, встретившая свой смертный час в адской войне 1903 года!

Я не сумел произнести ничего подобного. Точнее, я не хотел поверить тому, что видел собственными глазами. Но мои желания, в сущности, ничего не меняли: будущее было реальным, и реальной была уготованная Амелии судьба. В июне 1903 года, 22-го числа, ее поглотит огонь в саду сэра Уильяма.

Девушка сжалась в моих объятиях, мне передавалась бьющая ее дрожь. Нет, я не мог отдать ее на волю этого жестокого рока!

Вот так, не отдавая себе отчета в неосмотрительности своих действий, я вознамерился перехитрить судьбу. Решение мое было простым: пусть машина времени забросит нас еще дальше в будущее, за черту этого чудовищного дня.

6

Мною словно овладело безумие. Я выпрямился так резко, что Амелия, которая опиралась на мою руку, подняла на меня удивленные глаза. А над нашими головами мерцали быстроечные дни и ночи.

Во мне бушевал пугающий меня самого неистовый поток противоречивых чувств – очевидно, сказывалось влияние четвертого измерения, но допускаю, что подсознание уже готовило меня к дальнейшим моим поступкам. Я сделал шаг вперед, кое-как пристроив ногу на полу машины под самым седлом, и, придерживаясь за медный поручень, склонился к приборам.

– Эдуард, что у вас на уме?

Голос у Амелии срывался, и, едва успев задать вопрос, она снова заплакала. Я не ответил – все мое внимание поглотили циферблаты, от которых меня отделяли теперь считанные дюймы. В неверном свете мелькающих над нами дней я все-таки сумел убедиться, что машина мчится во времени назад. Мы уже вновь достигли 1902 года, и прямо на моих глазах стрелка на шкале перепрыгнула с августа на июль. Большой рычаг, расположенный строго по центру приборной доски, стоял почти вертикально, а прикрепленные к нему никелевые стержни устремлялись вперед, в хрустальное сердце машины.

Слегка приподнявшись, я присел на краешек седла. Амелии пришлось отодвинуться, чтобы дать мне место.

– Только не трогайте рычагов управления! – воскликнула она и нагнулась, пытаясь, видимо, взять в толк, что я затеял.

Я схватился обеими руками за велосипедный руль и потянул его на себя. Насколько я понял, это не произвело на машину ни малейшего впечатления: июль сменился июнем. Однако Амелию мой поступок встревожил не на шутку.

– Эдуард, не вмешивайтесь! – крикнула она во весь голос.

– Мы должны попасть еще дальше в будущее! – крикнул я в ответ и покачал руль, как делает велосипедист, проверяя исправность управления.

– Нет, нет! Машина обязательно должна вернуться к моменту старта!

Невзирая на все мои усилия, наше обратное движение продолжалось безостановочно. Амелия схватила меня за руки, силясь оторвать их от руля. Тут я заметил, что над каждым циферблатом есть маленькая металлическая кнопка, и коснулся одной из них. Оказалось, что кнопка вращается, и я понял, что именно таким образом машине задается программа. И по-видимому, именно так можно было прервать наше движение в прошлое; едва Амелия осознала, что я делаю, она утроила свои усилия, чтобы удержать меня. Она попробовала дотянуться до моих пальцев, а когда это ей не удалось, схватила меня за волосы и рванула их на себя.

Взвыв от боли, я отпрянул от приборов, потерял равновесие и покачнулся. Каблук моего правого ботинка задел за один из никелевых стержней, отходящих от главного рычага, и в тот же миг машина безжалостно завалилась набок, и все вокруг накрыла непроглядная мгла.

7

Лаборатория исчезла, смена дня и ночи прекратилась. Нас окружала совершеннейшая тьма и совершеннейшая тишина.

Амелия ослабила свою отчаянную хватку, и мы оба застыли в благоговейном трепете перед одолевшими нас стихиями. Лишь безудержное головокружение, которое теперь сочеталось с одуряющим покачиванием из стороны в сторону, свидетельствовало о том, что наше путешествие во времени продолжается.

Амелия придвинулась ко мне, обхватила меня руками и прижалась лицом к моей шее.

Машину качало все резче, и я слегка повернул руль, надеясь ее выровнять. Однако добился лишь того, что неприятности умножились: к бортовой качке, которая усиливалась с каждой секундой, добавилась еще более мучительная килевая.

– Я ничего не могу поделать, – признался я. – Просто не представляю себе, что можно предпринять.

– А что случилось?

– Из-за вас я ударил по рычагу ногой. И что-то сломал...

Тут мы оба сдавленно вскрикнули, потому что машина, как нам почудилось, перевернулась вверх дном. На нас внезапно обрушился свет, исходящий из какого-то одного ослепительного источника. Я зажмурился – свет был непереносимо ярким – и попытался, шевеля рычагом, хотя бы ослабить тошнотворные ощущения. Беспорядочные качания машины приводили к тому, что источник света танцевал вокруг нас как безумный и на приборы то и дело ложились непостижимо черные тени.

И сам рычаг вел себя не так, как прежде. Поломка стержня словно бы расшатала его, и стоило мне отпустить руль, как тот покосился сам собой, что вызвало новые колебания и шатания.

– Если бы найти этот сломанный стержень, – подумал я вслух и опустил свободную руку вниз: не удастся ли нащарить на полу какие-нибудь обломки.

В то же мгновение машина дала такой резкий крен, что меня едва не выбросило за борт. К счастью, Амелия не разомкнула объятий, и с ее помощью я кое-как удержал равновесие.

– Спокойнее, Эдуард, – произнесла она мягко, словно утешая меня. – Пока мы в машине, нам ничто не грозит. Четвертое измерение гарантирует нам полную безопасность.

– Но мы можем наехать на что-нибудь!

– Ничуть не бывало. Для нас не существует препятствий, мы их просто не замечаем.

– Но что все-таки произошло?

Она объяснила:

– Никелевые стержни препятствуют произвольному смещению машины в пространстве. Перебив один из них, вы позволили машине двигаться в пространственных измерениях, и теперь мы стремительно удаляемся прочь от Ричмонда.

Ее слова повергли меня в ужас, а не прекращающееся ни на миг головокружение лишь подчеркивало размах тех грозных опасностей, которые поджидали нас впереди.

– Куда же мы попадем? – спросил я. – Кто знает, в какие дали занесет нас машина...

Амелия снова заговорила тем же утешительным тоном:

– Мы в безопасности, Эдуард. Пусть машина скачет как ей угодно, я не сомневаюсь, что отказали только рычаги управления. Нас по-прежнему окружает поле четвертого измерения, и двигатель по-прежнему работает бесперебойно. Правда, мы теперь перемещаемся в пространстве, судя по всему, пересекаем многие сотни миль, но даже если очутимся за тысячу миль от дома, система автоматического возврата благополучно доставит нас обратно в лабораторию.

– За тысячу миль?.. – повторил я, ошеломленный той скоростью, какую, видимо, развивала машина.

Амелия на мгновение сжала руки чуть сильнее.

– Не думаю, чтобы нас в самом деле занесло так далеко. Похоже, что мы на всех парах несемся по кругу.

Это, пожалуй, в какой-то мере смахивало на истину, поскольку ослепительная точка света не прекращала бешено кружиться вокруг нас. Заверения Амелии меня, естественно, подбодрили, но выматывающая душу качка продолжалась, и чем скорее наше приключение подошло бы к концу, тем лучше. А раз так, я решил сделать еще одну попытку найти злополучный сломанный стержень.

Я поделился с Амелией своим намерением, и она, подавшись немного вперед, взяла руль в свои руки. Ее помощь избавила меня от необходимости держаться за рычаг; я наклонился и принялся ощупывать пол машины, втайне опасаясь, не вылетел ли стержень за борт в момент особенно сильного толчка. Шаря по полу в неверном свете, я вдруг наткнулся на ридикуль Амелии – тот стоял себе спокойненько там, где его поставили, на полу перед седлом. И секундой позже я нащупал искомое: деталька закатилась между ридикулем и подножием седла и застряла там.

– Нашел! – провозгласил я, садясь и приподнимая стерженек так, чтобы Амелия тоже его увидела. – И вовсе он не сломан!

– Тогда почему же он вывалился?

Я присмотрелся внимательнее и обнаружил, что с обоих концов стерженька сделана винтовая нарезка, но крайние витки резьбы выделяются особым блеском – стержень просто вырывало из гнезда. Я обратил внимание Амелии на этот дефект, и она сказала:

– Теперь я вспоминаю, что сэр Уильям жаловался на мастеровых, выточивших какой-то из никелевых стержней не по чертежу. Вы сумеете поставить его на место?

– Попытаюсь.

Понадобилось, наверное, минут пять, чтобы при столь обманчивом освещении отыскать втулки с нарезными гнездами для стерженька, и еще гораздо больше, чтобы привести рычаг в удобное положение и попробовать вставить стерженек в гнезда.

– Он слишком короток! – воскликнул я в отчаянии. – Что я ни делаю, он все равно слишком короток...

– Но он крепится именно здесь, больше нигде!

В конце концов я догадался, что можно немного вывинтить втулки из рычага и до известной степени облегчить себе задачу. Когда мне удалось привести стержень в соприкосновение с обеими втулками, я с величайшим терпением стал ввертывать его в гнезда (к счастью, сэр Уильям сделал резьбу разносторонней, чтобы каждый оборот затягивал крепление в обеих втулках разом). И стерженек удержался, хоть и еле-еле: мне при всем желании не удалось ввинтить его больше чем на полвитка.

Я устало выпрямился в седле, и руки Амелии вновь обвили меня. Машина времени все еще рыскала, но куда тише, чем до сих пор, а кружение ослепительного пятнышка света стало почти незаметным. В его резком сиянии мы боялись пошевелиться; с трудом верилось, что нам действительно удалось избавиться от невыносимой качки. Прямо передо мной вращалось во всю прыть маховое колесо, однако регулярная смена дня и ночи почему-то прекратилась.

– Вот теперь мы, по-моему, в безопасности, – заявил я, впрочем, без особой уверенности.

– Мы, должно быть, скоро остановимся. Когда машина застопорит, ни один из нас не вправе двинуться с места. Три минуты – и машина ляжет на обратный курс.

– И доставит нас обратно в лабораторию? – осведомился я.

Амелия колебалась, прежде чем ответить, но все же произнесла:

– Да, разумеется.

Я понял, что она уверена в этом не больше меня. Ни с того ни с сего машина времени опять круто накренилась, и у нас обоих перехватило дыхание. Я заметил, что маховое колесо замерло... услышал, как вокруг свистит воздух... почувствовал, как нас внезапно обдало холодом. До меня дошло, что мы больше не защищены четвертым измерением, что мы падаем куда-то, и я в полном отчаянии вновь схватился за рычаг...

– Эдуард!.. – вскричала Амелия у меня над ухом. И это было последнее, что я услышал. Последовал страшный удар. Машина остановилась, и Амелию вместе со мной выбросило за борт, во тьму.

8

Я лежал в полной темноте, покрытый – мне казалось, с головы до ног – чем-то кожистым и сырым. Попытался подняться, но ничего не добился, только без толку подергал ногами и руками и провалился в трясину еще глубже. Какая-то пленка опустилась мне на лицо, и я отчаянно скинул ее, боясь задохнуться. И неожиданно закашлялся: мне не хватало воздуха, я всасывал его в легкие из последних сил. Как утопающий, я инстинктивно рванулся вверх, опасаясь, что иначе умру от удушья. Не попадалось ничего, за что можно было бы ухватиться, одна лишь мягкая, скользкая, влажная масса. Словно меня кинули головой вниз в огромную банку с водорослями.

Я падал, я понимал, что падаю, – и больше не сопротивлялся. Я совершенно отчаялся и, наверное, утонул бы в этой пропитанной влагой листве: куда бы я ни повернул голову, лицо покрывала та же омерзительная тина. Я ощущал во рту ее вкус – пресный, водянистый, с налетом железа.

Но тут неподалеку послышался вздох, и я закричал:

– Амелия!..

Голос мой прозвучал жутким хриплым карканьем, к тому же я опять закашлялся.

– Эдуард? – отозвался резкий испуганный шепот и тоже перешел в кашель.

До Амелии не могло быть больше трех-четырех ярдов, но я ее не видел и даже толком не знал, в каком направлении смотреть.

– Вы не ранены? – спросил я и еще раз кашлянул, но слабее.

– Машина времени... Мы должны вернуться на борт, Эдуард. Она вот-вот уйдет обратно...

– Но где она?

– Рядом со мной. Не могу до нее дотянуться, но чувствую ее ногой.

После некоторого колебания я решил, что Амелия слева от меня, и попытался подвигнуться в ту сторону, барахтаясь в омерзительной тине, вытягивая руки в надежде зацепиться за какую-нибудь кочку или корягу.

– Где вы? – позвал я, силясь выжать из своего голоса хоть что-то, кроме жалкого сипенья.

– Я здесь, Эдуард. Ориентируйтесь на мой голос. – Амелия была теперь ближе ко мне, но слова ее звучали странно, сдавленно, словно она тонула. – Я поскользнулась... Не могу найти машину времени... Она же здесь, где-то здесь...

Я отчаянно рванулся к Амелии сквозь водоросли и почти сразу же столкнулся с ней. Мой локоть коснулся ее груди, и она сама схватила меня за руку.

– Эдуард! Надо немедленно найти машину!..

– Вы говорили, что она где-то здесь?

– Тут, близко... подле самых моих ног...

В поисках машины я отползал от Амелии и возвращался к ней, выкидывая руки то вправо, то влево. Сама Амелия каким-то образом выпрямилась и пододвинулась ко мне. Скользя и срываясь, кашляя и тяжело дыша, дрожа от холода, пронизывающего до костей, мы продолжали свои безнадежные поиски куда дольше трех минут. Ни она, ни я не могли смириться с мыслью, что три минуты – это все, что нам отпустила судьба.

Глава VI. В неведомой стране будущего

1

Наша борьба за жизнь неминуемо тянула нас вниз, и вскоре я нащупал под ногами твердую почву. Я тут же громко оповестил об этом Амелию и помог ей встать на ноги. И вновь пришлось бороться – теперь уже за то, чтобы сохранить равновесие, невзирая на опутавшую все тело тину. Мы оба промокли до нитки, а воздух был леденяще холоден.

Наконец мы высвободились из цепких растительных пут и выбрались на неровный каменистый грунт. Отошли от кромки водорослей на каких-нибудь пять шагов и рухнули в изнеможении. Амелию трясло от холода, и она не выразила протеста, когда я обвил ее рукой и притянул к себе, стараясь согреть. В конце концов я заявил:

– Нам нужно найти пристанище.

Я все время озирался в надежде заметить дома, но единственное, что удавалось увидеть при свете звезд, была явная пустошь. Отличительную ее черту составляла лишь растительная гряда – та самая, откуда мы еле-еле выбрались, – она возвышалась над нашими головами чуть не на сотню футов.

Амелия молчала, ее по-прежнему сотрясала дрожь. Я встал и начал стаскивать с себя сюртук.

– Пожалуйста, накиньте это на плечи.

– Но вы зачленеете до смерти.

– Вы промокли насквозь, Амелия.

– Мы оба промокли. Надо двигаться, иначе не согреться.

– Сейчас, – откликнулся я и вновь опустился рядом с нею. Сюртук остался на мне, но я расстегнул его и отчасти накрыл им Амелию, когда обнял ее за плечи. – Сначала надо немного отдышаться.

Амелия прижалась ко мне и спросила:

– Эдуард, где мы?

– Знаю не больше вашего. Где-то в будущем.

– Но почему так холодно? Почему так трудно дышать?

Я мог лишь поделиться с нею своей догадкой.

– Мы оказались на значительной высоте. Нас забросило в горный район.

– Однако земля здесь ровная!

– Следовательно, мы на плато, – не растерялся я. – А воздух разрежен из-за высоты.

– Пожалуй, я и сама пришла к подобному выводу, – сказала Амелия. – Прошлым летом я ездила в Швейцарию, и там на высоте дышать было так же трудно, как здесь.

– Но это безусловно не Швейцария.

– Подождем до утра, тогда и выясним наше местонахождение, – решительно произнесла Амелия. – Должны же где-нибудь неподалеку быть люди.

– А если мы за границей, что кажется вполне вероятным?

– Я знаю четыре языка, Эдуард, и еще несколько могу отличить от других. К тому же все, что от нас потребуется, – это установить дорогу до ближайшего города, а уж там мы как-нибудь разыщем британского консула.

Но в течение всего разговора я ни на минуту не забывал страшную сцену, которую мне довелось мимолетно увидеть сквозь стены лаборатории.

– Мы убедились, что в тысяча девятьсот третьем разразилась война, – сказал я. – Где бы мы ни были сейчас, в какой бы год ни попали, не может ли случиться, что она все еще не кончилась?

– Вы же видите: вокруг все тихо, никаких признаков военных действий. Но даже если идет война, мирных путешественников никто не тронет. На то есть консульства в каждом крупном городе мира.

При создавшихся обстоятельствах она держалась с удивительным оптимизмом, и это меня приободрило. В первый момент, когда я понял, что мы потеряли машину, меня охватило отчаяние. Как ни кинь, а перспективы у нас были, мягко говоря, сомнительными; Амелия, по-видимому, еще просто не осознала постигшее нас несчастье в полной мере. У нас было очень мало денег и ни малейшего представления о том, что творится в мире, о причинах, породивших войну 1903 года. Кто мог бы поручиться, что мы не очутились на вражеской территории и что нас, едва обнаружив, тут же не упрячут в тюрьму?

Пока что перед нами стояла насущная задача – дожить до утра вопреки холоду, – и она с каждой минутой представлялась все более неразрешимой. Нам повезло, что ночь выдалась безветренной, однако эта единственная милость судьбы не очень-то утешала. Почва у нас под ногами промерзла как камень, дыхание белыми облачками клубилось вокруг лиц.

– Надо двигаться, – снова предложил я. – Иначе мы схватим воспаление легких.

Амелия не возражала, и мы поднялись на ноги. Я принялся подпрыгивать на месте, но, должно быть, потерял много сил, даже не догадываясь об этом, – во всяком случае, я сразу же споткнулся. Амелии тоже пришлось несладко, и она пошатнулась, едва взмахнув раз-другой руками над головой.

– Что-то мне нехорошо, – признался я. Мне опять не хватало воздуха.

– И мне.

– Значит, нам нельзя напрягаться.

Я в отчаянии огляделся по сторонам, однако вокруг по-прежнему не было видно ничего, кроме растительной стены, вырисовывающейся на фоне звезд. Убежище, которое предлагала эта стена, было, возможно, сырым и противным, но для нас с Амелией единственным. Так я и сказал своей спутнице. Она тоже не могла придумать ничего лучшего, и мы, держась за руки, вернулись под защиту «водорослей». На самом краю поднимался обособленный куст – или, скорее, пучок стеблей, – и я пробы ради ощупал его руками. Стебли показались мне сухими, а почва вокруг них – не столь каменной, как та, на которой мы только что сидели.

Меня осенила догадка, я отделил один стебель от остальных и переломил его. По пальцам тотчас же потекла ледяная влага.

– Растения выделяют сок на изломе, – сказал я, протягивая стебель Амелии. – Если забраться под навес листьев, не задевая ветвей, мы больше не вымокнем.

Сев на грунт лицом к зарослям, я начал потихоньку вползать в укрытие. Я полз методично и не торопясь и вскоре очутился в темном и безмолвном растительном коконе. Мгновением позже за мной последовала Амелия, подобралась ко мне вплотную и затихла.

Откровенно говоря, лежать под кустом – удовольствие ниже среднего, но все же это предпочтительнее, чем быть игрушкой ветров на равнине. Минуты шли, мы не шевелились, и я мало-помалу стал чувствовать себя лучше: видимо, в тесноте тепло наших тел улетучивалось не так быстро.

Я потянулся к Амелии – нас разделяло всего-то дюймов шесть, не больше, – и положил руку ей на плечо. Ткань ее жакета была еще влажной на ощупь, но сама она, по-видимому, тоже немного согрелась.

– Разрешите, я обниму вас, – произнес я. – Не позволим холоду снова завладеть нами.

Я привлек ее к себе. Она пододвинулась без сопротивления, и мы оказались совсем рядом, лицом к лицу в совершенной тьме. Довольно было чуть шевельнуть головой, чтобы соприкоснуться носами; тогда я не выдержал и крепко поцеловал ее в губы.

Она тут же отстранилась.

– Пожалуйста, не злоупотребляйте своей силой, Эдуард.

– Как вы можете обвинять меня в этом? Нам надо сберечь тепло.

– Вот и давайте сберегать тепло, не больше. Я вовсе не хочу, чтобы вы меня целовали.

– Но я думал...

– Обстоятельства свели нас вместе. Однако не стоит забывать, что мы едва знаем друг друга.

Я не верил своим ушам. Дружеское поведение Амелии в течение всего дня я принимал как доказательство того, что и она равнодушна ко мне, и, несмотря на трагичность нашего положения, одной ее близости было достаточно, чтобы воспламенить мои чувства. Мне казалось, она не отвергнет моего поцелуя, но после такого отпора я сразу замолк, растерянный и уязвленный.

Три-четыре минуты спустя Амелия опять шевельнулась и легонько коснулась моего лба губами.

– Вы мне очень нравитесь, Эдуард, – сказала она. – Разве этого мало?

– Я думал... признаться, я был уверен, что вы...

– Что я сказала или сделала такого, что дало бы вам право предполагать с моей стороны чувство большее, нежели просто дружбу?

– Мм... ничего.

– Тогда, пожалуйста, не делайте глупостей.

Она обняла меня одной рукой и прижала к себе чуть плотнее, чем раньше. И в течение всей бесконечной ночи мы лежали почти без движения, едва разминая мышцы, когда они совсем затекут, и без сна – дремота если и приходила, то изредка и ненадолго.

Рассвет наступил внезапно. Только что мы лежали в темноте и безмолвии – и вдруг сквозь листву просочился слепящий свет. Мы разом встрепенулись, словно предчувствуя, что предстоящий день навсегда врежется в нашу память.

Это было нелегко, но мы все же поднялись и неуверенными шагами двинулись прочь от зарослей, навстречу солнцу. Ослепительно-белое, оно до сих пор еще цеплялось за горизонт. Небо над нами было темно-синим. На нем не появлялось ни облачка.

Мы отошли от зарослей ярдов на десять, затем обернулись, чтобы рассмотреть кусты, служившие нам пристанищем.

Амелия держала меня за руку – и тут сжала ее как клещами. Я тоже замер в изумлении: растительность простиралась насколько хватал глаз и вправо и влево. Она стояла почти ровной стеной – местами чуть-чуть выпячивалась вперед, а местами отступала назад. Кое-где заросли словно громоздились друг на друга, образуя как бы холмы высотой футов по двести и более. Впрочем, все это можно было, пожалуй, предугадать, исходя из ночных впечатлений, – но никто и ничто не подготовили нас к самой большой неожиданности: что каждый стебелек, каждый листик, каждый узелок на усиках, хищно змеящихся к нам по песку, окажется яркого кроваво-красного цвета.

2

Мы в изумлении взирали на эту стену багряных растений, не в силах подобрать слова, чтобы выразить свои чувства.

Верхняя часть зарослей и в особенности самый их гребень издали выглядели гладкими и округлыми. Они действительно напоминали плавные волны холмов, хотя, разумеется,

довольно было всмотреться в них, чтобы цельная на первый взгляд поверхность распалась на тысячи и миллионы веточек.

Ниже, в той части, которая служила нам укрытием, вид зарослей менялся. Здесь набивались сил растения помоложе, те, что, вероятно, совсем недавно поднялись из семян, выброшенных из недр этого живого вала. И мы оба, Амелия и я, одновременно поддались ощущению, что вал неотвратно надвигается на нас, выкидывая все новые побеги и с каждой минутой вздымая свой гребень выше и выше.

И тут, пока мы как зачарованные смотрели на эту немыслимую стену, солнечные лучи и вправду пробудили ее к жизни: вдоль стены пронесся басовитый стон, сопровождаемый оглушительным хрустом. Колыхнулась одна веточка, следом другая, и вот уже ветки и стебли задвигались на всем протяжении живого утеса, словно танцуя какой-то бездумный танец.

Амелия снова сжала мне руку и указала на что-то прямо перед собой.

– Глядите, Эдуард! Мой ридикюль! Надо достать его!..

Футах в тридцати над нашими головами в ровной на вид поверхности зарослей зияла большая дыра. Когда Амелия бегом устремилась к ней, до меня с запозданием дошло, что это, вероятно, то самое место, куда нас столь предательски вышвырнула машина времени.

А в нескольких шагах от дыры, зацепившись за стебель, висел ридикюль, совершенно несуразный в ореоле красной листвы.

Я бросился вперед и поравнялся с Амелией в тот самый миг, когда она намеревалась вломиться в чащу растений, подняв юбку почти до колен.

– Туда нельзя! – закричал я. – Растения пробуждаются к жизни!..

Не успел я договорить, как длинный ползучий побег подкрался к нашим ногам и выбросил семенной стручок, который тотчас же взорвался. В воздухе поплыло облачко мелких, как пыль, семян.

– Эдуард, мне действительно нужен мой ридикюль!

– Но вы же не сможете влезть наверх!

– Я должна.

– Придется вам как-нибудь обойтись без пудреницы и притираний.

Она бросила на меня быстрый гневный взгляд.

– Там не только пудреница. Там деньги. Фляжка: бренди. И многое другое...

Она очертя голову кинулась в глубь красных кустов, но какая-то ветка с треском очнулась ото сна и, стремительно выпрямившись, впилась в подол ее юбки. Ткань лопнула, Амелию развернуло и сбilo с ног. Она вскрикнула и упала. Поспешив ей на помощь, я торопливо увел ее подальше от злокозненных зарослей.

– Оставайтесь здесь. Я полез сам.

Без дальнейших колебаний я нырнул в этот лес извивающихся, стонущих стеблей и стал пробираться в том направлении, где видел ридикюль в последний раз. Поначалу это было не слишком трудно: я быстро усвоил, какие стебли могут, а какие не могут выдержать мой вес. Когда растения достигли такой высоты, что закрыли небо у меня над головой, я начал взбираться вверх; не раз и не два я срывался и едва не падал, когда ветка, за которую я хватался, обламывалась под рукой, обдавая меня соком. Заросли находились в непрерывном движении, словно руки толпы, когда она волнуется, приветствуя кого-то. Подняв глаза, я вновь заметил ридикюль Амелии – тот покачивался на одном из стеблей футах в двадцати надо мной. Но мне при всем желании удалось одолеть лишь три-четыре фута, а дальше просто не на что было опереться.

Внезапно неподалеку, в нескольких ярдах справа, раздался оглушительный треск; я поневоле втянул голову в плечи, в ужасе вообразив, что это «проснулся» один из самых крупных стволов, но причина оказалась куда проще: ридикюль сам собой соскочил со стебелька. Разумеется, я с радостью оставил тщетные попытки взобраться выше и бросился в гущу колышу-

щихся нижних ветвей. Колыхались они буйно и довольно шумно; вдобавок один семенной стручок взорвался почти у самого моего уха, на время совершенно оглушив меня. Единственная мысль владела мной – поскорей бы завладеть ридикюлем и как-нибудь выбраться из этого ожившего кошмара. Не заботясь больше ни о чем – ни куда ставлю ногу, ни сколько стеблей сломаю, ни даже сильно ли вымокну, – я продрался меж растений, схватил свою добычу и поспешил выкарабкаться из зарослей на волю.

Амелия сидела прямо на камнях, и я швырнул ридикюль к ее ногам. Вопреки всякой логике, я был очень сердит на нее, хоть и сам понимал, что попросту прикрываю гневом пережитый страх.

Она поблагодарила меня, а я, отвернувшись, устался на стену багровой растительности. Стена колыхалась еще сильнее, чем прежде, отовсюду высывались бунтующие ветки и стебли. Почва по краям была усеяна свежими розовыми побегам. Растения и вправду надвигались на нас, медленно, но неумолимо. Я следил за ними минут пять без перерыва; зрелые экземпляры щедро поливали почву своим соком, орошая юные ростки.

Когда я вновь повернулся к Амелии, моя спутница вытирала лицо и руки фланелевой салфеткой, которую достала из ридикюля. А рядом на песке лежала фляга, и Амелия не замедлила протянуть ее мне:

– Хотите бренди, Эдуард?

– Спасибо, не откажусь.

Спиртное смочило мне язык и сразу разогрело меня. Но я сделал всего один глоток, предчувствуя, что содержимое фляги придется растянуть надолго.

Солнце всходило все выше, и мы оба ощущали на себе его благодатные лучи. Очевидно, нас закинуло в район экватора, так как поднималось солнце круто вверх и излучало щедрое тепло.

– Эдуард, подойдите ко мне.

Я присел на корточки подле Амелии. Она выглядела на удивление свежей, и я обратил внимание, что она успела не только обтереть лицо увлажненной салфеткой, но и расчесать волосы. Однако ее туалет был в самом плачевном состоянии: рукав жакета оторван, на юбке в том месте, куда впиалась разъяренная ветка, зияла прореха, и вся одежда с головы до ног заляпана грязно-розовыми пятнами и потеками. Впрочем, оглядев себя самого, я убедился, что и мой новый костюм приобрел столь же непривлекательный вид.

– Не хотите ли привести себя в порядок?

Амелия протянула мне салфетку. Я принял у нее кусок фланели и вытер лицо и руки.

– Как это вы умудрились прихватить ее с собой? – восхищенно произнес я, наслаждаясь неожиданным мытьем.

– Я много путешествовала. Вот и вошло в привычку готовиться к любым непредвиденным обстоятельствам...

И она показала мне несессер, где наряду с салфетками лежали квадратик мыла, зубная щетка, зеркальце, складные маникюрные ножницы и гребешок.

Я пощупал свой подбородок, которому, несомненно, скоро должна была понадобиться бритва, – но такого непредвиденного случая Амелия все же не предусмотрела. За неимением бритвы я одолжил у нее гребешок и причесался, а затем позволил ей поправить мне усы.

– Ну вот, – сказала она, подворачивая последний волосок. – Теперь мы готовы вновь примкнуть к цивилизации. Но сначала следует позавтракать, чтобы подкрепить свои силы.

Порывшись в недрах ридикюля, она извлекла из него большую плитку шоколада.

– Не разрешите ли узнать, что еще скрывается в этой кладовой? – поинтересовался я.

– К сожалению, больше ничего такого, что могло бы сослужить нам службу. И эту плитку придется расходовать экономно, другой пищи у меня нет. Съедем каждый по два квадратика, а остальное сбережем до последней крайности.

Мы жадно сжевали свои порции и запили шоколад еще одним глотком бренди. Амелия защелкнула ридикюль, и мы решительно встали.

– Пойдем в ту сторону. – Она махнула параллельно зарослям.

– Почему же в ту, а не в эту? – откликнулся я, несколько удивленный ее категоричным тоном.

– Потому что солнце поднялось оттуда, – она показала в направлении пустыни, – значит, заросли тянутся с севера на юг. Мы уже убедились, что ночью здесь невыносимый холод, а потому у нас нет другого выхода, кроме как идти к югу.

Логика была поистине безупречной. Мы отшагали не менее десяти ярдов, прежде чем я сумел подыскать возражение.

– Вы исходите из посылки, что мы по-прежнему находимся в Северном полушарии?

– Конечно. К вашему сведению, Эдуард, я уже пришла к определенному выводу насчет того, где мы очутились. Здесь так высоко и так холодно, что это наверняка Тибет.

– Если вы угадали, то мы движемся в сторону Гималаев, – сказал я.

– Как быть с Гималаями, подумаем, когда доберемся до них.

3

Вскоре выяснилось, что идти по каменистой равнине – дело отнюдь не легкое. По мере того как солнце поднималось к зениту, окружающие условия становились вполне терпимыми, а наша походка – наверное, благодаря чистому прохладному воздуху и высоте – приобрела даже определенную живость, и тем не менее мы быстро уставали и были вынуждены делать частые остановки.

Часа три мы выдерживали устойчивый темп – движение и отдых чередовались через равные промежутки времени. Ридикюль мы несли попеременно, но если меня ходьба взбадривала, Амелии каждый шаг давался все труднее: она тяжело дышала и постоянно жаловалась на головокружение.

Было и другое обстоятельство, удручавшее нас обоих: с той секунды, как мы пустились в путь, ландшафт не изменился ни на йоту. Растительная стена пересекала пустыню все таким же сплошным барьером, разве что порой чуть снижалась или, напротив, выдавалась вверх.

Солнце всходило все выше, расточая живительное тепло, и вскоре наша одежда совсем просохла. Однако лица у нас оставались незащищенными (капор Амелии был без полей, а я потерял свою шляпу в зарослях) и незамедлительно начали обгорать – мы оба одновременно почувствовали, что кожу неприятно пощипывает.

Пригревающее солнце вызвало новые метаморфозы в жизнедеятельности растений. Тошнотворные шевеления ветвей и взрывы стручков продолжались примерно час после восхода, а теперь стали редки, зато побеги тянулись к солнцу с поразительной быстротой и взрослые растения без устали поили их соком.

С самого момента крушения меня преследовала одна назойливая мысль, и я понял, что пора дать ей огласку.

– Амелия, – сказал я, – это я полностью виновен в том, что мы попали в столь затруднительное положение.

– Что вы имеете в виду?

– Мне не следовало менять курс машины времени. Это был безответственный поступок.

– Вы виновны в случившемся не более моего. Пожалуйста, не будем говорить об этом.

– Но наша жизнь того и гляди окажется в опасности!

– Тогда мы встретим опасность рука об руку, – ответила она. – Если вы не перестанете корить себя, жизнь станет попросту невыносимой. Ведь это не вы, а я... я первая затеяла садиться в машину... Главная наша забота теперь... главное – вернуться к людям...

Я бросил на Амелию быстрый взгляд и увидел, как с лица у нее сбежала краска, а веки наполовину смежились. Мгновением позже она пошатнулась, беспомощно посмотрела на меня и упала, вытянувшись во весь рост на песке. Я бросился к ней.

– Амелия! – позвал я взволнованно, но она не шевельнулась.

Схватив ее за руку, я нащупал пульс: он был слабый и неровный.

Ридикюль оставался у меня, и я, повозившись с застежкой, открыл его. Я знал заведомо, что там должно быть что-либо подобное, и тем не менее пришлось перевернуть все содержимое, прежде чем на дне ридикюля отыскался крошечный флакончик с нюхательной солью. Свинтив колпачок, я помахал им у Амелии перед носом.

Реакция не заставила себя ждать. Амелия сильно закашлялась и попыталась отстраниться. Обняв девушку одной рукой за плечи, я помог ей сесть. Кашель не прекращался, на глаза у нее навернулись слезы. Тут я кстати вспомнил прием, который мне однажды показывали, и почти сложил Амелию пополам, мягко пригибая ей голову к коленям.

Через несколько минут она выпрямилась и посмотрела на меня осмысленным взглядом, но лицо у нее было по-прежнему бледным, а глаза все еще слезились.

– Мы слишком долго шли без пищи, – проговорила она. – У меня закружилась голова, ну и вот...

– Это, вероятно, высота. – Я пришел ей на помощь. – Надо будет спуститься с плато при первой же возможности...

Порывшись в ридикюле, я достал плитку шоколада. Мы ведь едва почали ее, большая часть была в целости, и я, отломив еще два квадратика, протянул их Амелии.

– Нет, нет, Эдуард, не надо.

– Съешьте, – настаивал я. – Вы слабее меня.

– Мы совсем недавно завтракали. Будем экономными. – И, отобрав у меня шоколадные квадратик, она решительно засунула их вместе со всей плиткой обратно в ридикюль. – Вот что я действительно хотела бы, так это стакан воды. Жажда меня совершенно замучила.

– А вам не приходило в голову, что сок этих растений можно пить?

– Если мы не найдем воды, то рано или поздно придется это проверить.

– Знаете, – сказал я, – когда нас вышвырнуло в заросли ночью, я нечаянно хлебнул немного сока. В общем-то он напоминает воду, только слегка горчит.

Спустя две-три минуты Амелия поднялась на ноги, пожалуй, не слишком уверенно, и заявила, что может идти дальше. На всякий случай я заставил ее сделать еще глоток бренди. Но хотя мы шли медленнее, чем прежде, Амелия через несколько шагов пошатнулась снова. Сознания она на этот раз не теряла, но призналась, что ее тошнит. Мы отдыхали целых полчаса, а солнце упорно взбиралось по небосклону.

– Прошу вас, Амелия, съешьте немного шоколаду. Уверен, что единственная причина вашего недомогания – недостаток пищи.

– Я не более голодна, чем вы, – ответила она. – Дело вовсе не в голоде.

– Тогда в чем же?

– Не могу вам сказать.

– Но вам известна причина?

Амелия кивнула.

– Если вы сообщите ее мне, я постараюсь придумать, как вам помочь.

– Вы не можете мне помочь, Эдуард. Я сейчас приду в себя.

Я опустил перед девушкой на песок и положил руки ей на плечи.

– Амелия, мы просто не знаем, сколько нам еще идти. И мы никуда не дойдем, если вы больны.

– Я не больна.

– Мне сдается, что это не так.

– Я испытываю определенные неудобства, но я вполне здорова.

– Тогда будьте добры, держите себя в руках, – бросил я.

Моя озабоченность неожиданно для меня самого обернулась раздражением. Амелия помолчала немного, потом, опираясь на мою руку, поднялась и сказала:

– Ждите меня здесь, Эдуард. Я долго не задержусь.

Забрав у меня ридикюль, она медленно двинулась к зарослям. Осторожно протиснулась меж молодых кустиков на опушке, шагнула вглубь, к более высоким растениям. А достигнув их, обернулась, взглянула в мою сторону, затем пригнулась и скрылась из виду. Я встал спиной к Амелии, догадавшись наконец, что она ищет полного уединения.

Прошло пять минут, семь, десять – она не показывалась. Через четверть часа я начал беспокоиться. С тех пор как Амелия исчезла в зарослях, кругом повисла могильная тишина. Но, невзирая на растущую тревогу, я понимал, что уважение к спутнице обязывает меня подождать еще. Я ждал, судя по часам, более двадцати минут, когда до меня донесся неуверенный голос:

– Эдуард!..

Не в силах дольше сдерживаться, я бросился сквозь красные заросли напролом туда, где видел Амелию в последний раз. Меня терзала мысль, что на нее обрушилось какое-то страшное несчастье, – но никакое воображение не могло подготовить меня к тому, что открылось моему взору. Я замер как вкопанный и тут же отвел глаза: Амелия сняла с себя юбку и блузку и осталась в одном белье. Правда, она подняла юбку перед собой, пытаясь как-то заслониться от меня; в глазах у нее читались мольба, испуг и откровенное замешательство.

– Эдуард, у меня ничего не получается. Пожалуйста, помогите мне...

– Что случилось? – вскричал я в изумлении.

– У меня слишком тугой корсет. Я едва дышу. Но никак не могу развязать шнурки... – Она громко всхлипнула и продолжала: – Я не хотела, чтобы вы догадались, но я же не была одна ни минуты со вчерашнего дня. Я задыхаюсь от боли. Ради всего святого, помогите мне...

Не стану отрицать, что патетичность ее выражений меня слегка позабавила, но я подавил улыбку и шагнул вперед, чтобы очутиться у Амелии за спиной.

– Что я должен делать?

– Развязать шнурки. Они должны быть завязаны внизу бантиком, но я нечаянно затянула узел...

Присмотревшись, я понял, что она имеет в виду. Я вцепился в узел ногтями и распутал его, в общем, без особого труда.

– Ну вот, – произнес я, отворачиваясь. – Готово.

– Будьте добры, расшнуруйте меня, Эдуард. Я сама не смогу дотянуться.

Чувства, которые я жестоко подавлял в себе, вдруг вырвались наружу, и я воскликнул:

– Не хватает еще, чтобы я вас раздевал!

– Я прошу вас распустить шнурки, только и всего.

И пришлось мне, переборов себя, приступить к кропотливому труду – выдергивать шнурки из петель. Когда задача была наполовину решена и шнуровка корсета чуть-чуть ослабла, я воочию увидел, как туго он впивался в тело. Из верхних петель шнурки вылетели сами собой, и броня распалась на части. Амелия стащила ее с себя, а затем сердито отшвырнула прочь и обратилась ко мне:

– Не могу выразить, как я благодарна вам, Эдуард. Еще мгновение – и я, наверное, задохнулась бы.

Если бы она сама не повернулась ко мне, я считал бы свое пребывание с нею рядом совершенно неподобающим, но она позволила юбке упасть к ногам, открыв мне сорочку из легчайшего материала и высокую грудь. Я не сдержался и подался вперед, намереваясь заключить Амелию в объятия, но она отпрянула и к тому же загородилась юбкой как ширмой.

– А сейчас оставьте меня, – попросила она. – Одеться я сумею и без посторонней помощи.

4

Когда две-три минуты спустя Амелия вышла из зарослей, она была полностью одета, а корсет держала на весу, пропустив его между ручками ридикюля.

– Почему вы не захотели расстаться с ним совсем? – поинтересовался я. – Вряд ли вам требуются новые доказательства, что эту штуку носить нельзя.

– Можно, если не слишком долго, – возразила она, но вид у нее при этом был весьма смущенный. – Сегодня я отдохну от него, а завтра надену снова.

– Заранее предвкушаю, как завтра мне придется помогать вам, – заявил я вполне чисто-сердечно.

– Вашей помощи не потребуется. К завтрашнему дню мы вернемся в лоно цивилизации, и я найму себе служанку.

Краска смущения еще не сошла с ее лица, да и я не избавился от возбуждения, а потому счел возможным добавить:

– Если вы хоть как-то считаетесь с моим мнением, смею вас заверить, что ваша фигура отнюдь не нуждается в корсете.

– Ваше замечание неуместно. Пора продолжать путь.

Амелия двинулась вперед, и мне пришлось последовать ее примеру.

Происшествие с корсетом на время отвлекло нас от опасностей нашего положения; теперь мы заметили, что солнце продвинулось достаточно далеко на запад и заросли начали отбрасывать тень. Едва мы ступали на затененный участок, на нас сразу же веяло холодом.

После получаса размеренной ходьбы я собрался предложить передышку, но тут Амелия внезапно остановилась. Впереди лежала неглубокая низинка, и девушка не замедлила подойти к ее краю, а я следом.

– Нам предстоит разбить бивуак на ночь. Полагаю, надо заняться этим не откладывая.

– Вообще-то я не возражаю. Но не следует ли сперва продвинуться еще дальше на юг?

– Нет, это место подходит как нельзя лучше. Мы проведем ночь здесь.

– Под открытым небом?

– Ну, зачем же? У нас хватит времени до прихода ночи устроить настоящий лагерь. – Амелия изучала низинку самым внимательным образом. – Когда я была в Швейцарии, мне показывали, как возводить укрытия на случай крайней необходимости. Нам надо лишь немного углубить эту дыру и надстроить вокруг бортики. Если вы займетесь этим, я тем временем нарежу стеблей.

Мы препирались минуты две-три – я полагал разумным идти до тех пор, пока не начнет смеркаться, – но Амелия стояла на своем. Кончилось тем, что она сняла жакет и направилась к зарослям, а я присел на корточки и принялся выгребать песчаный грунт голыми руками. Однако прошло еще не меньше двух часов, прежде чем наш импровизированный лагерь стал удовлетворять хотя бы элементарным требованиям. Я расчистил низинку от самых крупных камней, а Амелия наломала пушистых ветвей, напоминающих папоротник. Ветви мы сложили в низинке стогом, словно намереваясь развести костер, но, разумеется, мы собирались не поджигать стог, а забраться внутрь, поближе к его основанию.

Солнце уже почти скрылось, и мы с Амелией вновь ощутили холод.

– По-моему, мы сделали все, что могли, – сказала она.

– Так не пора ли нам залезть в нашу нору? – Только теперь я по достоинству оцепил мудрость Амелии, настоявшей на том, чтобы подготовиться к ночи заранее. Не остановись мы здесь, нам бы ни за что не успеть так основательно защититься от холода.

– Хотите пить?

– Спасибо, мне ничего не надо, – ответил я. Но я лгал – горло у меня пересохло с самого утра.

– Вы же и капли во рту не держали.

– Как-нибудь переживу ночь.

Амелия указала мне на длинный ползучий стебель из тех, что она не кинула в стог, а сложила в сторонке. Отломив часть стебля, она протянула его мне со словами:

– Выпейте соку, Эдуард. Это не опасно.

– А если сок ядовит?

– Отнюдь нет. Я попробовала его еще когда возилась с корсетом. Он очень освежает и, по-моему, не дает никаких неприятных последствий.

Я поднес срез стебля к губам и неуверенно потянул в себя содержимое. Рот мгновенно наполнила холодная жидкость с каким-то острым привкусом, и я быстро ее проглотил. После одного-двух глотков привкус перестал казаться неприятным.

– Послушайте, это же точь-в-точь микстура, какую мне прописывали в детстве!

Амелия улыбнулась:

– Значит, вы тоже ее пили! А я-то гадала, заметите ли вы сходство...

– Только в детстве мне давали обычно еще и ложку меда, чтобы снять привкус.

– Ну что ж, на сей раз вам придется обойтись без меда.

Я ответил храбро:

– Как знать...

Амелия бросила на меня проницательный взгляд, а потом смутилась, хоть и не так сильно, как раньше. Я отшвырнул напоивший меня стебель и помог ей забраться в убежище, уготованное нам на ночь.

Глава VII. Мы раскрываем истину

1

Довольно долгое время мы лежали тихо, не шевелясь. Хотя Амелия и постаралась выбрать самые сухие растения, мы вскоре обнаружили, что под тяжестью наших тел они все равно сочатся влагой. К тому же малейшее движение – и к нам проникали струйки наружного воздуха. Правда, я ухитрился немного подремать, но за Амелию не ручаюсь. Разбуженный холодом, который предательски подкрался к моим ногам, я понял, что она совершенно заоченела.

– Эдуард, неужели нам суждено умереть здесь? – только и спросила она.

– Не думаю, – ответил я без промедления. Признаться, минувшим днем подобная перспектива мне и самому приходила в голову, и я попытался заранее найти какие-то аргументы в утешение Амелии. – Не может быть, чтобы нам оставалось далеко идти.

– Но мы погибнем от голода!

– У нас еще есть шоколад. И, как вы справедливо заметили, сок этих растений питателен.

По крайней мере, это была правда: мой желудок настоятельно требовал твердой пищи, однако с тех пор, как я рискнул выпить соку, сил у меня заметно прибавилось.

– Если не от голода, то от холода. Долго я не выдержу.

Ее била дрожь, и я не мог не слышать, как во время разговора у нее стучат зубы. Наш бивуак пока что не оправдывал надежд.

– Пожалуйста, разрешите мне, – сказал я и, не дожидаясь ее согласия, придвинулся к ней и обнял ее за шею. Отпор, полученный накануне, еще не изгладился из моей памяти, и я испытал облегчение, когда Амелия с готовностью припала головой к моему плечу и положила руку мне на грудь. Тогда я приподнял колени, чтобы дать ей возможность поджать ноги. Но, устраиваясь поудобнее, мы невольно потревожили накрывающее нас одеяло листьев и потратили немало времени, прежде чем сумели вновь расправить его.

Наконец, мы успокоились, силясь хотя бы восстановить то относительное тепло, каким располагали поначалу. Минуты шли за минутами – мы молчали, пока наша близость не стала сказываться и я не почувствовал себя немного уютнее.

– Эдуард, вы спите? – спросила Амелия совсем тихо.

– Нет, – отозвался я.

– Мне все еще холодно. Может, надо встать и нарезать еще листьев?

– По-моему, лучше просто лежать и не шевелиться. Тепло придет само собой.

– Обнимите меня.

То, что последовало за этой в общем-то невинной просьбой, я не сумел бы представить себе даже в самых смелых мечтах. Повинуясь порыву, я привлек Амелию к себе, в ту же секунду она обвила меня руками, и мы очутились в объятиях друг друга – настолько тесных, что я отбросил всякую осторожность.

Щека Амелии была прижата к моей щеке, и я вдруг ощутил, что эта бархатная щека ласково трется о мою! Я ответил тем же – и тут понял, что любовь и страсть, которые я так старательно подавлял в себе все это время, вот-вот выйдут из-под контроля. В глубине души я знал наперед, что позже пожалею о своей несдержанности, но тут же забыл об этом: мои чувства требовали немедленного выхода. У самых моих губ оказался изгиб девичьей шеи, и, не пытаясь более противостоять судьбе, я прижался к этому нежному изгибу и поцеловал его с отменной пылкостью. Амелия в ответ обняла меня еще крепче, и мы оба совершенно перестали заботиться о сохранности нашего убежища.

Я чуть-чуть отстранился, Амелия повернула ко мне лицо и прильнула губами к моим губам. Я ответил так горячо, что чуть не задушил ее. Когда мы наконец прервали затянувшийся поцелуй, наши лица разделяли какие-нибудь полдюйма, и тогда я сказал с непритворной убежденностью:

– Я люблю вас, Амелия.

Она не отозвалась, лишь опять привлекла меня к себе, и мы снова целовались как безумные, не в силах остановиться. Амелия была для меня всем, мироздание словно прекратило существовать, и по крайней мере на время я совершенно перестал замечать необычность окружающей обстановки. Я хотел одного – чтобы так продолжалось вечно. И Амелия, судя по ее реакции, разделяла мои чувства.

И вдруг она отдернула руку, отвернулась от меня и громко заплакала.

Возбуждение разом спало, и я ощутил огромную усталость. Я как бы упал откуда-то с высоты, уткнувшись лицом во впадинку между шеей Амелии и ее плечом. Это продолжалось бесконечно долго: мы не шевелились, я дышал болезненно, с трудом, и мое дыхание в замкнутом пространстве обдавало меня жаром. Амелия плакала, и слезинки, капая у нее с виска, стекали одна за другой по моей щеке.

2

Я шевельнулся один-единственный раз, когда левую руку свела судорога, а затем вновь лежал тихо-тихо, защищая Амелию от холода своим телом.

Разум мой, казалось, совершенно бездействовал, желание оправдаться перед самим собой иссякло так же быстро, как и необузданная страстность. Иссякло и желание обвинять себя в чем бы то ни было. Губы слегка саднило, я еще чувствовал вкус поцелуев Амелии. Пряди ее волос щекотали мне лоб – я не отодвигался.

Проплакав несколько минут, она успокоилась. Чуть позже ее дыхание стало размеренным, и я понял, что она заснула. Я тоже мало-помалу почувствовал, что усталость, скопившаяся за день, дает себя знать, сознание затуманилось, и с течением времени я позволил себе забыться.

Не знаю, долго ли я спал, только вдруг снова отдал себе отчет, что бодрствую, так и не изменив положения тела за всю ночь. Неужели мы раньше никак не могли согреться? Теперь я буквально пылал огнем. К тому же я заснул в очень неудобной позе, и у меня отчаянно затекла спина. Безумно хотелось двинуть рукой, на мгновение выпрямиться, в довершение бед жесткий воротничок рубашки врезался мне в шею, а медная запонка больно впилась в гортань. Однако я боялся разбудить Амелию и продолжал лежать в надежде, что меня опять сморит сон.

Вопреки ожиданию и невзирая на все наши приключения, настроение у меня было довольно бодрое. Если вдуматься как следует, наши шансы на жизнь оставались зыбкими; Амелия, видимо, тоже понимала это. Если мы не доберемся до жилья в ближайшие сутки, то скорее всего найдем свою смерть здесь, на плато.

И тем не менее я не мог, не в силах был вычеркнуть из памяти тот миг, когда невзначай заглянул в будущее Амелии. Я знал, что если Амелия окажется в Ричмонде в 1903 году, она неизбежно погибнет в пламени, охватившем дом сэра Уильяма. Возможно, я действовал тогда неосознанно, но свои безответственные эксперименты с машиной времени я предпринял именно с целью защитить Амелию от ее судьбы. Это, правда, повлекло за собой наше нынешнее затруднительное положение, зато совесть моя была спокойна.

Где бы мы ни оказались, какой бы год ни шел на Земле, я твердо решил, что мне делать. Отныне я буду считать главной задачей своей жизни проследить, чтобы Амелия не вернулась в Англию до тех пор, пока этот ужасный день 1903 года не канет в вечность.

Я уже объяснился ей в любви, и она, кажется, ответила мне взаимностью; после этого мне не так уж трудно будет поклясться ей в том, что моя любовь безгранична, и предложить выйти за меня замуж. Согласится ли она на мое предложение, я, разумеется, ручаться не мог, но многое зависело от моей настойчивости и терпения. А если Амелия станет моей женой, то должна будет считаться с моей волей. Да, конечно, она явно благородных кровей, а моя родословная куда скромнее, – но ведь до сих пор, возражал я себе, это никак не влияло на наши отношения. Амелия – девушка эмансипированная, и если наша любовь – не обман, различие в происхождении не должно повредить нашему счастью...

– Эдуард, вы не спите? – прошептала она мне на ухо.

– Нет. Я разбудил вас?

– Тоже нет. Я проснулась сама, и довольно давно. А теперь услышала, как вы вздохнули.

– Что, уже светает? – спросил я.

– По-моему, еще темно.

– Я, наверное, должен подвинуться. Боюсь, я и так вас почти раздавил.

Ее руки, все еще обнимавшие меня за шею, на мгновение сжались чуть сильнее.

– Пожалуйста, оставайтесь на месте.

– Мне вовсе не хотелось бы удерживать вас силой.

– Это я вас удерживаю. Вы, оказывается, очень неплохо заменяете собой одеяло.

Я слегка приподнялся, почти касаясь лицом ее лица. Вокруг нас в темноте шуршали, перешептывались листья. Я торжественно произнес:

– Амелия, я должен кое-что вам сказать. Я всей душой люблю вас.

И вновь ее руки сжались чуть сильнее, опуская мою голову вниз, пока наши щеки не соприкоснулись.

– Эдуард, милый, – ласково проговорила она.

– Вы больше ничего не хотите мне сказать?

– Только одно... Мне очень жаль, что так получилось.

– Вы меня не любите?

– Не знаю, Эдуард.

– Прошу вас, будьте моей женой. – Я не видел, но почувствовал, как она покачала головой. Но вслух она ничего не ответила. – Вы выйдете за меня, Амелия?..

Она продолжала молчать, и я ждал, не в силах скрыть волнение. Амелия лежала теперь неподвижно, руки ее были сомкнуты у меня за спиной, но оставались спокойными и безучастными.

– Просто не могу представить себе жизни без вас, Амелия, – сказал я. – Мы знакомы, в сущности, так недавно, а кажется, будто я знал вас всегда.

– Мне тоже так кажется, – откликнулась она почти неслышно, каким-то безжизненным голосом.

– Тогда прошу вас – выходите за меня замуж. Когда мы доберемся до населенных мест, то разыщем британского консула или священника-миссионера и сможем пожениться немедленно.

– Не надо говорить о таких вещах.

Я спросил, совершенно упав духом:

– Вы мне отказываете?

– Ну пожалуйста, Эдуард...

– Вы уже обручены с другим?

– Нет, и я вам не отказываю. Но, по-моему, не следует говорить об этом, пока наши перспективы не определились. Мы даже не знаем, в какой стране находимся. А следовательно...

Она запнулась. Ее слова звучали неуверенно и неубедительно.

– А завтра, – настаивал я, – когда мы узнаем, куда нас занесло, у вас отыщется какой-нибудь другой предлог? Я ведь спрашиваю вас только об одном: любите ли вы меня так же, как я люблю вас?

– Не знаю, Эдуард.

– Я люблю вас больше самой жизни. Можете ли вы сказать то же обо мне?

Внезапно она повернула голову и на секунду коснулась моей щеки губами. Потом заявила:

– Вы мне очень-очень нравитесь, Эдуард.

Мне пришлось довольствоваться этим. Я приподнял голову и потянулся к ее губам. Поцелуй был мимолетным, она тут же отстранилась.

– Мы вели себя глупо, – сказала она. – Не стоит повторять прежних ошибок. Обстоятельства вынудили нас провести ночь вместе, однако мы не должны злоупотреблять доверием друг друга.

– Ну что ж, если вы так на это смотрите...

– Мой дорогой, с чего вы взяли, что нас никто не обнаружит? Разве мы не могли очутиться в чьих-то частных владениях?

– До сих пор вы не высказывали подобных предположений.

– Действительно, не высказывала, но наше уединение может оказаться обманчивым.

– Сомневаюсь, что кому-либо придет на ум всматриваться в кучу листьев!

Амелия рассмеялась и снова обняла меня:

– Надо спать. Не исключено, что впереди у нас еще долгий путь.

– Вам по-прежнему удобно в таком положении?

– Вполне. А вам?

– Меня мучает воротничок, – признался я. – Вы не сочтете невежливым, если я сниму галстук?

– До чего же вы чопорны! Разрешите, я сделаю это сама. Он, должно быть, почти удушил вас.

Я чуть-чуть приподнялся, и Амелия ловкими пальцами распустила узел и растянула не только переднюю, но и заднюю запонку. Как только она справилась со своей задачей, я принял прежнюю позу, и ее руки вновь сомкнулись у меня за спиной. Я прижался к Амелии щекой, легонько поцеловал ее в мочку уха и стал ждать, когда ко мне вернется сон.

3

Разбудил нас не восход солнца – полог листвы с успехом защищал нас от света, – а треск и стоны, вновь донесшиеся из близлежащих зарослей. Еще минуты две-три мы не решались разорвать объятий, инстинктивно стремясь сохранить тепло и взаимную нежность минувшей ночи. Наконец мы сбросили с себя покров из красных листьев и выбрались из своего убежища в сияние дня, на безжалостный солнцепек.

И не без удовольствия потянулись, разминая руки и ноги после долгой ночной неподвижности.

Наш утренний туалет был короток, а завтрак еще короче. Мы обтерли лица фланелевыми салфетками Амелии и расчесали волосы. Каждый из нас получил по два квадратика шоколада и запил их глотком растительного сока. Затем мы собрали наши скромные пожитки и приготовились продолжать путь. Я обратил внимание, что Амелия по-прежнему несет корсет между ручками ридикюля.

– Почему бы вам не оставить его здесь? – спросил я, подумав, как было бы хорошо, если бы ей никогда больше не пришлось надевать эту сбрую.

– А это? – откликнулась она, доставая из ридикюля мой воротничок и галстук. – Прикажете оставить их тоже?

– Разумеется, нет, – ответил я. – Как только мы выйдем к людям, мне опять придется их носить.

– Тогда мы поняли друг друга.

– Разница в том, – сказал я, – что мне не нужна служанка. Впрочем, у меня ее никогда и не было.

– Если ваши намерения в отношении меня действительно серьезны, вы, Эдуард, должны быть готовы к тому, что на вас ляжет и обязанность нанимать прислугу.

Амелия произнесла эти слова самым обычным сдержанным тоном, но одно то, что она упомянула о моем предложении, заставило мое сердце забиться чаще. Я отобрал у нее ридикюль и взял ее за руку. Она мельком взглянула на меня и, как мне показалось, слегка улыбнулась, но тут мы двинулись в путь и поневоле были вынуждены смотреть прямо перед собой. Стена зарослей вновь ожила и содрогалась будто в муках; мы старались держаться от нее подальше, на безопасном расстоянии.

Зная заведомо, что большую часть отмеренного на сутки пути надо одолеть до полудня, мы шли скорым шагом, останавливаясь на отдых через равные промежутки времени. Как и накануне, высота затрудняла дыхание, и говорить на ходу почти не удавалось. Однако на остановке я все же поднял вопрос, который занимал меня со вчерашнего дня.

– Как вы думаете, в какой год мы попали?

– Не имею ни малейшего представления. Все зависит от того, насколько вы сдвинули рычаги управления машиной.

– Я и сам не ведал, что творю. Помню, что схватился за циферблат, который отмеряет месяцы, и это произошло летом тысяча девятьсот второго года. Но большого рычага я не трогал, пока не сломался никелевый стержень, и теперь ломаю себе голову: а что, если система автоматического возвращения не была нарушена и мы очутились в своем родном тысяча восемьсот девяносто третьем году?

Амелия задумалась на секунду-другую, потом сказала:

– Не думаю. Если бы только вы не сломали стержень! В этот момент автоматическое возвращение прервалось и возобновилось движение к той цели, которая была задана первоначально. Вероятно, автоматика пришла в действие снова лишь после того, как эта цель была достигнута. Тогда-то мы и потеряли машину. С другой стороны, раз вы крутили месячный циферблат, сама цель тоже могла измениться. Сильно ли вы его повернули?

Я попытался вспомнить:

– Пожалуй, на несколько месяцев вперед.

– Все равно ничего нельзя сказать наверняка. Мне кажется, что мы в одном из трех возможных времен. Или мы, как вы предположили, очутились в тысяча восемьсот девяносто третьем году, только за несколько тысяч миль от дома, или авария оставила нас в тысяча девятьсот втором году, в той его минуте, какая была на циферблатах в момент, когда переломился стержень... Или же, наконец, мы передвинулись вперед на те самые несколько месяцев и находимся сейчас, допустим, в последних числах тысяча девятьсот второго или в самом начале тысяча девятьсот третьего года. В любом случае очевидно одно: нас забросило на значительное расстояние от Ричмонда.

Все эти допущения были равно непривлекательными: они означали, что кошмарный день в июне 1903 года еще впереди. Мне, естественно, отнюдь не улыбалось разъяснять Амелии вытекающие отсюда последствия, поэтому я поспешил переключиться на иную занимавшую меня тему.

– Если мы теперь вернемся в Англию, – спросил я, – возможно ли, чтобы мы встретили самих себя?

Амелия переспросила:

– Как понять ваше «если вернемся в Англию»? Разве не разумеется само собой, что мы вернемся немедленно, как только сумеем?

– Да, да, конечно, – торопливо отозвался я, мысленно осыпая себя упреками за то, что сформулировал вопрос именно таким образом. – Стало быть, это не праздное любопытство: предстоит ли нам вскоре встретить самих себя?

Амелия нахмурилась.

– Не думаю, – произнесла она, помолчав. – Мы путешествовали во времени – этот факт столь же неоспорим, как и тот, что мы путешествовали в пространстве. И если только я не ошибаюсь в корне, мы оставили мир тысяча восемьсот девяносто третьего года так же далеко позади, как Ричмонд. В настоящий момент в Англии нет ни Амелии Фицгиббон, ни Эдуарда Тернбулла.

– Что же тогда, – подхватил я, поскольку предвидел ее ответ, – подумал сэр Уильям о нашем исчезновении?

Амелия неожиданно улыбнулась.

– Чего не знаю, того не знаю. Да и не думаю, что он вообще заметил мое отсутствие до истечения двух-трех суток. Он человек, сосредоточенный всецело на своих замыслах. А когда выяснилось, что я исчезла, он, вероятно, связался с полицией, чтобы меня занесли в списки пропавших без вести. Это он, по крайней мере, считал своим долгом.

– Вы говорите о нем с такой холодностью! Уверен, что сэр Уильям был весьма озабочен вашим исчезновением.

– Я просто излагаю факты так, как представляю их себе. Я знаю, что он готовил машину времени к исследовательской экспедиции и, не опереди мы его, стал бы первым в истории путешественником в будущее. Машина в лаборатории, сэр Уильям нашел ее в целости и сохранности, – вернувшись отсюда, она встала в точности на то же место, будто ее и не трогали, – и он продолжил осуществление своих планов, не обращая внимания на окружающее.

– А если бы сэр Уильям заподозрил истинную причину нашего исчезновения, разве он не попытался бы отыскать нас с помощью той же машины?

Амелия решительно покачала головой:

– Учтите два обстоятельства. Первое: для этого он должен был бы уяснить себе, что мы самовольно использовали машину. И второе: даже если бы он заметил это, он должен был бы догадаться, где именно нас искать. Первое почти невозможно, поскольку машину по всем внешним признакам никто не трогал, а второе и вовсе немыслимо: у машины нет памяти, она не ведет записи своих маршрутов, в особенности проделанных в автоматическом режиме.

– Значит, нам придется самим искать дорогу домой?

Амелия пододвинулась ближе и взяла меня за руку.

– Вот именно, – только и сказала она.

4

Солнце миновало зенит, и стена зарослей стала вновь отбрасывать тень, а мы все шли и шли вперед. И тут, как раз когда появилась настоятельная необходимость передохнуть, я вдруг схватил свою спутницу за локоть и указал прямо перед собой.

– Смотрите, Амелия! – крикнул я. – Вон там, на горизонте!..

Открывшееся нашему взору зрелище было самым желанным из всех, какие только мы могли себе вообразить. Впереди появилось что-то металлическое, полированное, отражавшее солнечный свет нам в глаза. По устойчивости блеска можно было судить, что он никак не может исходить от естественного источника, например от моря или озера. Он был делом человеческих рук, первым признаком цивилизации.

Мы поспешили навстречу сиянию, но оно, как нарочно, в тот же миг исчезло.

– Что случилось? – забеспокоилась Амелия. – Нам что, померещилось?

– Каков бы ни был источник света, он передвинулся, – ответил я. – Об обмане зрения не может быть и речи.

Хотелось броситься вперед со всех ног, но высота по-прежнему давала себя знать, и пришлось довольствоваться обычным равномерным шагом. Через две-три минуты мы вновь заметили отраженный свет и поняли окончательно, что это не заблуждение. Тогда мы наконец вняли здравому смыслу и позволили себе короткий отдых, съели остаток шоколада и выпили соку столько, сколько смогли. Подкрепившись, мы зашагали дальше в том направлении, откуда шло прерывистое сияние, полагая, что наша затянувшаяся вынужденная прогулка вот-вот закончится.

Однако миновал еще час, прежде чем мы приблизились к источнику света достаточно, чтобы рассмотреть его; к тому времени солнце переместилось дальше по небосклону и блеск перестал резать глаза. В пустыне высилась металлическая башня – именно ее крыша и служила отражателем солнечных лучей. В разреженной атмосфере расстояния обманчивы, и, хотя мы разглядывали башню довольно долго, понадобилось подойти к ней почти вплотную, чтобы по-настоящему оценить ее размеры. Впрочем, вблизи стало видно, что башня не одинока и что на некотором отдалении от нее находятся три или четыре такие же.

Общая высота ближней башни составляла футов шестьдесят. Что же касается конструкции, то единственное, с чем я могу сравнить ее, – это с огромной вытянутой булавкой: тонкую центральную опору венчала круглая, замкнутая со всех сторон платформа. Описание мое, разумеется, не вполне точно – хотя бы потому, что у башни была не одна опора, а три. Они стояли очень близко друг к другу и поднимались к платформе строго параллельно; мы с Амелией заметили эту тройственность, лишь когда очутились прямо под башней. Все три опоры прочно уходили в грунт, но, подняв голову, я сразу же понял, что платформу можно поднимать и опускать: опоры оказались сочлененными в нескольких местах и были выполнены из телескопических труб.

Платформа, венчающая башню, в поперечнике достигала, пожалуй, десяти футов, а в высоту – семи. С одной стороны виднелось нечто напоминающее большое овальное окно, но если это и было окно, то из темного стекла, и рассмотреть что-либо за стеклом с того места, где мы стояли, не удавалось. Платформа висела над опорой на подвеске наподобие карданной, и именно подвеска позволяла ей покачиваться с боку на бок, что и вызывало отражение света, привлекавшее наше внимание. Покачивание продолжалось и теперь, но, кроме этого, на башне и вокруг нее не было заметно ни малейших признаков жизни.

– Эй, кто там наверху! – позвал я и почти сразу же повторил свой клич.

То ли меня не расслышали, то ли голос мой ослабел куда больше, чем я предполагал, только на мой призыв не последовало никакого ответа.

Пока я разглядывал башню, Амелия вдруг обогнала меня на несколько шагов, устремив свой взор в сторону зарослей. Мы вынужденно отделились от растительной стены, чтобы подойти к башне, но только теперь я уразумел, что стена отступила: она не просто оказалась дальше, чем можно было ожидать, но при том еще и снизилась. И самое главное – у подножия стены работали люди, много людей.

Амелия повернулась ко мне, и на ее лице читалась нескрываемая радость.

– Эдуард, мы спасены! – воскликнула она, подбегая ко мне, и мы от души обнялись.

Как же было не радоваться, если мы получили неоспоримые доказательства того, о чем так долго мечтали: местность обитаема. Я хотел сразу же броситься к людям, но Амелия остановила меня:

– Сначала надо привести себя в порядок. – Порывшись в ридикюле, она отдала мне воротничок и галстук. Я нацепил их на шею, а Амелия, присев на корточки, занялась своим лицом,

потом попыталась фланелевой салфеткой счистить с платья самые броские пятна, оставленные соком, и, наконец, расчесала волосы. Я испытывал крайнюю нужду в бритье, но со щетиной, увы, приходилось мириться.

Тревожила нас не только неопрятность в одежде, но и еще одно прискорбное обстоятельство. Долгие часы, проведенные на солнцепеке, не прошли для нас бесследно; по правде говоря, мы оба довольно сильно обгорели. Лицо Амелии приобрело пунцовый оттенок (мое, по ее уверению, было не лучше), и, хотя она нашла в своем ридикюле баночку с кольдкремом и попыталась смягчить кожу, ожоги причиняли ей значительные страдания.

Когда мы подготовились к встрече, она сказала:

– Я возьму вас под руку. Мы не знаем, кто эти люди, и для нас очень важно произвести на них благоприятное впечатление. Если мы будем вести себя с достоинством, к нам и отнесутся соответственно.

– А как быть с этой штукой? – Я указал на корсет, который по-прежнему открыто свисал между ручек ридикюля. – Полагаю, сейчас самая пора с ней расстаться. Если мы хотим сделать вид, что просто прогуливаемся после обеда, ваша ноша выдаст нас с головой.

Амелия нахмурилась, очевидно, не зная, как поступить. В конце концов она расправила корсет и опустила его на грунт, прислонив к одной из опор башни.

– Оставим его здесь, – решила она. – Поговорим с этими людьми, потом я смогу вернуться за ним.

Подойдя ко мне, она взяла меня под руку, и мы вместе двинулись в направлении работающих людей. И опять убедились, что в прозрачном разреженном воздухе зрение обмануло нас: заросли были еще дальше от нас, чем представлялось от подножия башни. Один раз я обернулся через плечо – платформа наверху башни по-прежнему размеренно качалась.

Приблизившись к рабочим – ни один из них пока что не заметил нас, – я обратил внимание на встревожившее меня обстоятельство. Еще не вполне разобравшись, в чем дело, я даже высказал Амелии что-то по этому поводу, но, когда мы подошли ближе, у меня отпали последние сомнения: в большинстве своем люди – а среди них были и мужчины, и женщины – работали почти совершенно обнаженными.

Я остановился как вкопанный и отвернулся.

– Дальше мне лучше идти одному, – произнес я. – Будьте добры, подождите меня.

Амелия, которая отвернулась от рабочих вслед за мной, поскольку я схватил ее за руку, теперь присмотрелась к ним повнимательнее.

– Очевидно, я менее застенчива, чем вы. От чего это вы стараетесь меня оградить?

– Они не соблюдают приличий, – пробормотал я в большом смущении. – Мне лучше поговорить с ними без вашего участия.

– Ради всего святого, Эдуард! – воскликнула Амелия, не скрывая гнева. – Мы чуть не погибли от голода, а вы допекаете меня дурацкими приличиями!

Она выпустила мою руку и двинулась вперед одна. Я бросился за ней, хоть мои щеки и пылали от замешательства. Амелия не раздумывая направилась к ближайшей группе рабочих: десятка два мужчин и женщин подсекали красные растения длинными ножами.

– Эй, ты! – обратилась она к крайнему из рубщиков, перенося на него спровоцированный мною гнев. – Ты говоришь по-английски?

Человек тотчас обернулся и уставился на нее в немом изумлении – этого мгновения мне достало, чтобы увидеть, что он очень высок, что кожа у него обожжена до красноватого оттенка и что на нем нет никакой одежды, кроме грязной набедренной повязки, – а затем пал Амелии в ноги. В тот же миг и все остальные, кто работал вокруг, побросали ножи и рухнули на грунт вниз лицом.

Амелия подняла на меня глаза, и я убедился, что ее повелительная манера исчезла так же быстро, как и появилась. Амелия явно струсила, и я поспешил подойти и встать с нею рядом.

– Что случилось? – спросила она шепотом. – Что такого я натворила?

– Очевидно, вы перепугали его до икоты.

– Извините меня, – обратилась Амелия к лежащим уже гораздо мягче. – Кто-нибудь из вас говорит по-английски? Мы очень голодны, и нам нужен ночлег...

Никто не проронил ни слова.

– Попробуйте на другом языке, – предложил я.

– Excusez-moi, parlez-vous francais? – спросила Амелия. И, не дождавшись ответа, прибавила: – Habla usted Espanol? – Затем она испробовала немецкий и итальянский.

– Никакого толку, – повернулась она ко мне. – Они ничего не понимают.

Я приблизился к тому из рабочих, к которому Амелия обратилась вначале, и опустился на корточки рядом с ним. Он приподнял лицо и уставился на меня слепыми от страха глазами.

– Встаньте, – сказал я, сопровождая свои слова жестами, понятными и ребенку. – Ну-ка, старина, поднимайтесь на ноги...

Я протянул руку, чтобы помочь ему. Он недоуменно вытаращился в ответ, но спустя минуту все же поднялся и замер передо мной понутив голову.

– Мы не сделаем вам ничего дурного, – продолжал я, вкладывая в эту фразу всю симпатию, на какую был способен, но без всякого успеха. – Чем вы, собственно, здесь занимаетесь?..

И я многозначительно глянул в сторону зарослей. На сей раз ответ не заставил себя ждать: мужчина повернулся к остальным, выкрикнул что-то неразборчивое и тут же, наклонившись, схватился за оброненный нож.

Я отступил на шаг, полагая, что сейчас мы подвергнемся нападению, но, право же, трудно было ошибиться сильнее. Рабочие повскакали на ноги, подобрали свои ножи и принялись за прерванную работу, подсекая и перерубая растения как одержимые.

Амелия тихо произнесла:

– Эдуард, это просто темные крестьяне. Они по ошибке приняли нас за надсмотрщиков.

– Значит, надо выяснить, кто же такие настоящие надсмотрщики.

Мы задержались, наблюдая за работой, еще на минуту-другую. Мужчины срезали длинные стебли и разделяли их на более или менее равные куски футов по двадцать длиной. Шедшие следом женщины очищали стебли от ветвей, а если попадались плоды или семенные стручки, то отделяли их. Стебли отбрасывались в одну сторону, листья и плоды – в другую. С каждым ударом ножа растения брызгали соком, сок обильно капал и из нарубленных стеблей. Вся почва перед зарослями была буквально залита им, и рубщики трудились по щиколотку в грязи.

Мы с Амелией двинулись дальше, стараясь держаться на безопасном расстоянии от работников и ступать на относительно сухие участки. Вскоре нам стало ясно, что пролитый сок не расходуется впустую: стекая из-под ног рубщиков, он постепенно собирается в деревянные желоба, вкопанные в грунт, и бежит по ним.

– Определили вы, какой это язык? – поинтересовался я.

– Они говорили слишком быстро. Гортанный язык. Быть может, русский.

– Но не тибетский, – не преминул подчеркнуть я.

Амелия рассердилась:

– Я высказала свою догадку, исходя из характера ландшафта и явно значительной высоты над уровнем моря. Бессмысленно строить новые гипотезы о нашем местоположении, пока мы не встретились с местными властями...

Двигаясь вдоль зарослей, мы сталкивались со все большим числом крестьян, однако все они работали самостоятельно, без надсмотрщиков. Условия их труда были ужасающими: там, где скапливалось много людей, пролитый сок собирался в огромные лужи, и иные из несчастных стояли в грязной жиже по пояс. Амелия пришла к выводу – и я вынужден был с ней согласиться, – что здешние порядки открывали широкий простор для реформ.

Примерно через полмили мы достигли точки, где деревянный желоб пересекался с тремя другими, так же берущими начало в зарослях. Здесь сок скапливался в бассейне, откуда несколько женщин с помощью примитивного ручного устройства перекачивали его в систему оросительных каналов. С того места, где мы находились, можно было видеть, что обширные участки возделанных полей изрезаны каналами вдоль и поперек. Вдали высились еще две металлические башни.

Чуть погодя мы заметили, что рубщики срезают растения уже не на плоском грунте, а на склоне; мы продолжали держаться на почтительном от них расстоянии и все же сумели разглядеть, что за красными зарослями скрывается водный поток шириной примерно в три сотни ярдов. Подлинный его масштаб открывался взору лишь там, где растения были сведены начисто; к северу, в том направлении, откуда мы пришли, они стискивали русло настолько, что местами совершенно загораживали воду. Ширина самих зарослей достигала без малого мили, а на противоположном берегу потока поднималась такая же растительная стена и такая же толпа крестьян атаковала ее, и не составляло труда понять, что если они и вправду намерены расчистить берега на всем их протяжении, действуя вручную, одними ножами, то с подобной задачей им не справиться на протяжении многих поколений.

Мы с Амелией рискнули подойти к воде поближе и вскоре оставили крестьян позади. Почва здесь была вся в выбоинах и ямках, оставленных, вероятно, корнями растений, темную воду не тревожила даже мимолетная рябь. То ли река, то ли канал – неспешное течение едва воспринималось глазом, а берега были сыпными, неровными. Казалось бы, эти признаки указывали на естественный характер потока, но его прямизна не соответствовала такому допущению.

Затем мы миновали еще одну металлическую башню, поставленную у самого края воды, и, хотя с каждой минутой удалялись от рубщиков, воюющих с зарослями, людей вокруг нас не убывало. Они везли тележки, груженные свежесрезанными стеблями; несколько раз нам навстречу попадались группы крестьян, вышагивающих на работу, а слева от нас, на полях, трудились пахари.

Честно сказать, нам обоим до смерти хотелось подойти к пашне и попросить поесть – там не могло не отыскаться какой-нибудь грубой пищи, – однако первое наше прямое соприкосновение с крестьянами научило нас осторожности. Мы рассудили, что неподалеку обязательно встретится поселение, пусть даже обыкновенная деревня. И действительно, вскоре впереди показались два обширных строения, и мы сразу прибавили шаг, предвкушая скорое избавление от бед.

5

Едва переступив порог ближнего строения, мы тут же поняли, что это своего рода склад: почти во всю его длину громоздились огромные кипы срезанных растений, аккуратно разложенных по сортам. Мы с Амелией обошли весь нижний этаж здания в тщетных поисках кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, но, увы, нам попадались лишь те же крестьяне. И все они – и мужчины и женщины – совершенно игнорировали нас, сосредоточенно занимаясь каждый своим делом.

Пришлось покинуть склад тем же путем, каким мы попали сюда, – через исполинскую металлическую дверь, распахнутую настежь и удерживаемую в этом положении при помощи хитроумной системы блоков и цепей. Выйдя наружу, мы направились ко второму строению, отдаленному от первого ярдов на пятьдесят. На полпути между ними стояла очередная металлическая башня. Мы были как раз под ней, когда Амелия вдруг схватила меня за руку и воскликнула:

– Эдуард, прислушайтесь!

Издали донесся звук, ослабленный разреженным воздухом, и мы не сразу сумели определить его источник. Но вот Амелия отстранилась от меня и шагнула в ту сторону, где виднелся длинный металлический рельс, фута на три приподнятый над почвой. С приближением к рельсу звук стал отчетливее – не то скрежет, не то вой, – и, всмотревшись, мы различили приближающееся с юга самодвижущееся устройство.

– Эдуард, – спросила Амелия, – уж не железнодорожный ли это состав?

– С одним-единственным рельсом? – отозвался я. – И без локомотива?

И все же, едва устройство замедлило ход, стало ясно, что это не что иное, как поезд. В поезде оказалось девять вагонов, и передний почти без шума остановился точно перед нами. Мы не сводили с этого зрелища изумленных глаз: все выглядело так, словно вагоны нормального поезда оторвались от паровоза. Но удивительно было не только это. Вагоны оказались некрашеными, их оставили в первозданном металлическом виде, и кое-где на стенках проступила ржавчина. Более того, и сама форма вагонов повергла нас в недоумение: они были совершенно круглые, вернее трубчатые. Из девяти вагонов лишь два – передний и задний – отдаленно напоминали те, к каким мы с Амелией привыкли у себя на родине. Иными словами, только в двух вагонах из девяти были двери и окна, и, когда поезд затормозил, из этих вагонов спустились немногие пассажиры. А семь остальных представляли собой полностью запечатанные металлические трубы – ни окон, ни видимых дверей.

Я заметил человека, который спустился вниз с самой передней лесенки; в торце первого вагона были прорезаны окна, и я догадался, что именно отсюда этот человек управлял поездом. Я обратил на него внимание Амелии, и мы принялись наблюдать за водителем с большим интересом.

С первого взгляда становилось ясно, что он не из крестьян: держался он уверенно и авторитетно, и на нем было аккуратно подогнанное серое форменное платье – туника или длинная рубаха без всяких украшений и брюки. Впрочем, точно так же были одеты и другие пассажиры, которые, сойдя с поезда, собрались вокруг центральных вагонов. Лицом и сложением они, однако, ничем не отличались от крестьян: все были очень высокими и кожа у всех имела красноватый оттенок.

Водитель подошел ко второму вагону и повернул прикрепленную сбоку большую металлическую рукоять. Тотчас же в стенках всех семи закрытых вагонов прорезались широкие двери и медленно поплыли вверх, словно стальные жалюзи. Пассажиры, сошедшие с поезда, выжидающе столпились подле этих дверей. И через несколько секунд мы стали свидетелями весьма постыдной сцены.

Оказалось, что закрытые вагоны были битком набиты крестьянами, мужчинами и женщинами вперемешку, и, едва двери поднялись, люди беспорядочно посыпались вниз, мгновенно заполнив все пространство вокруг поезда. Высидевшие ранее расхаживали среди них, помахивая какими-то короткими тростями или палками; на первый взгляд нам почудилось, что это просто палки, и только потом стало ясно их ужасное предназначение. Внутри каждой такой тросточки был скрыт, очевидно, электрический аккумулятор; с помощью этих приспособлений надзиратели сгоняли крестьян в шеренги, и тот несчастный, кого хотя бы вскользь задевали тростью, тут же получал чувствительный удар током, сопровождаемый резкой зеленой вспышкой и громким шипением. От удара бедняга неминуемо падал, прижав руки к пораженному месту, и его силой поднимали на ноги его же товарищи.

Вряд ли надо говорить, что владельцам этих дьявольских инструментов не составило труда навести в толпе порядок.

– Мы обязаны немедленно положить этому конец, – решительно заявила Амелия. – Тут обращаются с людьми как с рабами!

По-моему, она и вправду была готова кинуться на надзирателей, но я схватил ее за руку.

– Надо сперва разобраться, что тут происходит, – сказал я. – Подождем более подходящего момента для вмешательства.

Смятение длилось еще две-три минуты, затем крестьян погнали к зданию, куда мы еще не заходили. Тут я увидел, что двери центральных вагонов постепенно возвращаются на место, а тот, кто вел поезд, не спеша направился к дальнему его концу.

– Скорее, Амелия, – произнес я, – залезайте в вагон! Поезд сейчас отправляется.

– Но ведь дальше нет пути!

– Вот именно. Вы что, не понимаете? Поезд тронется в обратном направлении.

Без дальнейших колебаний мы подскочили к поезду и поднялись в пассажирское отделение – то, которое было ближе к нам. Ни один из надзирателей с электрическими бичами не удостоил нас вниманием, и не успели мы забраться внутрь, как поезд неторопливо тронулся.

Признаюсь, я ожидал, что вагоны окажутся неустойчивыми, – да и как могло быть иначе при одном-единственном рельсе? Но едва поезд набрал ход, я убедился, что движется он на удивление плавно. Не было слышно даже стука колес, из-под пола доносилось лишь равномерное легкое жужжание. Но в наибольший восторг нас сразу же привело то обстоятельство, что вагон отапливался. Снаружи становилось холодно – солнце клонилось к закату.

Скамьи для сидения не слишком отличались от тех, к каким мы привыкли дома, хотя в вагоне не было ни коридора, ни купе. Внутреннее его пространство оказалось не разгорожено, и каждый мог свободно перемещаться по вагону из конца в конец между голых металлических скамей. Мы с Амелией выбрали места у окна, обращенного в сторону водного потока. Кроме нас в вагоне не было никого.

На протяжении всего пути – а он и занял-то меньше получаса – ландшафт за окном не претерпел существенных изменений. Железная дорога по большей части следовала вдоль берега; мы заметили, что кое-где берег укреплен кладкой. Мои подозрения, что это не река, а грандиозный канал, как будто подтверждались. По воде плыли на веслах редкие лодочки, а над водой время от времени выгибались мосты. Через каждые четыреста-пятьсот ярдов навстречу попадалась металлическая башня.

Прежде чем достигнуть места назначения, поезд сделал лишь одну остановку. С нашей стороны железнодорожного полотна здесь находилось поселение не больше того, где мы сидели, однако за окнами с противоположной стороны виднелась огромная промышленная зона с высоченными трубами, извергающими густые облака дыма, и доменными печами, отбрасывающими желто-красные отсветы на темное небо. Луна уже взошла, но за плотными дымами ее не было видно.

В вагоны загнали небольшую партию крестьян; в ожидании, пока поезд возобновит движение, Амелия приоткрыла дверь и бросила взгляд в направлении, куда мы ехали.

– Смотрите, Эдуард, – воскликнула она, – впереди город!

Я высунулся из вагона по ее примеру и в лучах заходящего солнца увидел, что впереди, в каких-нибудь полутора-двух милях, высится множество крупных, беспорядочно сгрудившихся строений. Подобно Амелии, я испытал при этом большое облегчение: самоочевидная жестокость сельской жизни в этих широтах вызвала у меня отвращение. В то же время городская жизнь, даже в чужой стране, по своему характеру знакома другим горожанам; кроме того, в городе наверняка найдутся ответственные представители власти, которых мы, собственно, и ищем. Куда бы нас ни закинуло, как бы жестоки ни были местные порядки, мирные путешественники вправе рассчитывать на снисходительное обхождение, и, как только мы с Амелией придем к какому-то соглашению (что само по себе составляет проблему, которую мне еще предстоит решить), нас по морю или посуху переправят в Англию. Я машинально похлопал себя по груди, желая удостовериться, что мой бумажник по-прежнему там, где ему и положено находиться, – во внутреннем кармане сюртука. Если нам суждено вскоре вернуться в Англию, то небольшая сумма, какой мы располагаем, – а мы еще раньше установили, что у нас на двоих

два фунта пятнадцать шиллингов и шесть пенсов, – должна послужить в глазах консула свидетельством искренности наших заверений.

Вот какие отрадные мысли были у меня на уме, пока поезд мерно приближался к городу. Солнце наконец закатилось, и на нас опустилась ночь.

– Смотрите, Эдуард, вечерняя звезда! И до чего яркая!

И Амелия показала на огромную бело-голубую звезду почти над самым горизонтом, неподалеку от той точки, где скрылось солнце. Рядом, неправдоподобно маленькая, виднелась луна в первой четверти.

Я разглядывал эту звезду во все глаза, припоминая, что рассказывал сэр Уильям о планетах, составляющих нашу Солнечную систему. Это несомненно одна из них, прекрасная в своем одиночестве, невероятно, недостижимо далекая...

Тут Амелия сдавленно вскрикнула, и у меня в тот же миг сердце сжалось от страха.

– Эдуард, – прошептала она, – на небе две луны!..

Таинственность всего окружающего, которой мы долго не придавали значения, теперь обратилась в неоспоримую явь. В ужасе мы с Амелией уставились друг на друга, с запозданием отдавая себе отчет в том, что с нами случилось. Множество примет этих мест промелькнуло у меня в сознании: буйный рост багровых зарослей, разреженный воздух, леденящий холод ночью и испепеляющий солнечный жар в дневные часы, неправдоподобная легкость шага, темно-синее небо, краснокожие жители, дух враждебности, пронизывающий все окрест... И вот мы увидели две луны и одновременно вечернюю звезду – и эта последняя загадка переполнила чашу, поставила под удар глубочайшую нашу уверенность, что мы находимся на своей родной планете. Машина сэра Уильяма перенесла нас в будущее, однако вопреки нашему намерению она еще и забросила нас в бездны пространства. Да, возможно, великий ученый действительно построил машину времени, но она оказалась и машиной пространства, и теперь мы с Амелией были поставлены перед необходимостью принять кошмарную правду: каким-то немыслимым образом нас перенесло на иную планету, на планету, где наша Земля играет роль глашатая ночи. Я вглядывался вниз, в воды канала; слепящая точка света – света Земли – отражалась от темной поверхности, а я все глубже погружался во тьму отчаяния и безмерного испуга. Как же было не отчаяться и не испугаться, если мы вдруг очутились на Марсе, этой планете войны!

Глава VIII. Город скорби

1

Я пересел на скамью, где сидела Амелия, и она взяла меня за руку.

– Можно было догадаться уже давно, – тихо прошептала она. – Ведь мы оба в глубине души понимали, что это не Земля, только не хотели признаться себе в этом.

– Откуда было нам знать? С кем когда-либо случалось что-нибудь подобное?

– Путешествовать во времени тоже никому не случалось, а тем не менее мы приняли такую возможность с первого объяснения.

Нас слегка качнуло, и мы почувствовали, что поезд начинает тормозить. Я вновь выглянул в окно: на фоне стекла рисовался профиль Амелии, а над безводной пустыней сияло яркое пятнышко света.

– С чего мы взяли, что это не Земля? – спросил я. – В конце концов, никому из нас никогда...

– Разве вы не понимаете этого сами, Эдуард? Разве не слышите внутренний голос? Разве вам не кажется все здесь чуждым и враждебным? А с другой стороны, разве не притягивает вас инстинктивно этот далекий свет? Там наш дом, и мы оба ощущаем это.

– Что же нам теперь делать?

В эту секунду поезд еще притормозил, и через окна на противоположной стороне вагона я увидел, что он вползает в большое, плохо освещенное депо. С нашей стороны за окнами выросла стена, отгородив нас от неба и от горестных воспоминаний.

– По-моему, у нас нет выбора, – отозвалась Амелия. – И вообще не так важно, что именно сделаем мы, важно, что сделают с нами.

– Вы считаете, что нам угрожает опасность?

– Возможно... как только они осознают, что мы не принадлежим к их миру. Как, по-вашему, что произошло бы на Земле с человеком, который явился бы к нам с другой планеты?

– Не имею ни малейшего представления, – признался я.

– Стало быть, бессмысленно гадать, что нам уготовано здесь. Будем надеяться на лучшее. Будем верить, что, несмотря на их примитивное общество, с нами обойдутся достойно. Я вовсе не жажду провести остаток своих дней как животное.

– Я тоже. Но разве такая угроза для нас реальна?

– Мы же видели, как они обращаются с рабами. Если нас примут за этих несчастных, то, можете не сомневаться, тут же погонят на работу.

– Однако до сих пор нас принимали за надсмотрщиков, – напомнил я ей. – Вероятно, какая-то особенность в одежде или какие-то черты нашей внешности сыграли нам на руку.

– Тем не менее надо быть осторожными. Кто может знать, с чем мы здесь столкнемся?

На словах мы, пожалуй, сохраняли присутствие духа, на деле же не располагали ни малейшими средствами повлиять на собственную судьбу; наше будущее зависело от множества случайностей, и в придачу мы вышли из испытаний, уготованных нам в пустыне, растерзанными, усталыми и голодными. Я прекрасно представлял себе, что на долю Амелии выпало не меньше невзгод, чем на мою, а я был буквально в изнеможении. Речь у нас обоих звучала невнятно, и, какие бы мы ни предпринимали попытки укротить свои чувства, сознание того, куда нас забросила машина времени, оказалось для нашего морального состояния последним ударом.

До меня донесся шум – рабов высаживали из поезда, слышалось пощелкивание электрических бичей, что лишний раз неприятно напомнило нам о ненадежности нашего положения.

– Поезд, наверное, скоро тронется, – сказал я, чуть подталкивая Амелию, чтобы заставить ее приподняться. – Мы прибыли в город, здесь и надо искать убежища.

– Мне не хочется никуда идти.

– Ничего не поделаешь, надо.

Перейдя на другую сторону вагона, я открыл первую попавшуюся дверь и бросил быстрый взгляд вдоль состава. Рабов, вероятно, высаживали с противоположной стороны, поскольку тут никого не было, если не считать одной-единственной смутной фигуры, которая неторопливо брела куда-то прочь от меня. Я вернулся к Амелии, по-прежнему безучастно сидевшей на скамье.

– Еще несколько минут – и поезд опять отправится туда, откуда мы прибыли. Вы что, решили провести еще одну ночь в пустыне?

– Конечно же нет. Просто мне слегка не по себе от мысли, что мы сейчас очутимся в городе.

– Нам необходимо поесть, Амелия, – сказал я, – и найти хоть какое-то место, где можно выпастись в безопасности и тепле. Тот факт, что мы в городе, должен обернуться в нашу пользу: город велик, и нас не заметят. Мы уже вышли с честью из многих передраг, и не думаю, что предстоящие испытания страшнее прежних. Завтра попытаемся установить, какими правами мы здесь располагаем.

Амелия вяло покачала головой, но, к моему облегчению, нехотя поднялась на ноги и последовала за мной. Я подал ей руку, чтобы помочь спуститься на платформу, и она оперлась на меня. Однако ее рука показалась мне безжизненной и бессильной.

2

Звук бичей эхом доносился до нас с другой стороны состава; мы поспешили вперед, на свет, струящийся из-за угла. Марсианин, которого я заметил раньше, куда-то скрылся.

Обогнув угол, мы увидели перед собой высоченную дверь, глубоко утопленную в кирпичной стене и выкрашенную в белый цвет. Над дверью была вывеска, подсвеченная каким-то образом сзади, а на вывеске – надпись из закорючек, совершенно мне непонятных. Именно вывеска, а не сама дверь приковала к себе наше внимание поначалу – ведь это было наше первое знакомство с письменным языком марсиан.

Секунд десять мы разглядывали вывеску – черные буквы на белом фоне, но на том поверхностное сходство с земными алфавитами и кончалось, – а затем я вновь повлек Амелию вперед. Надлежало не медля ни минуты найти тепло и пищу: в депо, куда беспрепятственно проникал ночной воздух, становилось невыносимо холодно.

Ручки на двери не оказалось, и я было забеспокоился: не обманет ли инопланетный механизм наших надежд? Опыта ради я толкнул дверь от себя и обнаружил, что с одного боку она чуть-чуть подается. Но, очевидно, я порядком ослабел за время скитаний по пустыне: повернуть дверь на петлях мне не хватало сил. Амелия пришла мне на помощь, и только вдвоем мы кое-как сумели приоткрыть двери настолько, чтобы протиснуться внутрь, но едва мы отпустили ее, тяжелая створка со стуком вернулась на прежнее место.

Мы очутились в небольшом, не длиннее пяти-шести ярдов, коридорчике, который заканчивался новой дверью. Сам коридор был совершенно пустым, если не считать ослепительной лампы на потолке. Мы подошли ко второй двери и, навалившись, открыли ее – далось это с не меньшим трудом, а затем дверь так же быстро замкнулась за нами.

– Ушам больно, – вдруг сказала Амелия, – их словно заложило.

– Со мной такая же история, – подтвердил я. – Наверное, возросло давление воздуха.

Мы попали во второй коридорчик, ничем не отличающийся от первого. К счастью, Амелия вспомнила прием, которому ее обучили в Швейцарии, и показала мне, как ослабить неприятные ощущения в ушах, зажав пальцами нос.

За третьей дверью плотность воздуха еще более возросла.

– Кажется, – сказал я, – здесь наконец можно дышать.

Оставалось диву даваться, как мы умудрились выжить столь долгое время в разреженной наружной атмосфере.

– Теперь нельзя перенапрягаться, – предупредила Амелия. – У меня уже кружится голова.

Как бы ни хотелось нам продолжить свой путь, мы задержались в коридорчике еще на несколько минут. Подобно Амелии, я в более насыщенном воздухе ощущал легкое головокружение, и это ощущение усиливалось едва заметным запахом озона. Кончики пальцев покалывало, обновленная свежим кислородом кровь чуть не бурлила, а в сочетании с пониженным марсианским притяжением – которое во время скитаний по пустыне казалось следствием большой высоты – все это вызывало обманчивый прилив энергии. Безусловно обманчивый, ибо силы у нас обоих явно были на пределе: Амелия ссутулилась, веки у нее почти смежились. Я обнял ее за плечи.

– Пойдемте. Вероятно, нам теперь не придется далеко идти.

– Мне все еще страшно.

– Нам ничто не может угрожать, – заверил я Амелию, хотя в глубине души разделял ее страхи.

Последствия затруднительного положения, в которое мы попали, просто невозможно было предвидеть. А где-то под сердцем уже проступала инстинктивная дрожь ужаса перед окружающим – странным, необъяснимым, непередаваемо враждебным.

Мы медленно двинулись вперед, кое-как протиснулись сквозь следующую дверь, и вот перед нами открылась прилегающая к вокзалу часть марсианского города.

3

За дверью, через которую мы вышли, была улица. Прямо перед нами поднимались два дома. На первый взгляд они показались нам мрачными черными громадами – так привыкли мы уже к наготе марсианской пустыни, – но при более внимательном рассмотрении мы поняли, что они ничуть не крупнее обыкновенных частных домиков земных горожан. Дома стояли на отдалении друг от друга, наружные их стены украшал затейливый лепной орнамент; в каждом было по одной широкой двери и по несколько окон.

Чтобы подобное описание не создавало впечатления красоты и элегантности, придется добавить, что оба здания, представших нашему взору, находились в состоянии полного разрушения и упадка. В правом из них стена частично обвалилась, дверь болталась на одной петле. Полы были засыпаны каменной крошкой и всяким хламом, и нам сразу же стало ясно, что здесь годами никто не жил. Те стены, что еще кое-как держались, растрескались и осыпались, и я не сумел обнаружить никаких доказательств тому, что уцелела хотя бы крыша.

Зато, посмотрев вверх, я увидел над городом чистое небо; у себя над головой я отчетливо различал звезды. Как ни странно, воздух здесь был таким же плотным, как в коридорах, а температура оказалась куда выше, чем та, что едва не погубила нас в пустыне.

Улица, на которую мы попали, была освещена: по обеим ее сторонам на определенном расстоянии друг от друга возвышались башни, такие же, как мы видели в пустыне, но теперь нам стало хотя бы отчасти понятно их назначение – на полированной крыше каждой башни располагался мощный источник света, слегка покачивающийся вместе с верхней платформой. Лучи, перебегающие с места на место, казались странно зловещими; как резко они отличались

от теплого безмятежного света газовых фонарей, к какому мы привыкли! Однако самый факт, что марсиане освещают свои улицы по ночам, ободрил нас как нечто родственное человеку.

– Куда нам идти? – спросила Амелия.

– Надо выйти в центр города, – сказал я. – Ясно, что этот квартал давно заброшен. Предлагаю двигаться прочь от вокзала до тех пор, пока мы не встретим людей.

– Людей? Вы имеете в виду – марсиан?

– Кого же еще, – отозвался я, взяв ее за руку с подчеркнутой уверенностью. – Мы ведь уже обращались к ним, правда, не ведая, кто они. Они очень похожи на нас, так что нет нужды их бояться.

Не дожидаясь ответа, я увлек Амелию за собой, и мы торопливо пошли по улице направо. Достигнув угла, мы повернули и очутились на другой улице, похожей на первую, только гораздо длиннее. Здесь по обеим сторонам тоже стояли дома, украшенные столь же прихотливо, но с легкими отличиями в архитектуре, достаточными, чтобы избежать повторения внешнего облика. И эти дома тоже пришли в упадок, так что невозможно было судить, каким целям они прежде служили. Но если не обращать внимания на запустение, эта улица вполне могла бы сделать честь какому-нибудь курортному городку в Англии.

Довольно долго мы не встречали других пешеходов, хотя на одном из перекрестков, бросив взгляд вдоль поперечной улицы, успели заметить промелькнувший самодвижущийся экипаж. Экипаж умчался слишком стремительно, что не позволило уловить какие-либо детали, но у нас осталось впечатление изрядной скорости и назойливого грохота.

И вдруг, когда мы приближались к группе строений, где горели отдельные огни, Амелия дернула меня за руку и указала на маленькую улочку справа.

– Смотрите, Эдуард, – тихо произнесла она. – Вон у того дома – марсиане.

На улице было несколько освещенных зданий; от одного из них, что Амелия и подметила, только что отошли четыре или пять марсиан. Я сразу же повернул к ним, но Амелия замерла в нерешительности.

– Не надо ходить туда, – сказала она. – Откуда мы знаем...

– Вы предпочитаете голодать? – вскричал я, хотя храбрость моя была чисто напускной. – Надо же нам понять, как живут марсиане, иначе мы не сможем найти себе еду и пристанище на ночь.

– Но не разумно ли проявить большую осмотрительность? Чистое безрассудство – очертя голову лезть в ловушку, из которой потом не выбраться.

– Мы уже попали в ловушку, – напомнил я, затем намеренно придал своему голосу самый убедительный тон. – Амелия, дорогая, наше положение совершенно отчаянное. Может, вы и правы, считая, что подходить к марсианам – отъявленная глупость, но другого решения я просто не вижу...

Поначалу Амелия не реагировала на мои слова, она стояла рядом со мной и не отнимала руку, однако рука ее висела безжизненной плетью. Мне даже померещилось, что моя спутница вот-вот опять лишится чувств – она слегка пошатнулась, но тут же подняла на меня глаза. В это мгновение качающийся луч света с одной из башен упал прямо на ее лицо, и я осознал, какой у нее усталый, измученный вид. Она сказала:

– Вы, конечно, правы, Эдуард. Разумеется, в пустыне мы бы не выжили. А раз нельзя вернуться в пустыню, остается одно – смешаться с коренными марсианами.

Я ободряюще сжал ей руку, и мы не торопясь направились к зданию, где видели марсиан. Когда мы подошли ближе, из дверей высыпала еще одна компания и двинулась по улице прочь от нас. Один из марсиан бросил взгляд в нашу сторону; в этот момент на наших лицах скрестились два световых луча, и он должен был отчетливо нас разглядеть, но не выразил никакого недоумения и удалился вслед за остальными.

У входа в здание мы задержались, и я какое-то время наблюдал за уходящими марсианами. Всех их отличала забавная, чуть прыгающая походка; несомненно, она была следствием более низкого притяжения, и столь же несомненно, что нам с Амелией также предстояло приобрести этот навык, как только мы немного приспособимся к местным условиям.

– Неужели придется войти внутрь? – спросила Амелия.

– Не могу предложить ничего другого, – откликнулся я и первым преодолел три низкие ступеньки перед входом.

Навстречу нам попалась еще одна группа марсиан; они пропрыгали мимо, будто и не заметив нас. В полусвете их лица казались смутными пятнами, зато с близкого расстояния нельзя было не оценить их роста. Все они были по меньшей мере на полголовы выше меня.

За дверью оказался коридорчик, освещенный лишь слабыми отблесками света, что просачивался изнутри, а затем мы очутились в огромной, залитой огнями комнате, такой огромной, что она, наверное, занимала все здание. Мы остановились у двери, осторожно озираясь и давая глазам привыкнуть к свету.

Сперва мы не могли ни в чем разобраться: мебель в комнате была разбросана без всякого порядка, да и состояла по большей части из каких-то трубчатых лесов. С лесов на канатах свисали – затрудняюсь найти лучшее название – «гамаки», большие куски ткани или резины, не достающие до пола фута на два. В гамаках и возле гамаков лежали и стояли несколько десятков марсиан.

Если не считать крестьян-рабов, которые, как нетрудно было догадаться, занимали низшую ступень социальной лестницы, это были первые марсиане, кого мы увидели вблизи, – марсианские горожане, по своему положению равные тем, кто взмахивал электрическими бичами. Именно они управляли этим обществом, избирали его вождей, устанавливали его законы. Именно в их среде нам предстояло жить – не удивительно, что, невзирая на переутомление и вызванную им рассеянность, мы с Амелией рассматривали марсиан с искренним интересом.

4

Я уже отмечал, что средний марсианин весьма высокого роста; но что особенно бросалось в глаза, а для нас имело решающее значение – это несомненное сходство, чтобы не сказать подобие, марсиан с людьми, населяющими Землю.

Впрочем, говорить о среднем марсианине так же сложно, как и о среднем землянине: даже в самые первые мгновения, разглядывая обитателей комнаты, мы с Амелией обратили внимание на внешние отличия между ними. Одни из них были выше, другие ниже; одни были совсем худыми, другие не в меру полными; одни носили пышные прически, другие были лысыми или лысеющими. Преобладал красноватый оттенок кожи, но и эта особенность у одних была выражена сильнее, чем у других.

Если не забывать об этом, то, по моим наблюдениям, среднего марсианина, взрослого, мужского пола, можно приблизительно описать так.

По земным меркам в нем оказалось бы росту примерно шесть с половиной футов. Брюнет или темный шатен (мы ни разу не видели ни рыжих, ни блондинов). Если взвесить его на земных весах, они показали бы, вероятно, фунтов двести. Грудь широкая, с хорошо развитой мускулатурой. На лице есть растительность – тонкие брови и жидкая борода; некоторые мужчины гладко выбриты, но это скорее исключение, чем правило. Глаза большие, широко поставленные, необычайно бледные по окраске. Нос широкий и плоский, губы выпуклые, мясистые. В общем на первый взгляд марсианские лица кажутся неприятными, жестокими, начисто лишенными эмоций. Позже, когда я и Амелия прожили с марсианами достаточно долго, мы оба научились различать оттенки выражений, хотя так и не сумели избавиться от сомнений, правильно ли мы их истолковываем.

(Описание, приведенное выше, относится только к жителям городов. Рабы принадлежат, в сущности, к той же расе, но вследствие бесконечных лишений почти все, кого мы видели, вырастают худыми и тщедушными.)

Марсианки – а в комнате, куда мы попали, были и женщины и дети, – подобно своим земным сестрам, физически несколько уступают мужчинам. Вместе с тем почти все марсианки, каких мы встречали, оказывались заметно выше Амелии, хотя она, как я уже говорил, гораздо выше средней земной женщины. Зато на всем Марсе не сыщется особы женского пола, которую землянин мог бы счесть красавицей, и я подозреваю, что понятие женской красоты на Марсе попросту лишено смысла. Мы ни разу даже не почувствовали, что женщин на Марсе ценят за их физическую привлекательность; напротив, события нередко подталкивали нас к выводу, что у марсиан, подобно иным представителям животного царства, роли полов в этом отношении распределены прямо противоположным образом.

Дети же, почти без исключения, были очаровательны, как очаровательны все малыши. Их лица, округлые и живые, еще не расплылись в ширину и не приобрели приплюснутости, столь неприятной у взрослых. В точности как земные дети, они вели себя шумливо и непоседливо, но взрослые, кажется, совсем не сердились, а относились к ним на редкость заботливо и терпимо. И нам, признаться, нередко сдавалось, что дети – единственная радость, доступная людям в этом мире: нам не случалось слышать, чтобы взрослые смеялись, если только не находились в компании детей.

Вот я и упомянул о той особенности марсианской жизни, которая не сразу бросилась нам в глаза, но со временем делалась все более очевидной. Если говорить без обиняков, я и не представлял себе, что разумные существа могут оказаться поголовно такими удрученными, печальными и откровенно несчастными, как марсиане.

Дух уныния господствовал в комнате, куда мы с Амелией вступили, и, по всей вероятности, именно в этом заключалось наше спасение. Типичный марсианин, какого я описал выше, настолько поглощен своими несчастьями, что буквально перестает воспринимать окружающее. Ничем другим я не могу объяснить тот факт, что мы с Амелией могли свободно передвигаться по городу, не привлекая ничьего внимания. Ведь даже в ту секунду, когда мы вошли в комнату и застыли в ожидании криков тревоги или возбуждения, хоть какой-то реакции на свое вторжение, немногие марсиане удостоили нас самым беглым взглядом. Не представляю себе, чтобы появление марсианина у нас на Земле было воспринято с таким же безразличием.

Возможно, именно этой общей подавленностью объяснялось и то, что в комнате царила почти полная тишина. Двое-трое марсиан беседовали вполголоса, остальные же стояли или сидели в угрюмом молчании. Правда, тут и там носились дети, но больше никто не шевелился – родители, и те следили за детьми издали. К нам доносился несогласный хор голосов, состоящий, казалось, из одних сопрано. Разумеется, мы не понимали ни слов, ни общего смысла того, о чем говорилось, – хотя слова и сопровождались довольно сложными жестами, – однако, право же, кого угодно обескуражило бы то обстоятельство, что высокие и сильные существа щебечут фальцетом.

Мы с Амелией замерли у порога, не уверенные ни в марсианах, ни в себе. Я взглянул на нее, и вдруг ее лицо – усталое, перепачканное, но такое милое – стало для меня символом всего, что мне желанно и знакомо. Она подарила мне ответный взгляд; напряжение двух последних дней не прошло для нее бесследно, и все же она улыбнулась и, как прежде, сплела свои пальцы с моими.

- Они самые обыкновенные люди, Эдуард.
- Вы по-прежнему боитесь их?
- Не знаю... мне кажется, они не причинят нам зла.

– Раз они могут жить в этом городе, сможем и мы. Надо только подглядеть, как они организуют свою повседневную жизнь, и во всем следовать их примеру. Кажется, они не считают нас чужаками.

В эту минуту несколько марсиан отошли от гамаков и вприпрыжку направились в нашу сторону. Я немедленно вывел Амелию обратно за дверь, на улицу, под неверный свет качающихся фонарей. Отойдя шагов на десять, мы обернулись, гадая, что предпримут марсиане. Через мгновение вся группа вывалилась на улицу и, даже не взглянув на нас, поскакала в том же направлении, куда раньше ушли другие. Мы повременили с полминуты, потом на безопасном расстоянии последовали за ними.

5

Едва мы вышли из помещения, стало ясно, что там было теплее, и это нас приободрило. В глубине души я побаивался, что коренные марсиане совершенно равнодушны к холоду, однако здание отапливалось до вполне приемлемой температуры. Я отнюдь не испытывал уверенности, что хотел бы ночевать в общей спальне, и тем более не желал такого ночлега для Амелии, и все-таки мы теперь знали наверняка, что если пренебречь условностями, то найдется, где преклонить голову в тепле и относительном комфорте.

Идти оказалось недалеко. Марсиане, за которыми мы следовали, вышли на перекресток, присоединились к группе, пришедшей с другой стороны, и все вместе скрылись в ближайшем к углу строении. Оно было обширнее, чем все, какие мы видели до сих пор, и, насколько удавалось судить в прерывистом свете прожекторов на башнях, проще по архитектуре. В окнах горели огни, а подойдя ближе, мы слышали изрядный шум, доносящийся изнутри.

Амелия с преувеличенной жадностью втянула ноздрями воздух.

– Мне чудится запах еды, – сказала она. – И звон посуды.

– А мне чудится, – отозвался я, – что вы принимаете желаемое за действительное.

Как бы то ни было, настроение у нас обоих явно поднялось, и эта перемена, пусть даже мимолетная, доказывала, что Амелия разделяет мои вновь обретенные надежды на будущее.

На сей раз, приблизившись к зданию, мы не колебались ни секунды – так воодушевил нас первый удачный опыт, – а решительно отворили широкие двери и вошли в большой, ярко освещенный зал.

С первого взгляда стало ясно, что это такое: по всей площади пола параллельными рядами были расставлены длинные столы, и каждый стол окружала толпа пирующих марсиан. На столах громоздились блюда с яствами, воздух был насыщен испарениями и густыми запахами, а стены содрогались от громких криков. В дальнем конце зала, вероятно, располагалась кухня: десяток-полтора марсианских рабов были заняты тем, что раскладывали кушанья по тарелкам и блюдам и выставляли их на возвышении у стены.

Марсиане, за которыми мы следовали, без промедления направились к возвышению и выбрали себе еду.

– Наши беды позади, Амелия, – воскликнул я. – Вот и ужин, бери сколько хочешь.

– По-вашему, мы можем есть эту пищу без опаски?

– А вам она кажется ядовитой?

– Откуда нам знать? Мы не марсиане, наше пищеварение может действовать иначе, чем у них...

– Во всяком случае, я не намерен заморить себя голодом по собственной трусости. И кроме того, на нас смотрят...

Это была правда: в доме-спальне мы простояли минут пять, и нас никто не заметил, здесь же наша неуверенность сразу привлекла к себе внимание. Я взял Амелию под локоть и подвел ее к возвышению.

Я изголодался настолько, что еще поутру думал: дайте мне самую несъедобную вещь, и я ее немедленно проглочу. Однако за минувшие часы лютый голод поутих, сменившись чувством тошноты, и влечение к еде стало отнюдь не таким неукротимым, как можно было ожидать. Более того, едва мы подошли к возвышению вплотную, выяснилось, что марсианская пища при всем своем обилии выглядит не слишком аппетитно, и я испытал непостижимый приступ брезгливости. Пища здесь, как правило, была жидкой или полужидкой и подавалась в массивных супницах или чашах. И хотя во время наших странствий мы встречали отдельные поля, где возделывали злаки, основу питания местных жителей составляли, по-видимому, багровые растения: во многих супницах в огромном числе плавали красные стебли и листья. Впрочем, на одной-двух тарелках лежало нечто напоминающее мясо (хотя и недоваренное), а сбоку были нарезаны кусочки чего-то, что, держи крестьяне хоть какой-нибудь скот, могло бы сойти за сыр. В довершение всего на возвышении стояли стеклянные кувшины с яркими жидкостями, и марсиане обильно поливали ими свою пищу.

– Давайте отведаем как можно больше блюд, но понемножку, – шепнула Амелия. – Тогда, если где-то и скрыта трава, опасность будет невелика.

На большие, тусклого металла тарелки мы положили столько пищи, сколько они могли вместить. Разок-другой я рискнул понюхать, что беру, но, мягко говоря, не получал удовольствия.

С тарелками в руках мы двинулись к боковым столам, подальше от основной массы марсиан. Правда, за столом, который мы выбрали, также сидело несколько едоков, но мы, миновав их, направились к дальнему его концу. Сиденья представляли собой длинные низкие скамьи, по скамье с каждой стороны стола. Мы с Амелией сели рядом; в странной этой столовой нам было очень не по себе, хоть марсиане, едва мы отошли от дверей, вновь перестали обращать на нас внимание.

Каждый из нас отведал по кусочку пищи: вкусной ее назвать было нельзя, но она по крайней мере была горячей и несравнимо более приятной, чем пустой желудок. Спустя минуту Амелия произнесла вполголоса:

– Эдуард, долго мы так не продержимся. До сих пор нам просто везло.

– Не будем сейчас пускаться в споры. Мы оба вымотаны до предела. Найдем какое-то пристанище на ночь, а планы будем строить поутру, на свежую голову.

Какие планы? Прятаться, прятаться, прятаться – и так всю жизнь?..

Мы стойчески продолжили ужин, невзирая на постоянный горький привкус сока, знакомый нам еще с пустыни. Мясо оказалось не лучше: по внешнему виду оно, пожалуй, напоминало говядину, но было сладким и лишенным запаха. А «сыр», который мы отложили напоследок, непереносимо кислил.

Однако события, которые разыгрывались вокруг, то и дело отвлекали нас от гастрономических размышлений.

Я уже упоминал, что обычнейшее для марсиан состояние – глубокая скорбь; за столами шли громкие разговоры, но веселья не было и в помине. Прямо перед нами одна из марсианок вдруг наклонилась вперед, оперлась широким лбом на скрещенные руки, и слезы хлынули у нее из глаз неудержимым потоком. Чуть позже в дальней от нас части зала какой-то марсианин резко вскочил на ноги и принялся расхаживать меж столов, взмахивая длинными руками и что-то выкрикивая странно высоким голосом. В конце концов он подошел к стене и, продолжая кричать, стал молотить по ней кулаками. Этот поступок, по крайней мере, привлек внимание его собратьев, несколько марсиан поспешили к крикуну и окружили его, очевидно, пытаясь успокоить, но он оставался неутешен.

И, словно уныние было заразительным, через каких-нибудь пять секунд после этого по комнате прокатилась такая волна всеобщего плача, что Амелия обратилась ко мне с вопросом:

– А не может случиться так, что чувства выражаются здесь иначе, чем у нас? Например, когда они плачут, то на самом деле смеются?..

– Что-то не похоже, – ответил я, исподтишка наблюдая за рыдающим марсианином.

Тот голосил еще минуты две, потом внезапно повернулся спиной к своим друзьям и выбежал из зала, закрыв лицо руками. Остальные подождали, пока он не исчез за дверьми, и вернулись на свои места с самым угрюмым видом.

Мы подметили, что большинство марсиан охотно прихлебывают какое-то питье из стеклянных кувшинов, расставленных на каждом столе. Питье было прозрачное; я поначалу решил, что это вода, и, только попробовав «воду» на вкус, понял свою ошибку. Это оказался освежающий и в то же время крепкий алкогольный напиток, крепкий настолько, что уже после первого глотка я ощутил приятное головокружение.

Я предложил капельку напитка Амелии, но она лишь пригубила его и сказала:

– Слишком злая штука. Нам нельзя терять власть над собой.

Я уже успел нацедить себе вторую порцию, но Амелия не дала мне больше пить. И вероятно, правильно сделала, – вскоре мы увидели, что многие марсиане быстро впадают в состояние опьянения. Они сделались более шумными и беззаботными, чем прежде. Раз или два даже послышался смех, хотя звучал он слишком резко и истерично. Алкогольное питье потреблялось во все больших количествах, и кухонная прислуга тащила новые и новые кувшины. Одну из скамей опрокинули, и все, кто сидел на ней, упали беспорядочной кучей на пол, а группа марсианок поймала двух молодых рабов и зажала их в углу; что произошло потом, мы в общем хаосе не разобрали. Из кухни выбежали еще рабы, и даже не рабы, в большинстве своем юные рабыни. К нашему глубочайшему изумлению, они не только выбежали в зал совершенно обнаженными, но и расселись среди своих хозяев, обнимая и соблазняя их.

– По-моему, нам пора идти, – обратился я к Амелии.

Прежде чем ответить, она еще какое-то время следила за развитием событий, затем согласилась:

– Да, пора. Все это в высшей степени безнравственно.

Мы, не оборачиваясь, двинулись к двери. Опрокинулась еще скамья, а за нею целый стол; это сопровождалось треском битого стекла и громкими выкриками марсиан. От атмосферы мрачного уныния не осталось и следа.

Но не успели мы достигнуть двери, как из зала донесся раскатистый, леденящий кровь звук, помимо воли заставивший нас обернуться. Резкий хриплый окрик раздался, видимо, где-то в дальнем конце зала, но с такой силой, что перекрыл общий гомон. Эффект, произведенный этим окриком на марсиан, был поистине драматическим: прекратилось всякое движение, пирующие растерянно уставились друг на друга. В тишине, которая воцарилась вслед за этим бесцеремонным окриком, вновь послышались чьи-то рыдания.

– Пойдемте отсюда, Амелия, – сказал я.

Мы выбежали из здания, взволнованные происшедшим; мы ничего не поняли, однако испугались не на шутку.

На улицах оставалось еще меньше народу, чем раньше, но огни с башен по-прежнему расчерчивали мостовые и тротуары, словно пересчитывая тех, кто бродит в ночи, когда все остальные сидят под крышей.

Я повел Амелию прочь от квартала, где марсиане собрались на свой странный пир, в ту часть города, где мы проходили прежде и где было меньше огней. Внешность, как известно, часто бывает обманчива: тот факт, что в каком-то строении не видно огней и изнутри не доносится шума, еще не означал, что оно покинуто. Мы прошли с полмили, прежде чем решились войти в один из таких темных и безмолвных домов. А внутри пылал яркий свет, и всюду шел пир. И мы увидели... нет, я не могу, я не вправе описывать, что мы увидели. Амелия, разумеется, также не испытывала желания созерцать подобное распутство, и мы поторопились уйти.

Примириться с этим миром, вычеркнуть из памяти тот, который пришлось оставить, мы были по-прежнему не в состоянии.

Когда мы поравнялись с очередным зданием, я сперва заглянул туда один... но внутри меня поджидали лишь безлюдье и грязь; что бы ни находилось здесь раньше, все погребло в пламени пожара. Следующим по порядку оказался еще один дом-спальня, заполненный марсианами, и мы отправились дальше, не привлекая внимания его обитателей.

Это продолжалось довольно долго – мы переходили от дома к дому в поисках пустующей спальни и, признаться, уже начали думать, что таких просто не существует. В конце концов нам повезло, мы наткнулись на комнату, где висели свободные гамаки, заняли два из них и забылись глубоким сном.

Глава IX. Наши наблюдения

1

В течение последующих дней и недель мы с Амелией обследовали марсианский город со всей возможной тщательностью. Правда, нас очень связывало то, то мы по необходимости ходили пешком, и только пешком, однако наши наблюдения вскоре позволили нам прийти к довольно определенным выводам относительно того, каковы размеры города, сколько в нем жителей, где расположены главные городские достопримечательности и так далее. В то же время мы по мере сил старались разобраться в самих марсианах, в образе их жизни, но, признаться, не слишком преуспели в своих намерениях.

В первой обнаруженной нами пустующей спальне мы провели две ночи, а затем перебрались в другую, расположенную гораздо ближе к центру города и совсем неподалеку от столовой. Эта спальня тоже пустовала, но прежние хозяева оставили нам в наследство кое-какие мелкие пожитки и тем обеспечили относительный комфорт. Наши гамаки на Земле, наверное, показались бы невыносимо жесткими – ткань, из которой их делали, была грубой и неподатливой, – но в условиях более слабого марсианского притяжения они вполне годились для отдыха. Вместо постельных принадлежностей мы пользовались широкими подушками-мешками, набитыми чем-то мягким, – они напоминали стеганые перинки, какими пользуются в некоторых европейских странах.

Нашли мы и тусклые желто-серые балахоны, брошенные владельцами, и стали носить их поверх нашего платья. Разумеется, они были нам великоваты, но дополнительный слой материи поверх одежды делал нас как бы крупнее и позволял легче сойти за марсиан.

Амелия, подражая прическам марсианок, стянула волосы тугим узлом на затылке, а я решил отпустить бороду; каждые два-три дня Амелия подстригала ее маникюрными ножницами, чтобы она походила на куцые бороденки марсиан.

В те дни наружность имела для нас первостепенное значение: мы прекрасно понимали, что внешне отличаемся от жителей Марса. В этом смысле вынужденные двухдневные скитания по пустыне пошли нам на пользу – ведь солнечные ожоги, при всей их мучительности, придали нашим лицам оттенок сродни марсианскому. Когда по прошествии нескольких дней загар начал бледнеть, мы как-то раз даже выбрались за город, в пустыню, и три-четыре часа на безжалостном солнцепеке вернули нашей коже, пусть временно, желанную красноту.

Но я забегаю вперед: чтобы вы поняли, как нам удалось выжить в этом городе, надо сперва подробно его описать.

2

На четвертый или пятый день нашего пребывания в городе Амелия окрестила его Городом Запустения; основания для этого вам, вероятно, уже ясны.

Город Запустения был расположен на пересечении двух каналов. Один из каналов, тот, на берег которого нас высадила машина времени, пролегал точно с севера на юг. Второй подходил к первому с северо-запада и после пересечения, где была возведена сложная система шлюзов, продолжался на юго-восток. Город примыкал к тупому углу, образованному каналами, южная и восточная его стороны спускались к воде; здесь находились пристани и доки.

Насколько можно было судить, город занимал площадь порядка двенадцати квадратных миль, однако сравнивать его на этом основании с какими-то земными городами нецелесообразно, ибо Город Запустения имел в плане почти идеально круглую форму. Более того, мар-

сиане куда раньше землян дошли до остроумной мысли полностью отделить промышленную зону города от жилой: городские здания строились исключительно для удовлетворения повседневных нужд населения, а все предприятия выносились в особые районы за городской чертой.

Вблизи города располагались два индустриальных центра: больший, который мы видели из окна поезда, размещался на севере, меньший приютился на берегу канала, уходящего на юго-восток.

Что касается населения, Город Запустения оказался поразительно мал; собственно, именно это обстоятельство и побудило Амелию дать городу столь нелестное название.

Было очевидно, что город возводили в расчете на многие тысячи жителей: здания были многочисленны, незастроенные участки редки. Но бросалось в глаза и то, что сегодня заселена лишь незначительная часть города, а целые его районы оставлены на произвол судьбы. В таких районах многие строения обветшали и обрушились, улицы были завалены каменным крошевом и заржавленными железными балками.

Не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что по ночам освещаются лишь населенные улицы; хотя мы обследовали город в дневные часы, но частенько натывались на кварталы, пришедшие в упадок, где осветительных башен не было и в помине. Заходить в эти кварталы ночью у нас не хватало духу: мало того, что тут было темно, пустынно и страшно, — именно такие кварталы патрулировались быстроходными экипажами, которые проносились по улицам со зловещим воем, настороженно бросая перед собой лучи прожекторов.

Бдительное полицейское патрулирование послужило для нас первым предвестием того, что и городские марсиане страдают под игом какого-то драконовского режима.

Мы терялись в догадках о причинах, вызвавших сокращение населения. Сначала мы решили, что это явление кажущееся, вызванное постоянным отливом рабочей силы в связи с чудовищным размахом индустриального производства за городом. В дневное время промышленные зоны легко было видеть невооруженным глазом — они извергали густой дым сотнями труб, а ночью эти зоны были ярко освещены, и, следовательно, работа там продолжалась; вот мы и предположили, что большинство горожан занято на предприятиях, где трудятся круглые сутки по сменам. Однако когда мы получше присмотрелись к городской жизни, то убедились, что совсем немногие из марсиан, принадлежащих к правящему классу, хотя бы изредка выходят за городскую черту, а значит, большинство промышленных рабочих относятся к сословию рабов.

Я уже говорил, что городу была придана форма круга. Обнаружили мы это чисто случайно через несколько дней, а позже сумели проверить свою догадку, поднявшись на одно из самых высоких зданий.

Впервые догадка пришла к нам при довольно занятных обстоятельствах. На второй или на третий день жизни в Городе Запустения мы с Амелией направились через весь город на север с намерением проверить, не удастся ли преодолеть примерно милю пустыни, отделяющую нас от крупнейшего из двух индустриальных центров.

Мы выбрались на улицу, ведущую строго на север и, по-видимому, постепенно выходящую в пустыню. Улица эта пролежала среди населенных кварталов, где было много наблюдательных башен. Подойдя к той, которая стояла ближе всего к пустыне, я заметил, что венчающая башню платформа больше не качается, и обратил на это внимание своей спутницы. Мы даже засомневались, стоит ли продолжать путь, но Амелия рассудила, что не видит в том беды.

Тем не менее едва мы миновали башню, как стало окончательно ясно, что тот или те, кто скрывается внутри, умышленно развернули платформу с целью держать нас под надзором, и темное овальное окно слепо уставилось нам вслед. Впрочем, никаких действий в отношении нас с башни не предприняли, и мы двинулись дальше, но с неприятным чувством, что за нами наблюдают.

Эта немая слежка поневоле вывела нас из себя, и тут мы вдруг, к вящему своему ужасу, буквально налетели на границу города; граница являла собой прозрачную или почти прозрачную стену, перегородившую улицу от края до края. Не удивительно, что сперва мы посчитали стену стеклянной, только это было вовсе не стекло, да и вообще ни один из известных нам материалов. Можно было, пожалуй, предположить, что это какое-то энергетическое поле, возбуждаемое при посредстве электрического тока. Поле вело себя совершенно инертно, и под бдительным оком наблюдательной башни мы предприняли примитивные попытки его исследовать. Понять нам удалось только то, что это непроницаемый и невидимый барьер, холодный на ощупь.

Пристыженные, мы поспешили вернуться тем же путем, что и пришли. Позже мы прокрались в заброшенные кварталы и открыли, что стена существует и там. Не потребовалось много времени, чтобы удостовериться, что стена окружает весь город не только перерезая улицы, но и прячась позади строений. Еще позже, проведя разведку с крыши, мы уяснили себе, что за пределами этого невидимого круга стоят буквально считанные здания.

Не могу не признать, что первой до истины додумалась Амелия: она связала существование стены с тем несомненным фактом, что плотность, да и температура воздуха в черте города заметно выше, чем снаружи. Амелия высказала предположение, что невидимый барьер – не просто стена, а в действительности полусфера, накрывающая город словно куполом. Именно потому, как заявила моя ученая спутница, давление воздуха удастся поднять до приемлемого уровня, а солнечные лучи, пронизывая преграду, создают под ней условия, близко напоминающие условия оранжерей.

3

Тем не менее Город Запустения отнюдь не был тюрьмой. Выйти за его пределы представляло собой задачу не более сложную, чем войти в город извне. В наших разведывательных экспедициях мы обнаружили несколько мест, где можно было без затруднений пройти сквозь брешь в стене и попасть в разреженную атмосферу пустыни.

Одну такую брешь мы отыскивали с самого начала – вереницу дверей и коридоров на железнодорожном вокзале; подобные же устройства находились на пристанях, расположенных вдоль каналов, причем иные проходы, предназначенные для транспортировки ввозимых в город материалов, достигали внушительных размеров. В конце основных улиц, ведущих в сторону промышленных зон, также были построены специальные проходы для населения.

Но самое интересное заключалось в том, что патрульные экипажи могли проезжать прямо сквозь стену не только без задержки, но и без ощутимой утечки воздуха из города. Мы видели это собственными глазами, и не один раз.

Теперь я должен по ходу повествования непременно рассказать о конструкции этих экипажей, ибо среди множества чудес, с какими мы познакомились на Марсе, эти экипажи принадлежали к числу самых замечательных.

Главнейшее их отличие от земных экипажей состояло в том, что, не в пример нашим инженерам, марсианские изобретатели обошлись в своих поисках совершенно без колеса. С тех пор как я убедился в быстротходности марсианских средств сообщения, я был обречен на бесплодные раздумья о том, насколько же далеко продвинулись бы земляне в своем развитии, откажись мы от навязчивой идеи колеса! Скажу больше: единственным колесным экипажем, какой мы встретили на Марсе, оказалась примитивная ручная тележка, которую катили рабы; вот как невысоко ценят марсиане подобный способ передвижения!

Первым увиденным нами марсианским экипажем (не считая поезда, в котором мы приехали, хотя, полагаю, поезд также не имел колес) был тот, который пронесся вдалеке, когда мы впервые брели по улицам города. Второй экипаж мы заметили утром следующего дня;

этот тоже молниеносно промчался мимо, оставив после себя невнятное ощущение быстроты и громкого шума. Однако позже мы повстречали экипаж, движущийся с более умеренной скоростью, а еще позже видели экипажи, стоящие на месте.

Утверждать, что марсианские экипажи ходят, было бы не вполне точно, но лучшего слова я просто не подберу. В углублениях под корпусом (который в соответствии со своим назначением выглядел более или менее привычно для нас) располагались ряды металлических ног – длинных или коротких, в зависимости от тех функций, какие экипажу предписывалось выполнять. Ноги были смонтированы группами по три и связаны трансмиссией со скрытой где-то в недрах корпуса силовой установкой.

Движение этих ног выглядело до смешного живым и в то же время строго автоматическим: в каждый заданный момент грунта касалась лишь одна нога из каждой тройственной группы. В движении ноги как бы сокращались и удлинялись; те, что висели в воздухе, перемещались вперед и принимали на себя тяжесть экипажа, и тогда в свою очередь приподнималась третья нога.

Самым большим экипажем, какой нам довелось рассмотреть вблизи, была машина для буксировки грузов: она опиралась на два параллельных ряда ног – по шестнадцать групп в каждом ряду, по три ноги в каждой группе. Машины, которые использовались для патрулирования города, были гораздо меньше и имели всего восемнадцать ног – два ряда по три группы.

Каждая нога, как обнаружилось при ближайшем рассмотрении, состояла из нескольких десятков аккуратно выточенных дисков, уложенных друг на друга наподобие стопки медных монет и каким-то образом сцепленных при помощи электричества. Поскольку каждая нога была заключена в прозрачную оболочку, не составляло труда наблюдать их в действии, но как осуществляется контроль за движением, оставалось выше нашего понимания. Однако в эффективности этих машин сомневаться не приходилось: мы часто встречали патрульные экипажи, проносющиеся по улицам со скоростью, которая далеко превосходила возможности самых лучших лошадей.

4

Но еще большей загадкой, чем конструкция экипажей, были те, кто управлял ими.

В том, что внутри экипажей есть кто-то живой, не возникало и тени сомнения: много раз мы наблюдали, как рядовые марсиане беседуют с водителем или с пассажирами и те отвечают им сквозь металлическую решетку, врезанную в борт машины. Яснее ясного было и то, что водители пользуются чрезвычайным авторитетом; прохожие, когда к ним обращались из экипажей, сразу же принимали приниженный, а то и подобострастный вид и разговаривали почти шепотом. Но самих водителей мы ни разу не видели, экипажи оставались закрытыми со всех сторон, – по крайней мере, кабина водителя всегда бывала закрыта наглухо. Взгляд упирался в плоскость темного стекла, поставленную впереди экипажа: по-видимому, за этим стеклом сидел или стоял водитель. Стекла точь-в-точь походили на те, что являлись непременной принадлежностью наблюдательных башен, и мы решили, что башнями и экипажами управляют марсиане одного и того же ранга.

Надо еще сказать, что отнюдь не все экипажи выполняли столь прозаические функции, как, возможно, показалось из моих слов.

Повседневно сталкиваясь с множеством странных картин и явлений, мы с Амелией волей-неволей пытались отыскать земные параллели тому, что видели. И потому вполне вероятно, что иные допущения, сделанные нами в то время, не соответствуют истине. Предположить, что грузовые экипажи играют роль подвод, было относительно просто – ведь они на наших глазах совершали работу, вполне аналогичную земной. Но для некоторых машин зем-

ных эквивалентов просто-напросто не существовало. Например, для машины, которую марсиане использовали при ремонте наблюдательных башен.

Одна такая башня стояла как раз напротив дома-спальни, где мы поселились, и ее было хорошо видно прямо из наших гамаков. Мы уже прожили в доме, наверное, дней восемь, когда Амелия обратила внимание, что с башней что-то случилось: ее верхняя платформа перестала покачиваться с боку на бок. А ночью на башне впервые не включился свет.

Но уже на следующее утро у подножия башни затормозил большой экипаж, и перед нами развернулась ремонтная операция, которую я не могу не назвать совершенно фантастической.

Упомянутый экипаж принадлежал к типу, какой мы до сих пор видели в городе два-три раза, и то издали: низкая длинная машина, а наверху многоногого кузова свалена в беспорядке масса поблескивающих труб. Как только экипаж остановился у наблюдательной башни, эта гора металла вдруг приподнялась, и оказалось, что у нее пять змеистых, составленных из дисков ног и еще не менее двух десятков гибких рук, напоминающих щупальца.

Затем, к нашему изумлению, механизм спустился из кузова на мостовую, лязгая и звеня всеми своими суставчатыми конечностями, и преодолел несколько ярдов до основания башни поступью, необыкновенно похожей на движения паука. Мы смотрели во все глаза, силясь понять, как и кто распоряжается этим чудищем, но либо оно обладало собственным разумом, либо каким-то непостижимым образом подчинялось водителю экипажа, только вблизи «паука» безусловно никого не было. Достигнув подножия башни, чудище вытянуло щупальце и коснулось выступающей металлической пластинки на одной из опор, и спустя мгновение мы заметили, что верхняя платформа снижается. Очевидно, снизиться она могла лишь до какого-то предела; когда от мостовой до платформы осталось футов двадцать, дьявольское устройство охватило опоры своими щупальцами, сжало их в ужасных объятиях и медленно поползло вверх – ни дать ни взять паук, взбирающийся по паутине.

Едва паук подобрался к цели, он устроился на опорах попрочнее, скрестив ноги, и немедленно запустил щупальца в мелкие отверстия на днище платформы, явно обследуя внутренний механизм в поисках испортившейся детали.

Мы с Амелией пристально наблюдали за всей этой операцией, оставаясь невидимыми внутри здания. С момента появления многоногого экипажа до его отбытия прошло каких-то двадцать минут, но, когда железное чудище вернулось на свое место в кузове, платформа уже опять поднялась на первоначальную высоту и принялась снова покачиваться с боку на бок, будто и не портилась никогда.

5

До сих пор я почти ничего не сказал о том, как мы ухитрились жить в этом городе отчаяния, и не собираюсь пока об этом говорить. Нас обуревали разнообразные и весьма серьезные заботы, и во многих отношениях они были для нас важнее, чем то, что мы видели вокруг. Однако, прежде чем перейти к дальнейшему повествованию, я должен со всей ясностью обрисовать наше положение. Все мы зависим от окружающей среды, и, как ни грустно, мы с Амелией не вдруг заметили, что стали во многом сами похожи на марсиан. Отчаяние, переполняющее их жизнь, проникло и в наши души.

6

Сколько мы ни бродили по городу, один мучивший нас вопрос по-прежнему оставался без ответа: мы так и не могли взять в толк, чем обыкновенный марсианин занимается изо дня в день.

К тому времени мы уже получили известное представление о присущих Марсу социальных разграничениях. Низшим общественным слоем, вне всякого сомнения, являлись рабы, которых заставляли выполнять всю тяжелую и унижительную физическую работу, необходимую для существования любого цивилизованного общества. Затем следовали горожане, которым было доверено надзирать за рабами. Еще выше на социальной лестнице стояли те, кто управлял многоногими машинами, да, вероятно, и остальными механическими устройствами.

Более всего интересовали нас горожане – ведь именно среди них мы жили изо дня в день. Как ни странно, отнюдь не все они имели какое-то постоянное занятие. К примеру, надсмотрщиков требовалось сравнительно немного (нам нередко случалось видеть, как один-два надсмотрщика, вооруженные лишь электрическими бичами, с успехом командуют сотнями рабов). И хотя экипажи и машины в городе встречались в большом числе, но еще больше было людей, проводящих дни в неприкрытой праздности.

В часы прогулок мы с Амелией собрали целый ряд доказательств тому, что марсиане сплошь и рядом не знают, как убить время. Ночные попойки были, если угодно, следствием двух причин: отчасти их затевали с целью утолить бесконечную скорбь, отчасти просто от скуки. Мы нередко становились свидетелями ссор, иногда дело доходило до драки, хотя надо признать, что спорщики и драчуны мгновенно бросались врассыпную при появлении патрульного экипажа. Были и другие признаки, указывающие, что народу некуда деть свою энергию, не на что направить мысли. В середине дня, когда солнце поднималось прямо над головой (мы пришли к выводу, что город расположен почти на самом марсианском экваторе), тротуары заполняли лежащие мужчины и женщины, надумавшие понаслаждаться теплом.

Может статься, объяснение всему этому заключалось в том, что они, по крайней мере некоторые из них, обычно трудятся в близлежащих промышленных зонах, а те, что слоняются по городу, в настоящий момент находятся в отпуске?

Так или иначе, нам обоим очень хотелось осмотреть эти зоны и по возможности установить характер не прекращающейся там ни днем ни ночью кипучей деятельности. И вот однажды, дней через пятнадцать после нашего прибытия на Марс, мы с Амелией решились покинуть город и обследовать меньший из двух промышленных комплексов. Мы уже установили, что туда ведет накатанная дорога; правда, ездили по ней в основном экипажи грузового типа, но попадались и пешеходы – как горожане, так и рабы. Следовательно, подумали мы, если мы рискуем прогуляться пешком, то не привлечем ничьего особого внимания.

Мы вышли из-под купола через герметизированные коридоры и очутились на загородном просторе. Наши легкие сразу же заныли, с трудом выцеживая из атмосферы крохи кислорода, и мы оба принялись жаловаться на неумеренность климата – на холод, скудость воздуха и безжалостное сияние солнца.

Шли мы медленно, помня по опыту, как изматывает в этих условиях любая физическая нагрузка, и за полчаса покрыли чуть больше четверти расстояния до промышленной зоны. Но уже здесь можно было почувствовать фабричные дымы и запахи, хотя никакого шума и лязга, обычно связанного с производством, нам расслышать не удавалось.

Мы остановились на отдых, и тут Амелия коснулась моей руки и показала на юг:

– Что там такое, Эдуард?

Я взглянул в указанном направлении.

Мы двинулись в сторону промышленной зоны, почти точно на юго-восток параллельно каналу, однако на противоположной его стороне, вдали от заводов, виднелось нечто по первому впечатлению напоминающее гигантский трубопровод. Но если это трубопровод, почему он не связан совершенно ни с чем и смотрит на нас открытым концом?

Продолжения трубы мы разглядеть не могли – оно пряталось за промышленными постройками. Вполне вероятно, что сама конструкция и не обратила бы на себя нашего внимания, но примечательным казался тот факт, что вокруг открытого ее конца кипела напряженная

работа. Место, где мы остановились, от трубы отделяли, наверное, мили две, но в прозрачном воздухе можно было различить, что вокруг нее копошатся десятки, если не сотни рабочих.

По договоренности мы отдыхали минут пятнадцать – настолько отвыкли от разреженной атмосферы, – но и тогда, когда тронулись дальше, поневоле то и дело поглядывали в сторону «трубопровода».

– А не может это быть какое-нибудь ирригационное сооружение? – высказал я догадку, подметив, что труба тянется с запада на восток и как бы соединяет два расходящихся канала.

– С жерлом таких размеров?..

Пришлось согласиться, что мое предположение маловероятно: фигуры, находящиеся рядом с трубой, по сравнению с ней выглядели муравьями. Внутренний диаметр трубы был, вероятно, порядка двадцати футов, да еще и металл, из которого ее сделали, достигал в толщину восьми-девяти футов.

Задавшись целью рассмотреть загадочную конструкцию получше, мы сошли с дороги и побрели напрямик на юг по битому камню и песку пустыни. Моста через канал в этом месте не было, в обе стороны, сколько хватал глаз, тянулся ровный береговой откос, но труба уже достаточно приблизилась, чтобы взглянуть на нее без помех.

Выяснилось, что она вытянулась в длину примерно на милю. С этой более выгодной позиции мы видели теперь и дальний ее конец, нависший над небольшим озером. Озеро было несомненно искусственным – это можно было понять по его прямым и к тому же укрепленным берегам; в результате если не вся, то по крайней мере половина трубы оказывалась над водой. А на берегах озера возвышались два внушительных здания одно против другого, и труба проходила между ними как раз посередине.

Мы сели рядом на берегу канала и стали следить за тем, что происходит. В данный момент рабочие у ближнего конца трубы занимались тем, что извлекали из ее недр какой-то большой предмет или аппарат. Когда его наконец вынули, то спустили по настилу на песок. Очевидно, при этом возникли определенные трудности, так как откуда-то пригнали еще рабочих на помощь.

Через полчаса аппарат был благополучно извлечен и отодвинут от жерла на известное расстояние. Как только задача была решена, всех, кто работал подле трубы, как ветром сдуло. Прошло еще две-три минуты, и я сделал неожиданное открытие.

– Смотрите, Амелия! – воскликнул я. – Она поднимается!

Ближайший к нам конец трубы начал отрываться от грунта. Одновременно дальний ее конец стал понемногу опускаться в воду. В зданиях по краям озера, очевидно, располагались машины, приводящие всю систему в движение: через эти здания проходила ось вращения трубы, и до нас долетал рев и грохот спрятанных внутри машин, а сквозь отверстия в стенах вырывался зеленый дым.

Труба поднималась вверх минуту, от силы две, – невзирая на ее исполинские размеры, движение осуществлялось плавно и равномерно. Когда она встала под углом градусов сорок пять к горизонту, грохот машин прекратился, последнее облачко зеленого дыма уплыло прочь. Было около полудня, солнце пылало прямо над нашими головами.

А труба в новом своем положении приобрела, в том не оставалось сомнений, вид гигантской пушки, нацеленной в небо.

Вода в озере успокоилась, рабочие, хлопотавшие вокруг, по всей вероятности, попрятались в приземистых строениях, разбросанных неподалеку. Только мы с Амелией, так и не понявшие смысла всех этих приготовлений, продолжали сидеть как ни в чем не бывало.

Первым признаком того, что пушка выстрелила, была белая пена, вскипевшая вдруг по всей поверхности озера. Мгновением позже мы почувствовали, как содрогнулась и задрожала почва, на которой мы сидим, и воды канала перед нами из края в край всколыхнулись рябью.

Я кинулся к Амелии, обхватил ее за плечи и повалил на откос. Она неуклюже упала на бок, но я и сам бросился следом, прикрыв ей лицо своим плечом, а голову руками. Мы ощущали сильнейшие сотрясения почвы, словно она вот-вот разверзнется в землетрясении, а потом на нас обрушился такой сокрушительный гром, будто мы очутились в самом сердце грозы.

Буйство стихий стремительно достигло апогея и кончилось так же внезапно, как началось. В ту же секунду до нас донесся затяжной, пронзительный взрыв – все вокруг зарокотало и завывало, будто тысяча паровозных свистков грянула нам в уши. Вой начался сразу на самой высокой ноте и быстро сошел на нет.

Когда все успокоилось, мы снова сели и не сговариваясь усталились на пушку по ту сторону канала. От снаряда – если он вообще существовал – не осталось никакого следа, зато из пушечного дула извергалось самое большое облако пара, какое я когда-либо видел в своей жизни. Оно было ослепительно-белым и сверкало над жерлом, сохраняя почти правильную круглую форму и непрерывно разрастаясь благодаря новым и новым клубам, вырывающимся изнутри. Менее чем за минуту пар затмил солнце, и сразу стало холодно. С нашего наблюдательного пункта нам было видно, что тень накрыла чуть не всю планету до самого горизонта. Очутившись прямо под облаком, мы не могли определить его толщину, но по глубине тени догадывались, что она весьма значительна.

Мы поднялись на ноги. Пушка уже вновь начала опускаться; в недрах зданий, где крепилась ее ось, опять загрохотали машины. Рабы и надсмотрщики потихоньку выбирались из своих убежищ.

Без всяких колебаний мы зашагали обратно к городу, мечтая как можно скорее вернуться к его относительному комфорту. В тот же миг, как солнце скрылось, окружающая температура упала гораздо ниже точки замерзания. Поэтому мы не слишком удивились, когда двумя-тремя минутами позже заметили, что вокруг порхают первые снежинки, а вскоре легкий снегопад превратился в истый буран, густой и слепящий.

Поднять глаза вверх нам удалось лишь однажды, и тут мы убедились, что туча, откуда падал снег, – то самое облако пара, которое изверглось из пушки! – закрыла теперь почти все небо.

Мы чуть не прозевали тот пункт, где можно войти в город, – так глубока была укутавшая дорогу снежная пелена. Зато мы впервые воочию увидели незримое прежде защитное поле, которое накрывало город: на купол толстым слоем налип снег.

Через несколько часов почва у нас под ногами содрогнулась снова, а потом опять и опять. Всего мы насчитали двенадцать взрывов с интервалами примерно по пять-шесть часов. В конце концов солнечные лучи прорвались сквозь тучи и растопили снег, облепивший купол, и тем не менее эти дни остались в нашей памяти как сумрачные и жуткие. И, судя по многим признакам, среди жителей Города Запустения так полагали отнюдь не мы одни.

7

На этом пока прервем рассказ о тайнах марсианского города. Описывая их, я по необходимости должен был представить Амелию и себя самого эдакими туристами, пытливыми и беспристрастными глазами по сторонам подобно любому путешественнику в чуждальных землях. Однако в действительности, хотя нас и занимало то, что мы видели, до беспристрастности нам было очень и очень далеко: надо ли говорить, что нас более всего тревожила наша собственная судьба.

Мы редко касались самого главного, разве что косвенно, – не потому, что не думали об этом, а потому, что понимали: затрагивай или не затрагивай эту болезненную тему, ничего утешительного все равно не изобретешь. Мы никогда не сумеем вернуться на Землю – это, увы, была

непреложная истина. В сущности, она лежала в основе всех наших мыслей и поступков, мы отдавали себе отчет, что нельзя вечно играть в прятки с собой, но в открытую планировать пребывание в Городе Запустения на весь остаток жизни означало окончательно примириться со своей участью.

Ближе всего мы подошли к тому, чтобы прямо взглянуть правде в глаза, в тот день, когда впервые осознали, как далеко продвинулась в своем развитии марсианская наука. Полагая, что в столь передовом обществе будет не слишком сложно достать необходимые материалы, я даже рискнул обратиться к Амелии с предложением:

– Надо найти какое-то место, где можно устроить лабораторию.

Она посмотрела на меня с насмешкой:

– Вы что, надумали заняться науками?

– Мне пришло на ум, что мы могли бы попытаться соорудить вторую машину времени.

– А вы имеете хоть малейшее представление о том, как она работает?

Я покачал головой:

– Признаюсь, я надеялся, что это известно вам как ассистентке сэра Уильяма.

– Дорогой мой, – ответила Амелия, на миг нежно взяв мою руку в свои, – я ведаю об этом не больше вашего.

Мысль о машине пришлось оставить. До той минуты она была моей последней надеждой, но я уже узнал Амелию достаточно хорошо, чтобы уловить подоплеку, скрытую за ее словами. Я понял, что она и сама взвешивала подобную идею и сделала категорический вывод: воссоздать шедевр сэра Уильяма у нас нет ни единого шанса из миллиона. И потому, не пускаясь более в обсуждение дальнейших планов, мы просто день за днем влачили свое существование, и каждый втайне от другого сознавал: возвращение на Землю невысказанно. Настанет день, когда мы должны будем сказать друг другу правду, но покамест мы оттягивали этот день, как только могли.

Если нам не удавалось обрести душевное равновесие, что уж говорить о физических потребностях организма! Двухдневные скитания по пустыне, судя по всему, не принесли нам особого вреда, хотя я и страдал одно время легким насморком. А вот после первого марсианского ужина ни я, ни Амелия не сумели справиться с тошнотой, и последующая ночь выдалась для нас обоих очень мучительной. С той поры мы взяли за правило принимать пищу в небольших количествах. По соседству с нашим домом-спальней находились три столовые, и мы посещали все три поочередно.

Как я уже упоминал, мы спали в здании, где не было других жильцов. Гамаки казались достаточно широкими для двоих, и я, не в силах забыть, что произошло между нами ранее, наметил Амелии, что, быть может, нам станет теплее, если мы разделим один гамак.

– Здесь вам не пустыня, Эдуард, – последовал ответ, и с того дня мы спали раздельно.

Ее отпор больно задел меня: хотя мои намерения в отношении Амелии по-прежнему оставались достойными и честными, у меня были все основания полагать, что мы отнюдь не чужие друг другу. Но я обещал себе подчиниться ее воле.

В дневное время мы сохраняли самые теплые дружеские отношения. На прогулках она нередко брала меня за руку или под руку, а вечером, прежде чем я отворачивался, чтобы дать ей возможность раздеться, мы обменивались целомудренным поцелуем. Говоря по совести, при этом во мне вспыхивали желания, которые никак нельзя было назвать достойными и честными, и я боролся с искушением вновь обратиться к ней с просьбой выйти за меня замуж. Просьба была, разумеется, неисполнимой – где же, в самом деле, найти на Марсе церковь? Это также оставалось вопросом, который волей-неволей приходилось отложить до того часа, когда мы смиримся со своей судьбой.

Самое же главное – нас поминутно терзали сожаления об утраченной родине. Что до меня, то я проводил целые дни, вспоминая своих родителей и горюя о том, что никогда их

больше не увижу. Случалось мне задумываться и о совершенных пустяках. Например, я ощущал непреодолимую уверенность в том, что оставил в своей комнате в пансионе миссис Тейт зажженную лампу. В то воскресное утро, когда мне предстояло отправиться в Ричмонд, я пребывал в таком приподнятом настроении, что, похоже, выходя из дому, не прикрутил фитиль. Мне до раздражения ясно помнилось, как я, встав с постели, зажигаю лампу... но неужели я все-таки не погасил ее? Напрасно я пытался урезонить себя тем, что сейчас, восемь или девять лет спустя, мои сомнения совершенно несущественны. Как я ни гнал их, они упорно возвращались и не давали мне покоя.

Амелия тоже казалась погруженной в свои мысли, хотя о характере этих мыслей можно было только гадать. Она даже силилась не подавать виду, что занята собой, и проявляла живой интерес ко всему, что творится в городе, но затем мы оба подолгу впадали в молчание, и паузы были красноречивее слов. Внутренняя неуравновешенность Амелии доходила до того, что временами она начинала разговаривать во сне; речь ее в таких случаях становилась по большей части бессвязной, но изредка она произносила мое имя, а иногда имя сэра Уильяма. Однажды я улучил момент и как мог тактичнее спросил ее об ее сновидениях, но она ответила, что не запоминает снов.

8

Через несколько дней после того, как мы обосновались в городе, Амелия поставила перед собой задачу изучить марсианский язык. У нее всегда были, как она считала, способности к языкам, и даже то, что она не располагает никакими сведениями ни о словаре, ни о грамматике местных жителей, не лишало ее оптимизма. Существуют, уверяла она, простейшие ситуации, в которых можно разобраться без труда, и надо лишь прислушаться к тому, что говорят вокруг, чтобы создать элементарный запас слов. Разумеется, это принесло бы нам величайшую пользу, поскольку вынужденная немота резко ограничивала наши возможности.

Прежде всего Амелия взялась за истолкование письменного языка марсиан – тех немногочисленных вывесок, которые встречались нам в городе.

Вывески и в самом деле можно было пересчитать по пальцам. Какие-то надписи красовались у каждого выхода из города, какие-то слова были выведены на бортах отдельных многоногих экипажей. И тут Амелия сразу же столкнулась с серьезными трудностями, ибо, по ее наблюдениям, ни один знак в этих надписях ни разу не повторялся. Хуже того, марсиане, судя по всему, пользовались для своих вывесок шрифтами разного рисунка, и в результате Амелия так и не сумела усвоить хотя бы одну-две буквы марсианского алфавита.

Тогда она обратила свое внимание на устную речь, но трудностей и тут не убавилось. Главная из них состояла в множественности интонаций. Даже если отвлечься от того, что голосовые связки марсиан были настроены на тон, гораздо более высокий, чем привычно для земного слуха (оставшись наедине, мы с Амелией неоднократно пытались воспроизвести этот тон, но достигали лишь комического эффекта), – живая речь изобиловала множеством интонационных тонкостей и оттенков. Иногда марсианский выговор звучал, по земным представлениям, очень жестко, а то и просто неприятно, иногда становился несравнимо музыкальнее и мягче. Одни марсиане говорили с каким-то сложным присвистыванием, другие затягивали гласные и подчеркивали взрывные согласные.

Еще в большей степени задача осложнялась тем, что марсиане, все без исключения, сопровождали свою речь замысловатыми движениями рук и головы, и в довершение наших бед обращались к различным собеседникам в разном интонационном ключе. Что же касается рабов, то они, как нам казалось, говорили на особом, отличном от горожан диалекте.

Пять-шесть дней безуспешных стараний привели Амелию к печальному выводу, что сложность языка (или языков) превосходит ее способности. Тем не менее до самой последней

минуты, проведенной нами вместе в Городе Запустения, она не оставляла попыток классифицировать отдельные звуки, и я искренне восхищался ее упорством.

Впрочем, был в обиходе марсиан один звук, в значении которого сомневаться не приходилось. Звук этот – общий для всех языков, для всех рас Земли; тот же смысл он, как выяснилось, имел и на Марсе. Вскоре нам предстояло услышать его не один, а много раз – жуткий, неудержимый вопль ужаса.

9

Мы прожили в Городе Запустения недели две, когда разразилась эпидемия. Сперва мы оставались в неведении, что случилось, хотя и замечали некоторые признаки надвигающейся беды, не понимая ее причины. Например, как-то вечером нам показалось, что в столовой меньше марсиан, чем обычно, но мы уже настолько притерпелись к странностям чужого мира, что ни один из нас не усмотрел в этом ничего плохого.

На следующий день мы стали свидетелями выстрела снежной пушки (так мы ее окрестили), и она приковала к себе все наше внимание без остатка. Однако к концу того периода, когда на город с утра до вечера падал снег, уже никто не смог бы усомниться, что жизнь серьезно разладилась. Мы видели на улицах нескольких мертвых или впавших в беспамятство марсиан, а визит в одну из соседних спален подтвердил, что многие ее обитатели больны. Даже неутомимая деятельность экипажей претерпела явные изменения: во-первых, их стало меньше, а во-вторых, один или два из них использовались теперь как кареты «Скорой помощи».

Надо ли говорить, что, как только мы с Амелией полностью осознали характер происходящего, мы постарались держаться подальше от обитаемых кварталов города. К счастью, никто из нас не обнаружил никаких симптомов болезни; насморк, возникший как следствие простуды, продолжался у меня чуть дольше, чем дома, но и только.

В Амелии пробудился дремлющий в каждой женщине инстинкт сострадания, совесть склоняла ее немедленно отправиться на помощь страждущим, но поступить так было бы в высшей степени неразумно. Мы постарались всячески обособить себя от нового несчастья и жили надеждой, что болезнь скоро пройдет.

Видимо, зараза оказалась все же не слишком стойкой. Правда, переболел чуть ли не каждый второй, а однажды мы прикинули число тел, погруженных в многоногий экипаж, и поняли, что погибших тоже немало. Но дней через пять жизнь постепенно возвратилась в обычную колею. Если и произошла какая-то перемена, то лишь единственная; всеобщая скорбь стала еще более глубокой, и мы впервые почувствовали, что у марсиан есть на то весомые основания: в городе, и раньше малонаселенном, стало, увы, еще меньше народу, однако экипажи вернулись к нормальному патрулированию и перевозке грузов, и мертвые на улицах больше не попадались.

И вот тогда-то, когда мы совсем уверили себя, что все вошло в норму, настала ночь зеленых взрывов.

Глава X. Нашествие

1

Я проснулся с первым же взрывом, но, еще не стряхнув с себя сон, решил, что это опять стреляет снежная пушка. За те несколько ночей, что она действовала, мы уже успели привыкнуть к толчкам и отдаленному грохоту. Но звук, который разбудил меня, казался иным.

– Эдуард!

– Я не сплю, – откликнулся я. – Что, снова пушка?

– Нет, это что-то другое. И, кроме того, была вспышка. Осветило всю комнату.

Я промолчал, так как усвоил, что всякие догадки о событиях, свидетелями которых мы здесь становимся, обречены на провал. Прошло минут пять, город оставался недвижим.

– Мало ли что бывает, – сказал я. – Давайте спать.

– Слушайте!..

Где-то вдалеке по спящему городу, зловеще завывая, пронесся патрульный экипаж. Мгновением позже мы услышали второй экипаж – этот промчался ближе, всего в нескольких кварталах от нашего укрытия.

И тут комнату на миг залил ослепительный, мертвенно-зеленый свет. Он выхватил из мрака Амелию, которая сидела в гамаке, завернувшись в перинку. Через секунду-другую до нас долетел взрыв – он произошел где-то за городом, но сила его была чудовищной.

Амелия выбралась из гамака, как обычно, не без труда, и направилась к ближайшему окну.

– Видно что-нибудь?

– По-моему, где-то пожар, – ответила она. – Трудно сказать наверняка. Кажется, что-то горит зеленым пламенем.

Я тоже собрался встать, желая взглянуть на необычный пожар своими глазами, но Амелия остановила меня.

– Пожалуйста, не подходите к окну, – попросила она. – Я не одета.

– Тогда потрудитесь накинуть на себя что-нибудь. Я тоже хочу видеть, что творится.

Она отпрянула от окна и поспешила туда, где сложила на ночь свою одежду, и в ту же минуту комнату вновь заполнил яркий зеленый свет. Мельком и невольно я различил контуры женского тела, но заставил себя отвести глаза в сторону, чтобы не смущать Амелию. Через две секунды раздался новый громкий взрыв, много ближе и сильнее, и пол ходуном заходил у нас под ногами.

– Я надела рубашку, Эдуард, – послышался голос Амелии. – Можете составить мне компанию.

Я обычно спал, не снимая марсианского одеяния, так что мне ничто не мешало выскочить из гамака и присоединиться к ней у окна. Амелия оказалась права – к востоку от нас тянулась полоса зеленого света. Полоса эта не была ни слишком широкой, ни особенно яркой, однако в самой середине зелень становилась насыщеннее, и это в самом деле наводило на мысль о пожаре. На наших глазах полоса потихоньку бледнела, но тут рядом с ней вспыхнул новый взрыв, и я оттащил Амелию от окна. На сей раз сотрясение оказалось еще мощнее, и нас начал одолевать страх.

Амелия вознамерилась было снова выглянуть в окно, но я обнял ее за плечи и вынудил остаться на месте. Снаружи переключались сирены, потом опять последовали вспышка зеленого света и грохот взрыва.

– Возвращайтесь к себе, Амелия, – распорядился я. – По крайней мере в гамаках можно не опасаться, что пол провалится у нас под ногами.

К моему удивлению, Амелия и не подумала возражать, а торопливо вскарабкалась в ближайший гамак. Я бросил последний взгляд в сторону взрывов, мимо наблюдательной башни, которая торчала у самого нашего дома; зеленое пламя разливалось все шире. Словно нарочно подгадав к этому моменту, мне в глаза полыхнула очередная зеленая вспышка, сопровождаемая сильным толчком, и я тоже поспешил к гамакам.

Оказалось, что Амелия сидит на краю того гамака, где обычно ночевал я.

– Кажется, сегодня мне действительно будет спокойнее с вами, – произнесла она, не утаив от меня предательской дрожи в голосе.

Я тоже чувствовал себя оробевшим не на шутку: сила этих взрывов могла перепугать кого угодно, и, хотя до них было достаточно далеко, ничего подобного я не слышал во всей своей жизни.

В темноте я с трудом различал силуэт своей спутницы. Кое-как нащупал край гамака – и тут Амелия сама протянула мне руку. В этот миг опять полыхнула вспышка, еще более ослепительная, чем прежние. Взрывная волна, докатившись до нас, казалось, поколебала самый фундамент здания. И я, отбросив всякую сдержанность, залез в гамак и обнял Амелию. Она прильнула ко мне, и на время мы совершенно забыли про таинственные взрывы снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.